САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*На правах рукописи*

**Ли Вэньжуй**

# ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург - 2019

## СОДЕРЖАНИЕ

**ВВЕДЕНИЕ** ..... 4

**ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ ПАРЕМИЙ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ** ..... 14

1.1. Лингвокультурология и лингвокультурологические методы исследования ..... 14

1.1.1. Лингвокультурология как наука ..... 14

1.1.2. Языковая картина мира ..... 21

1.1.3. Коды культуры ..... 25

1.1.4. Методы лингвокультурологического анализа ..... 31

1.2. Роль символов и стереотипов в лингвокультурологическом описании ..... 45

1.2.1. Определение понятия символ в лингвокультурологическом аспекте ..... 45

1.2.2. Определение понятия стереотип в лингвокультурологическом аспекте ..... 51

1.3. Паремиологическая картина мира как часть языковой картины мира ..... 58

1.3.1. Пословицы как разряд фразеологии: основные направления изучения паремий, языковой статус пословиц ..... 63

1.3.2. Оппозиции в составе паремий. Понятие пословичный бином ..... 80

1.3.3. Изучение внешности человека в лингвистической литературе ..... 84

1.4. Изучение пословиц в китайской лингвистике ..... 87

ВЫВОДЫ ..... 92

**ГЛАВА II. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА** ..... 95

2.1. Принципы отбора, общий состав и характеристика материала .....
2.2. Стереотипы красоты и уродства в русской и китайской паремиологической картине мира ..... 104
2.3. Лингвокультурологическая интерпретация паремий с компонентом – соматизмом при описании внешности человека ..... 120
2.4. Лингвокультурологическая интерпретация паремий с компонентом – орнитонимом при описании внешности человека ..... 128
2.5. Лингвокультурологическая интерпретация паремий с компонентом – фитонимом при описании внешности человека ..... 138
2.6. Структура словарной статьи лингвокультурологического словаря паремий по теме «Внешность человека» ..... 147
ВЫВОДЫ ..... 153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ..... 157
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ..... 161
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ ..... 185
ИНТЕРНЕТ- ИСТОЧНИКИ ..... 189
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ..... 191
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Привлеченные к анализу русские пословицы ..... 192
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Привлеченные к анализу китайские пословицы ..... 205

# ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено лингвокультурологическому изучению русских паремий, характеризующих внешность человека, на фоне китайского языка.

О неразрывной связи мышления, культуры и языка написано уже немало. Учеными давно отмечена способность языка отражать окружающий человека мир – как реальные условия его жизни, со многими бытовыми деталями, так и общественное самосознание народа, и его культуру, нравы и традиции, менталитет и народный характер, систему ценностей и т.д. [Тер-Минасова 2004: 243]. Лингвокультурологический подход к единицам языка позволяет увидеть, каким образом в языке отражается культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия, какие «вербализованные смыслы оказываются наиболее важными, отражающими лингвоменталитет определенного этноса» [Воркачев 2003: 10].

Язык фиксирует и хранит культурные ценности в единицах разных языковых уровней, в том числе во фразеологии – пословицах и поговорках, в литературных и фольклорных текстах.

Фразеология давно привлекает внимание исследователей. Под различными названиями она объяснялась как в специальных сборниках, так и в толковых словарях начиная с конца XVIII в. (например: И.С. Аксаков 1900, О.М. Бодянский 1837, Р. Вестфаль 1897, Н.А. Цертелев 1820). Проблемы фразеологии привлекали к себе внимание таких российских и зарубежных учёных, как К.И. Григас, А. Дандис, Х. Касарес, Г.Л. Пермяков, А.Н. Гвоздев, В.М. Мокиенко, А.И. Молотков, З.К. Тарланов, В.Н. Телия, Н.Ф. Алефиренко, Л.Б. Савенкова, Е.И. Селиверстова, Н.Н. Семененко и др. Однако тот факт, что изучение языка фольклора должно стать самостоятельным предметом изучения, стало ясно лишь к 40-м годам XX

столетия, которые принято считать началом возникновения фразеологии как лингвистической дисциплины в русской науке [Копылова 2010: 89].

Мы придерживаемся широкого понимания объема фразеологии, т.к. в этом случае в качестве предмета ее изучения рассматриваются все устойчивые выражения и коммуникативные единицы, в число которых входят, в частности, пословицы.

Паремийные единицы подходят для анализа сферы ментальных установок культуры, стереотипных представлений, культурных символов и т.д., поскольку они предназначены для этого самой своей природой – способностью фиксировать те или иные формы поведения и прямо или косвенно выражать их оценку. Пословица становится определённой формой рекомендации той или иной модели поведения, неким морально-нравственным мерилом. Например: *На красивую глядеть хорошо, а с умной жить лучше; Красавица без ума – что кошелёк без денег.*

Пословичная картина мира, по мнению Е.В. Ивановой, весьма полно и детально изложившей суть когнитивного подхода к паремиям, состоит из множества блоков знания, заключенных в отдельных пословицах, и способов его организации [Иванова 2002: 56].

Кроме того, тема данного исследования актуальна, поскольку интерес портретному изображению – следствие неослабевающего внимания к человеку. Сфера использования портретной характеристики человека достаточно широка, она включает в себя различные области науки, искусства, человеческого общения. Описание внешности человека занимает важное место в этической и эстетической картине мира любого народа. Необходимость использования портретного описания часто возникает в процессе коммуникации. При этом представления о внешности человека и критериях ее оценки меняются с течением времени. По этой причине представляется интересным обращение к пословичным текстам, в которых описываются характерные черты и запоминающиеся особенности внешности человека с точки зрения *наивного* сознания. Эта особенность восприятия при

взаимодействии и коммуникации людей универсальна для представителей любой национальности. Но представление о красоте человека, эталоны (стереотипы и символы) красоты различны у представителей разных культур, что обусловливает и использование различных языковых средств при оценке внешности человека.

Внешность человека стала предметом лингвистического описания и анализа в работах не только многочисленных российских лингвистов (В.С. Барахов 1985, Н.Н. Кузнецова 1997, О.В. Коротун 2002, Л.Я. Мачковская 2009, Н.А. Николина 2003, М.Р. Натх 1985, С.В. Овчинникова 2001, Г.А. Путягин 1975, Г.В. Старикова 1985, К.Л. Сизова 1995, Т.Г. Симонова 2002, М.Г. Уртминцева 2005, Т.Н. Федотова 1999, Чжан Хун 2008, А.А. Мильбрет 2014, О.А. Вдовина 2011, А.С. Алёшин 2012, Г.В. Токарев 2013, Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова 2007), но и в работах представителей китайской культуры – Конфуций, Мэн-Цзы, Чжуан-Цзы, Лао-Цзы и т.д. Лексика, описывающая внешний облик человека, являлась объектом лингвистического изучения в рамках различных подходов: лингво – когнитивного; функционально-семантического; системного, что проявляется в разных способах группировки лексики; в рамках концептологического подхода и др.

Но описание *внешности человека* на материале паремий в лингвокультурологическом аспекте на фоне китайского языка до настоящего времени не проводилось, в этом мы видим новизну данной работы.

Внешность человека можно причислить к ключевым понятиям культуры, традиционно связанным с такими концептами как *красота*, *уродство*, *ум*, *доброта*, *труд* и т.п., и весьма важным в языковой и культурно-понятийной картинах мира, поскольку в каждой культуре постепенно формируются достаточно четкие суждения о человеке, о мире, о нормах и правилах существования в нем.

**Актуальность диссертации** обусловлена тем, что данная работа проводится в рамках сопоставительной лингвокультурологии, т.е. в рамках

двух основных направлений лингвокультурологии – паремиологическом и сопоставительном. Пословицы являются обязательным компонентом любого национального языка, они аккумулируют и передают народную мудрость из поколения в поколение. При наличии общих черт, паремии отличаются национально-культурным своеобразием. Трудность в понимании паремийного материала состоит в том, что слова, входящие в их состав и «отражающие одни и те же для разных народов реалии, …выступают носителями различных смыслов, служат выразителями тех или иных символов, эталонов, стереотипов, концептов, мифологем» [Ковшова 2019:15].

Несовпадения в понимании национальных реалий обусловлены особенностями климата, географического положения, историческим и культурным своеобразием, особенностями уклада, быта того или иного народа.

Выбранная для исследования тема «Внешность человека» относится к ключевым понятиям культуры каждого народа. Паремии, вербализующие данный фрагмент национальной картины мира, частотны в художественной литературе и публицистике, многие из них часто используются в разговорной речи носителей языка. Несовпадающие в различных культурах символы, образы и стереотипы могут привести к сбоям в межкультурной коммуникации.

Выявление общего и специфического в русских и китайских пословицах, описывающих внешность человека, будет способствовать более глубокому пониманию национального мировосприятия, поможет избежать конфликтов в межкультурном общении.

Актуальность предпринимаемого исследования обусловлена так же отсутствием в настоящее время двуязычных лингвокультурологических учебных словарей.

**Научная новизна работы** состоит в лингвокультурологическом аспекте исследования паремий русского языка, репрезентирующих фрагмент

языковой картины мира «Внешность человека», на фоне китайских соответствий, а также в разработке структуры и содержания словарной статьи лингвокультурологического словаря русских паремий, ориентированных на китайских учащихся.

Актуальность проблематики предопределила выбор объекта и предмета исследования.

**Объектом** исследования являются русские и китайские паремии, репрезентирующие фрагмент пословичной картины мира, в котором отражается внешний облик человека.

**Предметом** исследования служит лингвокультурологический потенциал исследуемых паремий, стереотипные и символические представления, проявляющиеся в семантике и функционировании паремиологических единиц, характеризующих внешность человека.

**Гипотеза** исследования: использование различных приемов лингвокультурологического анализа, при сравнении русских пословиц с их китайскими аналогами, позволит выявить черты сходства и различия, а также лакунарные области в представлениях о внешности человека в русском и китайском наивном языковом сознании, позволит в наглядной форме представить универсальное и национально-специфичное на уровне стереотипов, образов и символов двух культур, сделать выводы о некоторых специфических чертах русской ментальности.

**Цель работы** – лингвокультурологическое исследование русских пословиц, репрезентирующих представления о внешности человека на фоне китайского языка, для выявления национальной специфики изучаемого фрагмента русской языковой картины мира.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач:**

1. описать теоретическую базу исследования и определить терминологический аппарат;

2. произвести отбор паремиологических единиц для лингвокультурологического анализа;

3. выявить содержание понятия *внешность человека* в русском языке и культуре, определить набор паремиологических репрезентантов в объективизации представлений о внешности человека;

4. проанализировать русские и китайские паремиологические единицы в аспекте лингвокультурологии;

5. выявить сходства и различия в рассматриваемом фрагменте языковых картин мира, репрезентируемых паремиями русского и китайского языков, сделать выводы об основных особенностях некоторых специфических черт русской ментальности при описании внешности человека;

6. предложить структуру словарной статьи лингвокультурологического словаря паремий.

Для решения поставленных задач в диссертации использовались следующие **методы**: метод наблюдения; методы сплошной и направленной выборки из пословичных словарей; описательный метод; метод компонентного и контекстуального анализа; элементы полевого метода; сравнительно-сопоставительный метод; лингвокультурологический анализ, способствующий выявлению универсального и национально-специфичного в языках и культурах; метод семантического анализа (по данным словарей); приём оценочной характеристики; элементы количественной характеристики, статистический прием.

**Материалом для исследования** послужили данные словарей пословиц и поговорок: словарь «Пословицы русского народа» В.И. Даля, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П.Жукова, «Пословицы, поговорки, загадки» А.Н. Мартыновой, В.В. Митрофановой, «Народная мудрость» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Е.К. Николаевой, Т.Г. Никитиной; «Большой словарь русских поговорок» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной. «Большой словарь

китайских пословиц» Уэнь Дуаньчжэн; словарь «Пословицы» Вэнь Дуаньчжэн, Ван Шушань, Шэнь Хуэйюнь; «Словарь китайских пословиц» Чжоу Цзинциаи; «Пословицы китайского языка» Чжэнь Хунфэн, Цзян Жуйлян; данные Национального корпуса русского языка и Национального корпуса китайского языка (НКРЯ; НККЯ).

**Практическая значимость** исследования: результаты работы могут быть использованы на практических занятиях по русскому языку как иностранному в китайской аудитории, при составлении учебников и учебных пособий по лингвокультурологии, а также при подготовке спецкурсов по лексикологии, паремиологии, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, при составлении словарей.

**Теоретическая значимость** заключается в разработке лингвокультурологического комментария, опирающегося на соотнесенность паремиологических единиц с кодами культуры, на описание аксиологического вектора паремий; в *разработке алгоритма лингвокультурологического анализа русских паремий, характеризующих внешность человека, на фоне их аналогов в китайском языке;* в выделении ментальных установок культуры, вербализованных паремиями изучаемого фрагмента русской языковой картины мира; в создании модели словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря русских паремий по теме «Внешность человека», учитывающей предварительный лингвокультурологический анализ; в определении «культурно содержательных» лексем (фитонимов, соматизмов, орнитонимов), позволяющие описывать «знаки языка на «языке» культуры» при описании внешности человека в двух лингвокультурах.

Полученные результаты могут быть использованы в области сопоставительного исследования русского и китайского языков, в теории учебной паремиографии, лингвокультурологии, переводоведении и межкультурной коммуникации.

**Положения, выносимые на защиту:**

1. Внешность человека, описанная с помощью пословиц, представляет собой важный фрагмент русской языковой картины мира (ЯКМ), которая отражает стереотипные представления носителей русского языка на уровне семантики, употребления, прагматического компонента значения

2. Русские и китайские пословицы о *внешности человека* имеют как существенные типологические черты сходства, так и национально-культурные особенности.

3. Лингвокультурологический комментарий (в дополнение к существующим определениям) – это описание образности ключевых компонентов паремий; определение их аксиологической ценности; соотнесение паремий с кодами культуры (зооморфным, растительным, соматическим) с целью вычленения культурной коннотации пословиц и поговорок.

4. Аксиологический вектор паремий в обоих языках может быть положительным, отрицательным и изменяющимся. Аксиологическая оценка паремий зависит от стереотипного представления, символьного значения эталона паремий в национальной языковой картине мира.

5. Модель и структура словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря по теме «Внешность человека», адресованного иностранным учащимся, должна включать в себя результат проведенного лингвокультурологического анализа, в описании должны учитываться смысловые лакуны, аксиологический вектор, стереотипы культуры, на которую ориентирован учебный словарь.

6. В двух лингвокультурах наиболее актуальным признаком внешности является противопоставление понятий *красота – уродство*. Описание внутреннего мира человека доминирует над описанием внешности, при этом наблюдается взаимосвязь внешних характеристик человека с его внутренним миром.

**Теоретико-методологические основы** диссертационного исследования составили труды – по теории лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации В.Н. Телия, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.И. Зиновьева; – по проблемам фразеологии: В.П. Жуков, В.М. Мокиенко, Г.Л. Пермяков, Е.И. Селиверстова, Л.Б. Савенкова, Е.В. Иванова; по проблемам лингвокультурологического описания паремий: Е.И. Зиновьева, Е.В. Иванова, Е.В. Добровольская, Л.Б. Савенкова, Е.И. Селиверстова, Н.Н. Семененко; по проблемам фразеографического описания культурологического материала: В.П. Жуков, К.П. Сидоренко, В.И. Супрун.

**Структура работы** определяется последовательностью решения поставленных задач. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка словарей и приложений.

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, научная новизна, гипотеза, теоретическая и практическая значимость работы; поставлены цель и задачи исследования; определены объект и предмет исследования; описаны материал и методы исследования; представлена структура диссертации.

В первой главе представлены основные теоретические положения работы, даны определения понятий *лингвокультурология* и *лингвокультурологические методы исследования*, определены содержание терминов *символ*, *стереотип*, проанализирована роль символов и стереотипов в лингвокультурологическом описании. Рассматривается понятие *паремийная картина мира* русского языка; анализируются основные теоретические вопросы изучения паремий: языковой статус пословиц, структура паремий, анализ лингвокультурологического аспекта изучения паремий, определение термина *пословичный бином*, особенностям рассмотрения оппозиции *красота – уродство* в научной литературе по паремиологии, анализу гендерной специфики пословичных выражений.

Во второй главе проведён лингвокультурологический анализ паремий, характеризующих внешность человека в русской лингвокультуре на фоне китайского языка. В заключении отражены основные выводы исследования.

В приложениях приведены списки русских и китайских пословиц, проанализированных в работе.

# ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ ПАРЕМИЙ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

## 1.1. Лингвокультурология и лингвокультурологические методы исследования

### 1.1.1. Лингвокультурология как наука

Лингвокультурология – это гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живом языке национальности и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру. Она позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры. Ее цель – изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру. М.Л. Ковшова пишет, что «лингвокультурологическое направление разрабатывает исследование языка, сознания, коммуникации, культуры как целостного феномена и ставит человека в центр этого объекта» [Ковшова 2019:13].

Методологические основания исследования проблемы взаимодействия языка и культуры только закладываются. Их источниками служат труды В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина, В.Н. Телия, В.А. Масловой и др. Так, В.Н. Телия считает, что методологической основой лингвокультурологии служит «семиотическая презентация» данных взаимодействия языка и культуры, рассматриваемых «с учетом когнитивного содержания ментальных процедур, результатом которых и являются культурно оязыковленные ментальные структуры» [Телия 1999: 17]. По мнению А.Т. Хроленко, наиболее актуальной проблемой лингвокультурологии несомненно является вопрос о соотношении языка и культуры. Одни исследователи говорят о «взаимодействии, взаимовлиянии и взаимопроникновении», а другие

определяют язык как составную часть культуры [Хроленко 2010: 8-18]. Н.Н. Остринская отмечает, что выделяются определенные корреляции между языком и культурой, которые представляют взаимосвязанные феномены, где отсутствуют иерархические отношения [Остринская 2008: 19-24].

Язык не только отражает реальность, но интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек. Именно поэтому философия рубежа тысячелетий развивается на базе использования языка. А.М. Хайдеггер, выдающийся мыслитель нашего времени, назвал язык «домом бытия». Поэтому и лингвистика, наука о языке, занимает авангардные методологические позиции в системе всякого гуманитарного знания и обойтись без ее помощи при изучении культуры невозможно [Хайдеггер 1997: 354].

**Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры**. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности [Маслова 2001].

Термин *лингвокультурология* появился в девяностые годы двадцатого столетия, во многом благодаря работам ученых московской фразеологической школы. В 1998 г. на международном симпозиуме «Фразеология в контексте культуры» обсуждались основные аспекты лингвокультурологии и принципы лингвокультурологического анализа фразеологизмов [Ковшова 2014: 77]. Главный специалист в области фразеокультурологии, В.Н. Телия подчеркнула, что «лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [Телия 1996: 222]. Лингвокультурология получила статус самостоятельной науки и продолжает развиваться в настоящее время благодаря трудам В.ВВоробьёв [1997], С.Г. Воркачева [2004, 2007], Е.И. Зиновьевой [2005, 2016], В.И. Карасика [2001, 2002, 2013], М.Л. Ковшовой [2014], В.В. Красных [2002], В.А. Масловой [2001, 2016],

М.В. Пименовой [2001], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [2002], В.Н. Телия [1999], Г.А. Токарева [2003] и многих других.

В.Н. Телия определяет лингвокультурологию как ту «часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии [Телия1996: 217]. По мнению В.В.Красных важным для нас является тот факт, что лингвокультурология – это «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке ив дискурсе» [Красных 2002: 12]. Для В.В.Воробьёва лингвокультурология – это «научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией» [Воробъёва 1997: 32] . Из весьма многочисленных определений наиболее точным нам представляется определение Е.И. Зиновьевой, для которой лингвокультурология является «филологической наукой, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней» [Зиновьева 2016: 12]. Для нашей работы важным является акцентирование того, что лингвокультурология – это филологическая наука и представления о мире происходит через изучение языковых единиц.

Лингвокультурология как самостоятельная наука должна решать свои специфические задачи и при этом ответить на ряд вопросов, которые можно сформулировать следующим образом:

1. как культура участвует в образовании языковых концептов;

2. к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»;

3. как систематизировать основные понятия данной науки [А.С. Алёшин 2012; М.Л. Ковшова 2013; Л.Н. Чурилина 2017].

При таком понимании **задач** лингвокультурологии предметом её исследования становится *археология культуры* [цит. по Н.Ф. Алефиренко

2010: 19]. Выделяя в качестве **объекта** лингвокультурологии «язык как отражение и фиксацию культуры, и культуру сквозь призму языка» [Красных 2002: 12], «языковую/дискурсивную деятельность, рассматриваемую с ценностно смысловой точки зрения [Алефиренко 2010: 17], «взаимодействие языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с её установками и преференциями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком» [Маслова 2001: 36], можно определить **предмет** лингвокультурологии как исследование «единиц языка, которые приобрели символическое, эталонное образно-метафорическое значение в культуре» [Маслова 2001: 36]. Обобщая различные точки зрения можно сделать вывод о том, что «объектом лингвокультурологии является весь язык и культура, а предметом – их взаимодействие» [Алёшин 2012: 21].

**Целью** лингвокультурологических исследований является «описание взаимодействия языка и культуры через раскрытие содержания языковых единиц, изучение их ассоциативных и словообразовательных связей, коннотаций, отражённых в сознании носителей языка» [Абыякая 2003: 43].

Лингвокультурология выработала два основных направления описания языкового материала: описание концептов и описание того или иного фрагмента языковой картины мира.

Будучи категорией мыслительной, ненаблюдаемой, концепт нуждается в особом методе исследования, которым стал концептуальный анализ. Его стратегия заключается в описании структуры языкового знания, то есть представлений носителей языка об определённом объекте или явлении действительности, выявленных с помощью исследования языковых средств (слов, словосочетаний, текстов), репрезентирующих тот или иной концепт [Чернейко 1997; Болдырев 2001; Попова 2003; Зиновьева 2016].

Что же касается описания фрагмента языковой картины мира, то способы его описания сильно варьируются, но основой описания всё-таки является концептуальный анализ.

Научный статус лингвокультурологии тесно связан с дискуссиями относительно ее места в ряду смежных гуманитарных дисциплин, особенно это относится к лингвистике, культурологии, и когнитивной лингвистике, лингвострановедению, этнолингвистике, которые связаны с данной дисциплиной.

Рассмотрим в этой связи основные различия, существующие между лингвокультурологией, лингвистикой и культурологией. Культурология – это научная и учебная дисциплина, предметом которой является определённым образом отобранная и организованная совокупность сведений о культуре изучаемого языка, необходимых для обращения на этом языке, включаемая в учебный процесс для решения образовательных и воспитательных задач [Щукин 2007: 131]. Как отмечает В.В. Воробьев, культурология стремится к системному пониманию мира человеческой культуры в современном контексте мировой цивилизации, тогда как лингвокультурология даёт системное описание фактов языка и культуры в их взаимодействии и взаимосвязи, исследует языковую картину мира [Воробьев 1999: 78].

Лингвистика – это наука о естественном человеческом языке вообще и всех языках мира как индивидуальных его представителях. Современная лингвистика описывает историю языка (диахроническая) и его современное состояние (синхронная), в котором отдельно изучаются языковая система и языковая норма [Ярцева 1990: 618]. Как следует из данных определений, лингвистика исходит из культуры и имеет свой целью описать систему языка в целом, тогда как лингвокультурология, напротив, отталкивается от системы языка и направляется к культуре, служит средством изучения культурных ценностей через слово [Воробьев 1999: 78]. Другими словами, лингвокультурология – интегральная дисциплина, которая, возникнув на пересечении ряда смежных наук, тесно взаимодействует с ними.

Что касается лингвострановедения и лингвокультурологии, то с точки зрения Е.И. Зиновьевой, различия можно сгруппировать следующим образом:

(1) «И лингвострановедение, и лингвокультурология являются

лингводидактическим описанием соотношения языка и культуры. Но лингвострановедение отталкивается от языковых единиц, занимается извлечением культурной информации из лексем и фразеологизмов с целью обучения языку. Лингвокультурология исходит из культуры, как она воплощается в языке, задача этой дисциплины – не обучить владению языком, а дать знание культуры носителей данного языка, обеспечить понимание культурной обусловленности языкового знака и особенностей речевой коммуникации» [Зиновьева 2016: 15].

(2) Лингвострановедение – методическая дисциплина, а лингвокультурология – теоретическая филологическая дисциплина [Зиновьева 2016: 15]. По определению В.В. Воробьева, лингвокультурология – «это аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке; раздел семасиологии» [Воробьев 2000].

На наш взгляд, лингвокультурология – это, прежде всего, лингвистическая дисциплина, культурологическая лингвистика. А лингвострановедение выступает в качестве прикладной лингвометодической дисциплины.

Этнолингвистика исследует «взаимосвязь языка и культуры конкретного этноса, а как лингвокультурология анализирует вклад в язык всех, кто является представителями данной культуры, независимо от этнической принадлежности» [Зиновьева 2016: 17].

Важным для нашего исследования является вопрос о соотношении лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. «Принципы когнитивной лингвистики лежат в основе всех лингвистических дисциплин, связанных с изучением человека, его мышления и познавательной деятельности, поэтому можно говорить, что когнитивная лингвистика является теоретической базой данных дисциплин» [Зиновьева 2016: 16].

(1) И когнитивная лингвистика, и лингвокультурология реализуют интегративный подход к языку. В исследовании языка они должны

учитывать как лингвистические данные, так и достижения смежных дисциплин, что позволяет дать более глубокую и многоаспектную характеристику изучаемого феномена.

(2) В соответствии с особенностями антропоцентрической парадигмы оба направления связаны с рассмотрением языка в диаде «язык и человек», но в каждом из них она приобретает разные формы. В когнитивной лингвистике язык изучается, прежде всего, как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации, а в лингвокультурологии – как феномен культуры, хранитель культурного кода нации [Зиновьева 2016: 16].

(3) Оба направления уделяют внимание проблеме картины мира и различным ее вариантам. Для когнитологов приоритетным является вопрос о механизмах ее формирования, для лингвокультурологов – ее национально-культурная специфичность.

(4) Оба направления апеллируют к понятию человеческого сознания. Поскольку «именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно когнитивное исследование» [Карасик, Слышкин 2001: 75-80].

Таким образом, появилось неправомерное мнение некоторых исследователей о вхождении лингвокультурологии в качестве раздела в когнитивную лингвистику, этнолингвистику. Однако это положение представляется не совсем корректным, так как эти дисциплины имеют общий объект, но разные предметы исследования.

Нам представляется возможным «признать лингвокультурологию самостоятельной дисциплиной, лингвистической филологической наукой, которая имеет междисциплинарный характер, которая изучает взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка в его функционировании и отражает различные способы и характеристики взгляда на мир того или иного народа через изучение языковых единиц в живом национальном языке материальную культуру и менталитет» [Зиновьева 2016: 12].

В лингвокультурологии появилось несколько основных направлений, каждое из которых активно развивается и претендует на самостоятельность [Ольшанский 2000]. В нашей работе наиболее перспективными являются: фразеологическое направление, (т.е. изучение объема культурной информации о внешности человека, заключенной в паремиях) и сопоставительное направление (т.е. внешность человека в русской и китайской лингвокультурах); исследование языковой семантики с целью уточнения способов, вырабатываемых языком для осмысления человеком окружающего его мира [Клоков 2000]. В нашем случае – это изучение семантики пословиц, уточнение понятий стереотип и символ в восприятии внешности человека в данном определённом фрагменте языковой картины мира.

### 1.1.2. Языковая картина мира

Одним из важнейших понятий лингвокультурологии является понятие *языковой картины мира* (ЯКМ). В любой лингвокультуре наличествует собственная языковая картина мира, в соответствии с которой носитель языка организует содержание высказывания. Именно так обнаруживается своеобразие человеческого восприятие мира, зафиксированное в языке.

Существует большое количество дефиниций понятия ЯКМ. Практически каждый исследователь, касающийся этой проблемы, предлагает своё определение. Приведём ряд определений данной научной дисциплины. Ю.Д. Апресян подчеркивает донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. «Наивная – не означает примитивная, за «наивностью» языковой картины мира стоит опыт десятков поколений», – пишет ученый [Апресян 1995: 39].

По мнению Е.В. Ивановой, языковая картина мира – это «когнитивная структура в своей основе, но в ней находят отражение особенности культуры народа, не зависящие напрямую от процессов когниции» [Иванова 2002: 16].

В некоторых определениях ЯКМ акцентирует внимание на значимости информации о мире, активизируемой с помощью различных механизмов вербализации, хранимой и передаваемой от поколения к поколению с помощью вербального кода. По мнению Ю.Н. Караулова, ЯКМ – это «отраженное в языке и выраженное с помощью языка упорядоченное представление об устройстве окружающей реальности» [Караулов 2009: 161]. Как отмечает В.Н. Телия, ЯКМ представляет собой «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, возникающий в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» [Телия 1988: 178].

По мнению Н.Ф. Алефиренко, языковая картина мира есть некая абстракция, предполагающая языковое воплощение модели мира как таковой. ЯКМ, представляющая собой «совокупность наивных знаний о мире, зафиксированных на разных уровнях языковой системы: лексическом, фразеологическом, грамматическом», является предметом изучения для лингвокультурологов: они выявляют составляющие этой картины, их состояние и связи друг с другом, отражающиеся в языке константы русской культуры [Алефиренко 2010: 102-103].

Заметим, что, по сути, все исследователи подчеркивают, что это определенная совокупность знаний о мире, выражающаяся в языке. Особенности мировосприятия и национального мировидения определяют особенности познания окружающего мира и параметров деятельности, направленных на это познание (пространственных, временных, количественных, этнических, культурных и др.). По этой причине в настоящей работе мы разделяем точку зрения Е.С. Яковлевой, которая предлагает под языковой картиной мира *понимать* «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности. Таким образом, языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка» [Яковлева 1996: 47].

Язык показывает, как человек осмысляет, концептуализирует окружающий мир, какими причинами и факторами определяется формирование этнически окрашенной картины мира [Кравченко 2003: 31]. Запечатленная в языке картина мира есть «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа». Оно отражено в значениях языковых знаков, т.е. «языковое упорядочение предметов и явлений есть проявление заложенной в системных значениях слов информации о мире» [Попова, Стернин 2002: 54].

Таким образом, говоря о языковой картине мира, ученые всегда имеют в виду определенную лингвокультурную общность, отличающуюся собственным способом моделирования и структурирования окружающей действительности [Моисеева 1998: 2].

В связи с интересующими нас проблемами следует отметить, что в паремиях национального языка как раз фиксируется схема восприятия действительности, специфическая для народа – носителя этого языка, его мировидение. При этом именно паремиологическая часть языковой картины мира (в отличие от языковой картины мира, запечатленной в лексике национального языка) «отличается большей консервативностью, «схематичностью», что позволяет передавать культурную информацию от поколения к поколению и обеспечивает преемственность и стабильность национальных представлений» [Алёшин 2012: 37].

Ю.Д. Апресян отмечает, что исследование языковой картины мира в настоящее время ведется в двух направлениях. Во-первых, исследуются отдельные характерные для данного языка концепты. Это, прежде всего, «стереотипы» языкового и более широкого культурного сознания, сравним типично русские концепты *душа*, *тоска*, *судьба*, *задушевность*, *авось*, – с одной стороны. С другой стороны, это специфические коннотации неспецифических концептов, например, многократно описанная символика цветообозначений в разных культурах. Во-вторых, ведется поиск и реконструкция присущего языку цельного, хотя и «наивного», донаучного

взгляда на мир. Акцент ставится именно на цельной языковой картине мира [Апресян 1995: 39].

В данной работе мы разделяем точку зрения Ю.Д. Апресяна, так как наша работа посвящена анализу только одного из паремиологических фрагментов русской языковой картины мира, организованному вокруг концептов *внешность человека*, на фоне китайского языка.

Как справедливо указывает Е.В. Иванова, к исследованию ЯКМ можно подходить с различных позиций [Иванова 2011: 277]:

1. Можно ставить задачу описания фрагментов концептуализации мира, закрепленных в семантике языковых знаков, обращая внимание, как на национальную специфичность, так и на общие для многих народов характеристики восприятия мира.

2. Можно исследовать характерные в первую очередь для данного языкового социума концепты – ключевые концепты.

В данном исследовании мы будем придерживаться первого подхода, поскольку наша задача – описание фрагмента концептуализации мира, закрепленного в паремиях, обращая при этом внимание как на универсальные черты паремий русского и китайского языков, так и на национальную специфичность русских единиц относительно китайских аналогов.

Таким образом, языковая картина мира – это не зеркальное отражение мира, а всегда особым образом проявленная национальная специфика. С нашей точки зрения, ЯКМ – совокупность различных знаний и представлений об окружающем мире, отражённых в языке; картина, сложившаяся в обыденном сознании народа, отражающая особенное национальное видение и зафиксированная в словаре языка – в том числе и в пословицах. Далее в нашей диссертации, мы будем рассматривать паремиологическую картину мира, как часть, фрагмент национальной языковой картины мира.

### 1.1.3. Коды культуры

Одним из важных вопросов для лингвокультурологической парадигмы исследования паремий является понятие *код культуры*, вытекающее из представления о культуре как о семиотической системе.

«Понятие «код» впервые появилось в технике связи, математике, биологии, а позднее в теории информации, информатике, прикладной лингвистике и др. Под кодом понимается совокупность знаков и определенных правил, при помощи которых можно передавать, обрабатывать и хранить информацию. В последнее время термин «код» приобрел особую популярность: его стали использовать даже в заголовках газетных статей и названиях книг (ср.: «Взламывая код ядерного убийцы», «Код доступа», «Код да Винчи» и т.д.)» [Маслова 2016: 78].

Простейшими кодами являются цифровые коды, телеграфные, сигнальные. Коды культуры, которые функционируют в языке, – самые сложные.

Существенный вклад в развитие теории кодов культуры внесла монография М.Л. Ковшовой «Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры» [Ковшова 2013]. В монографии проведён анализ фразеологизмов в кодах культуры. М.Л. Ковшова отмечает, что «…ценностное содержание, вырабатываемое в культуре, образует систему **кодов культуры** и составляет в целом картину мира, которая раскрывает мировоззрение того или иного социума» [Ковшова 2013: 170]. В лингвокультурологии понятие «код» тесно связано с культурой, значение преобразовалось в культурный смысл. Код вырабатывается и осуществляет свою функцию в культуре. «Код культуры … понимаются как орудие для выражения смыслов, имеющих разные формальные «обличья» [Березович 2007: 341].

«В современной лингвистике язык исследуется как когнитивный механизм, т.е. устанавливаются своеобразные схемы, в рамках которых человек познает мир. Результатом процессов репрезентации и категоризации являются языковые картины мира, включающие в себя: 1) систему концептов 2) ценности культуры и 3) коды культуры. Таким образом, код имеет отношение к нескольким современным областям знаний – когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, лингвоконцептологии» [Маслова 2016: 78].

По мнению М.Л. Ковшовой, понятие «код культуры» не имеет окончательной формулировки. Под кодом культуры Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова понимают «систему знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [Гудков, Ковшова 2007: 9].

В.Н. Телия определяет код культуры как «таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментефактах и присущих этим сущностям их пространственно временных или качественно-количественных измерениях» [Телия 1999: 20-21].

В этнопсихолингвистике В.В. Красных определяет код культуры, «как сетку, которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных 2002: 232]. Тем самым, коды культуры воспринимаются как понятийная и методологическая основа лингвокультурологии [См.: Ковшова 2006; 2007; 2008; 2009].

Для семиосферы человека универсальным, базовым кодом является язык. Существует связь языковых единиц с кодами культуры. По мнению В.Н. Телия, «сами по себе языковые единицы могут не быть знаками культуры, но, будучи соотнесены с тем или иным кодом культуры и

проинтерпретированы в рамках кода культуры, они могут выполнять роль таковых, если воплощают в своем образном содержании культурно значимые черты мировидения» [Цит. по Красных 2011: 62].

В лингвокультурологии понятие «код» тесно связано с культурой. Код вырабатывается и осуществляет свою функцию в культуре. «Культура есть семиотическая система, в которой синтезируются знаки и смыслы: знак является носителем того, что было выработано человеком в процессе миропонимания» [Ковшова 2013: 170].

Как отмечают многие лингвисты (В.Н. Телия, С.М. Толстая и др.), «национально культурная информация, заложенная в национальном языке, часто не лежит на поверхности, она «закодирована» в семантике слова, в его внутренней форме, поэтому культурный феномен, вербализуясь в языке, и, объединяясь с себе подобными явлениями, образует национально-культурный код» [Маслова 2016: 79].

Культура в ракурсе данного исследования понимается как «пространство культурных кодов, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания» [Ковшова 2013: 170].

«Именно глубинное культурное пространство называют кодом культуры. Коды культуры задают картину мира и занимают центральное место в национальном культурном пространстве, являясь его структурообразующими элементами» [Маслова 2016: 80]. «Разными способами кодируемое ценностное содержание и составляет картину мира, в которой раскрывается мировоззрение того или иного культурного социума» [Ковшова 2013: 170].

Таким образом, по мнению В.А. Масловой, «код культуры» – это «формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами

феноменами, относящимися к одному типу и / или к одной сфере бытия» [Цит. по Красных 2011: 64].

Почему интерес к выделению и исследованию кодов так велик в современной лингвистике?

В.В. Красных, которая отмечает, что «коды культуры» как феномен универсальны по природе своей, однако, «их проявление, удельный вес каждого из них в определенной культуре… всегда национально детерминированы и обусловливаются культурой» [Красных 2002: 203].

Коды культуры помогают осмыслить и сделать понятным новые, постигаемые человеком сущности. Эти коды как объекты реального мира становятся носителями символической информации [Маслова 2016: 83]. Коды культуры проявляются в процессах категоризации мира [Фрумкина 2001: 87].

Коды культуры в своем проявлении в языке отличаются высокой степенью метафоричности и реализуются в базовых метафорах соответствующих типов [Дормидонтова 2009: 203].

Коды культуры, как подчеркивает В.В. Красных, связаны с «древнейшими архетипическими представлениями человека», обладают определенным набором характеристик [Красных 2011: 64]. Обычно выделяют три основных характеристики кодов культуры:

1) самодостаточность для производства, трансляции и сохранения человеческой культуры;

2) открытость к изменениям;

3) универсальность [Дормидонтова 2009: 202].

В современной лингвистике выделяется целый ряд кодов культуры: «анатомический (или телесный), природный, растительный (вегетативный, фитоморфный), зооморфный (анимальный, териоморфный), перцептивный, соматический, антропоморфный, предметный (вещный или артефактный), гастрономический (пищевой), акциональный (поведенческий), метеорологический, химический, цветовой, пространственный, временной,

духовный, теоморфный (божественный), галантерейный, игровой, математический, медицинский, музыкальный, этнографический, экологический, экономический и др.» [Дормидонтова 2009: 202]. Нам кажется, что число кодов в русской лингвокультуре достигает нескольких десятков.

Выделяют базовые коды культуры, т.е. «те, которые соотносятся с архетипическими представлениями культуры народа и в которых зафиксированы наивные представления человека о мироздании». «К базовым кодам культуры принято относить соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный коды культуры» [Дормидонтова 2009: 202].

Некоторые из них хорошо описаны, например, соматический, ибо «тело служит человеку первичной сеткой координат» [Кассирер 2002: 39]. Данный код является древнейшим, он представлен в ряде работ [Красных 2002: 283]. Биоморфный код «связан с живыми существами, населяющими окружающий мир, сюда же можно отнести и растительный мир» [Дормидонтова 2009: 202].

По мнению В.Н. Телия, «коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах, паремиях, метафорах, фразеологизмах, так как именно они обладают повышенной степенью символичности или вторичной семантикой, метафора же может «жить» в любом типе дискурса» [Цит по Маслова 2016: 83].

М.Л. Ковшова считает, что «знаки разной субстанции (не только вербальной) в их культурной функции воспринимаются и используются человеком и образуют систему кодов культуры» [Ковшова 2013: 173]. Мы считаем, что в вербальном коде культуры особая роль отводится паремиям – «знакам, зародившимся на пересечении языка и культуры с целью описания и оценивания того, что происходит в мире, сквозь призму устойчивых образов и ценностных ориентиров культуры». Слова-компоненты фразеологизма являются именами не реалий (в широком смысле этого слова),

а культурных знаков. Ключевые слова-компоненты фразеологизма изначально являются «знаками вербального кода культуры», и в этом качестве они воспринимаются носителем языка, вызывают представления, знания, ассоциации, которые соотносятся с предметами, текстами и действами культуры. «Интерпретация слов-компонентов фразеологизма как культурных знаков обосновывается их культурной значимостью в том или ином тематическом коде культуры, где данные слова-компоненты фразеологизма раскрывают свой культурный смысл» [Ковшова 2013: 174-175].

Л.М. Ковшова считает, что «культурная интерпретация фразеологизма осуществляется путем референции вербальных культурных знаков компонентов фразеологизма к разным по субстанции культурным знакам в рамках тематических кодов культуры с целью обнаружения их корреляции по культурным смыслам» [Ковшова 2013: 173-175].

Мы, вслед за М.Л. Ковшовой, полагаем, что «тематические коды культуры понимаются как способ организации пространства культуры с целью его лингвокультурологического исследования; как модельная область для разработки методологии интерпретации фразеологизмов». Наиболее ценным для нас является мысль о том, что «интерпретация фразеологизмов в кодах культуры дает возможность раскрыть культурную значимость составляющих его слов-компонентов, определить его роль как знака культуры, описать, как культура воплощается во фразеологическом знаке». Ключевым звеном культурной интерпретации является соотнесение паремии через слова-компоненты с тематическими кодами культуры, где культурные смыслы компонентов получают свое подтверждение.

По мнению М.Л. Ковшовой, соотношение слов-компонентов паремии с кодами культуры является «ключевым звеном его культурной интерпретации», поскольку «именно эта процедура обусловливает декодирование культурных смыслов фразеологизма, которые служат интерпретантами фразеологического знака, реконструирует культурную

коннотацию фразеологизма, формирует его роль как знака культуры» [Ковшова 2008: 65]. Такая интерпретация создает завершенность лингвокультурологического комментирования фразеологии; **можно сказать, что с помощью слов-компонентов, главным образом, и осуществляется «выход» исследователя в пространство культуры,** анализ фразеологии как знака языка и культуры на пересечении этих двух семиотических областей. Это позволит говорить об особой функции паремий как знаков не только языка, но и культуры – воплощать в себе и транслировать в речи символьные смыслы, эталонные и стереотипные представления [Ковшова 2008: 65].

Главным звеном в лингвокультурологическом анализе паремии является переход к кодам культуры. Описание паремий с позиций кодов культуры поможет не только рельефнее и зримее представить русскую языковую картину мира, но и позволит по-иному строить преподавание языка.

### 1.1.4. Методы лингвокультурологического анализа

**Методы лингвокультурологии** – это «совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры» [Опарина 1999]. Поскольку лингвокультурология – интегративная область знания, вбирающая в себя результаты исследования в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии, здесь применяется комплекс познавательных методов и установок, группирующихся вокруг смыслового центра «язык и культура». В процессе лингвокультурологического анализа методы культурологии и лингвистики используются выборочно [Мурзин 1996; Маслова 1997]

В лингвокультурологии можно использовать «лингвистические, культурологические и социологические методы, методы полевой этнографии (описание, классификация и др.), открытые интервью, метод лингвистической реконструкции культуры; можно исследовать материал, как

традиционными методами этнографии, так и приемами экспериментально-когнитивной лингвистики, где важнейшим источником материала выступают носители языка (информанты)» [Маслова 2001: 34].

Любая лингвистическая методология базируется на конкретном представлении о языке. Именно это представление о языке определяет пути и способы познания языковой действительности. Частная методология включает в себя знания об особенностях объекта исследования, об общих подходах к изучению данного объекта (принципы исследования), а также методов и приемов исследования объекта [Маслова 2001].

В основе методологии лингвокультурологической науки лежит понимание тесного взаимодействия языка и культуры, языка как инструмента познания культуры, обязательного отражения в языке культуры конкретного этноса. Исходя из этого, на наш взгляд единицами изучения в лингвокультурологии могут являться «отдельные слова, различные словарные объединения, фразеологизмы, словообразовательные гнезда, паремии, синтаксические единицы, тексты» [Зиновьева 2016: 74].

В.В. Воробьев выделяет метод лингвокультурного поля (система лингвокультурем), которое одновременно является и объектом исследования [Воробьев 1997]. В основу методологии лингвокультурологии может лечь разработанная на базе фольклорных текстов и апробированная на нефольклорном материале система методик А.Т. Хроленко, включающая в себя доминантный, кластерный анализы, методику сжатия конкорданса и аппликацию полученных в результате сжатия конкордансов словарных статей [Хроленко 2009].

Методика доминантного анализа предполагает наличие частотных словарей, представляющих текст или корпус текстов, и основывается на предположении, что среди наиболее частотных лексем присутствуют слова, обозначающие доминанты языковой картины этноса, социальной группы и индивида. Выявление, изучение и описание наиболее частотных знаменательных слов в аспекте языковой картины мира – это и есть

доминантный анализ [Хроленко 2009].

Кластерный анализ основан на том аспекте, что каждый «фрагмент эпической или лирической картины мира репрезентируется определенной совокупностью лексем различной частеречной принадлежности». Эта совокупность лексем обозначается термином кластер, т.е. сегмент некоего информационного поля. Кластерный анализ – это «лексикографическое описание всех входящих в кластер лексем с параллельным установлением всех связей каждого слова с остальными словами, представляющими один и тот же фрагмент фольклорной картины мира» [Хроленко 2009].

Методика сжатия конкорданса предполагает учет абсолютно всех употреблений анализируемого слова в пределах определенного корпуса текстов. Сжать конкорданс можно, оставив самые важные, актуальные для данного фольклорного текста связи описываемого слова, с другим словами этого текста (текстов) [Хроленко 2009].

Четкая и единообразная структура каждой словарной статьи обеспечивает корректное сопоставление лексем (и концептов, стоящих за ними) методом наложения, своеобразной аппликации словарных статей. Отсюда и вытекает методика аппликации словарных статей. Эта методика дает надежный материал для теоретических размышлений об инвариантном и специфическом в слове [Хроленко 2009].

Усилия составителей словарей лингвокультурологического типа, ориентированных на иностранного адресата, направлены на эксплицирование тех особенностей языковых единиц, которые не нуждаются в комментарии для носителей языка, являются для них самоочевидными, другими словами все усилия направлены на описание культурной коннотации изучаемых единиц.

Культурная коннотация – это интерпретация денотативного или образного мотивированного, квазиденотативного аспектов значения фразеологизма в категориях культуры. Основным носителем культурной коннотации во фразеологизмах является их образное основание – внутренняя

форма [Ковалевская 2010: 17]. Основным способом раскрытия культурной коннотации является КОММЕНТАРИЙ образного основания (внутренней формы) фразеологизмов в национально-культурном пространстве языкового социума [Ковалевская 2010: 19].

В лингвокультурном комментарии большую роль играют:

– раскрытие культурных смыслов;

– восприятие образного основания фразеологизма;

– раскрытие установок культуры.

Механизмом вскрытия культурной коннотации является интерпретация образного основания фразеологизма (внутренней формы) в знаковом культурно-национальном пространстве русского языка [Ковалевская 2010: 17].

По мнению М.Л. Ковшовой фразеологический (и паремиологический) образ является «проводником» в культурное пространство: *«проводником» в пространство культуры является образ фразеологизма (тропеическое основание внутренней формы) и происходит это потому, что в самом возникновении фразеологизма участвует уже окультуренный образ»* [Ковшова 2013: 146-147]. *Фразеологизм зарождается на пересечении языка и культуры, и это делает его потенциально культуроносным знаком* [Ковшова 2013: 147].

«Совершается своеобразный круг фразеологизма в культуре – от культурно обусловленного его зарождения до актуализации его культурных смыслов в процессе культурной интерпретации фразеологизма, понимаемой как референция к предметной области культуры. В исследовании этого процесса и описании содержания, которое создается в его результате – культурной коннотации, нам видится разработка лингвокультурологического метода во фразеологии [Ковшова 2013: 149].

Другими словами, лингвокультурологический метод во фразеологии направлен на раскрытие культурной коннотации любого фразеологизма. Культурологический комментарий фразеологизмов включает в себя четыре основных компонента: 1) внутреннюю форму (или образ) фразеологизма, 2)

указание на области культуры, которые явились источниками формирования фразеологизмов и их окультуривания в языке: мифологический слой культуры: *быть на седьмом небе, белый свет, пойти (отправиться) на тот свет*; архетипический: *небо и земля, с головы до ног, выносить сор из избы*; библейский: *глас вопиющего в пустыне, петь Лазаря, камня на камне не останется, смертный грех, камень преткновения*; фольклорный: *красна девица, добрый молодец, сердце ретивое, старый воробей, хоть трава не расти;* слой художественной литературы: *дым отечества, без руля и без ветрил, вот приедет барин – барин нас рассудит*; газетно-публицистических текстов: *золотой век, потемкинские деревни, на блюдечке с голубой каёмочкой*; материальной культуры: *ставить (класть/положить) во главу угла, мастер на все руки, плести кружева;* многие фразеологизмы восходят к историческому опыту народа: *Мамаево побоище, погиб как швед под Полтавой;* к обиходно-эмпирическому опыту*: заварить кашу, знать себе цену, золотые руки* и т.п.; 3) анализ компонентов фразеологизмов, которые соотносятся с определенной областью реальной действительности и являются предметом культурного их осмысления: наименования частей человеческого тела (соматизмы): *из рук в руки, на носу, язык развязался, задирать нос;* антропные наименования (наименования человека*): раб Божий, маменькин сынок, базарная баба;* наименования животных и других живых существ, кроме человека, (насекомых, рептилий и т.п.): *змея подколодная, как курица лапой (писать), первая ласточка; волк в овечьей шкуре*; наименования растений и их частей: *белены объелся, тише воды, ниже травы, фиговый листок*; ландшафтных объектов: *не за горами, темный лес, пуп земли;* предметов природы: *камень на душе, дремучий лес;* артефактов: *от ворот поворот, через час по час по чайной ложке, толочь воду в ступе*; предметов одежды: *родиться в рубашке, шапками закидать, тришкин кафтан*; предметов религиозно-церковного обихода: *раздувать кадило, дышать на ладан, креста на тебе нет;* единиц времени: *час пробил (настал), на ночь глядя, кануть в вечность;* пространства: *к черту на кулички,*

*за тридевять земель*, *медвежий угол* и т.п.; 4) анализ тропеических механизмов идиомообразования, куда включаются: метафора, символы и квазисимволы, метонимия, синекдоха, олицетворение, гипербола, литота, взаимодействие тропов с символами и квазисимволами и т.п. [Ковалевская 2010: 19-20].

Выполнение перечисленных требований в описании культурных смыслов фразеологизмов приводит к достаточно полному культурологическому комментарию фразеологических единиц русского языка: экспликация культурно-национальной значимости фразеологизма достигается на основе рефлексивно – бессознательного или осознанного соотношения живого образа (внутренней формы) фразеологизма с кодами культуры [Ковалевская 2010: 19-20; Крымская 2005].

Культурный комментарий идиом показывает глубинные коды культуры, воплощенные в языке; фразеологизмы рассматриваются как этнокультурный текст, который может быть прочитан и истолкован посредством указания культурных смыслов, т.е. архетипов, мифов (мифологем), эталонов, ритуалов, стереотипов, поверий, обычаев и т.п. знаков национальной культуры русского народа, заключенных во внутренней форме фразеологизмов, являющейся образным основанием для формирования идиоматических единиц языка [Ковалевская 2010: 6].

Мы полагаем, что лингвокультурологический комментарий включает «описание стереотипного представления, вербализуемого паремиологической единицей, анализ образности и пословичных биномов в составе паремий (при их наличии), отсылку к вербализуемому коду культуры, этимологическую справку» [Зиновьева, Маточкина 2017: 31].

Лингвокультурологические способы заключаются в соотнесении живого образа (внутренней формы) фразеологизма с кодами культуры [Крымская 2005]. На основе классификации подходов, Г.М. Алимжанова формулирует собственно лингвокультурологический принцип, заключающийся в «необходимости анализа объекта культуры, выраженного в языке, как

единства языковой и внеязыковой сущности, как результат выхода за пределы реалемы, как погружение в нее как факта культуры» [Алимжанова 2010].

Данные методы вступают в отношение дополнительности, что позволяет лингвокультурологии исследовать свой сложный объект – взаимодействие языка и культуры.

Если говорить о фундаменте методологии лингвокультурологии, то она, основывается в первую очередь на общенаучных принципах: синхронически-диахроническом, интерлингвистическом, комплексном, семасиолого-ономасиологическом, логическом, экспериментальном и системно-семантическом.

К числу частнонаучных принципов лингвокультурологии, можно отнести следующие:

(1) Экспланаторность понимается как «стремление найти каждому языковому явлению разумное объяснение и антропоцентризмом и функционализмом как тенденциями искать подобные объяснения в роли человеческого фактора в языке и выполнением языком определенных функций» [Алпатов 1993: 15].

(2) Антропоцентризм, это принцип, в соответствии с которым научные объекты изучаются с позиций их роли для человека, при этом антропоцентризм может принимать в различных лингвистических направлениях не тождественные формы. Внешность и ее оценка и играют важную роль в жизни каждого отдельного человека и важны как для его самоидентификации, так и с точки зрения отношения к нему окружающих.

(3) Функционализм (В.В. Воробьев) исходит из понимания лингвокультурологической компетенции не только как знания всей совокупности лингвокультурем, но и раскрытия их характерных функций [Воробьев 1997].

Опираясь на данные принципы, формируются непосредственно методы лингвокультурологического анализа. Структурированная и точно

проработанная система методов лингвокультурологического анализа приведена Г.М. Алимжановой [Алимжанова 2010]. Исходя из этого исследования, можно выделить следующие методы, используемые в лингвокультурологическом анализе, которые тоже важны для нашей работы:

(1) Сопоставительно-функциональный метод: направлен на выявление различий между двумя сравниваемыми языками и определение различий на уровне функционирования лингвокультурологических единиц. К данной категории можно отнести и выделяемый В.А. Масловой контрастивный метод, поскольку он так же направлен на выявление наиболее существенных расхождений в языковых структурах в целом и на отдельных ее уровнях, и, как результат, вырабатывает оптимальные рекомендации к конкретному преодолению расхождений между родным языком и неродным [Маслова 2001].

(2) Семиотический системно-структурный метод: проявляется в системном описании фактов языка и культуры, с учётом не только всеобщей связи явлений, но и закономерных связей между частями отдельно взятого явления, то есть учета их структурной организации, и определения семантики.

(3) Метод семантического лингвокультурологического поля, предложенный В.В. Воробьевым, является одним из основных при исследовании различных лингвокультурологических единиц на материале разносистемных языков, поскольку такое поле заключает в себе «фокус порождения, восприятия и оценки культурных ценностей, выражаемых в языке» [Воробьев 1995: 86].

По замыслу этого метода, в культуре каждого народа сохраняются остатки прошлого, по которым можно сделать выводы о положении вещей на более раннем историческом этапе.

(4) Экспериментальный метод – это исследование, в процессе которого создаются или изыскиваются условия, необходимые и достаточные для проявления и измерения связи явлений, интересующих экспериментатора в связи с целенаправленной проверкой уже сформулированной научной

гипотезы [Маслова 2001].

(5) Описательный метод: позволяет делать системное описание языковых фактов и культур, лингвокультурологических единиц на материале разносистемных языков. Таксономическое описание предполагает установление классов языковых единиц и связей, существующих между ними; динамическое описание состоит в описании всех правил, порождающих правильные языковые выражения и только их (представлено в порождающей грамматике или в модели «смысл – текст») [Алимжанова 2010].

На основании частнонаучных методов исследований в лингвокультурологии формируются различные типы лингвокультурологического анализа.

Широко распространен в лингвокультурологии и компонентный анализ (термин введён У. Гудинафом). Сущность данного метода заключается в выделении минимального набора признаков у определенной совокупности языковых единиц и категорий языка, с помощью которых одни единицы и категории различаются между собой, другие, напротив, объединяются в различные группировки. Этот метод направлен, прежде всего, на исследование содержательной стороны языка и в своем основном виде используется в изучении значимых единиц языка путем разложения их значения на минимальные семантические составляющие – семы [Хроленко 2009].

Широко распространён среди исследователей концептуальный анализ – это «отражение наиболее употребительных контекстов слова, констатация всех направлений, по которым идут преобразования семантики слова». Концептуальный анализ способствует получению знаний о мире [Зиновьева 2016: 88].

Объектом лингвистики всегда был естественный язык, вместе с тем в разные эпохи, в разные исторические периоды существования человека он изучался по-разному. В поле зрения учёных оказывались разные функции языка, разные его ипостаси и особенности. В разных направлениях и школах

язык как бы поворачивался к нам новыми гранями, всё зависело от точки зрения на язык.

Лингвокультурологический анализ является основным инструментом лингвокультуролога. Это главный способ описания языковых единиц с целью извлечения культурной коннотации, которая и является основной целью описания, в нашем случае, паремий.

Анализ научной литературы позволил нам выделить и описать основные принципы и методы лингвокультурологического описания фразеологического материала.

Лингвокультурологические принципы описания материала делятся на:

1. Общенаучные (синхронически – диахронические, комплексные, логические, семасиолого – ономасиологические, экспериментальные, семантические), интерлингвистические;

2. Частнонаучные (т.е. собственно лингвокультурологические)

a) Антропоцентризм (объекты изучаются с позиций их роли в жизни человека);

b) Экспланаторность (стремление найти каждому знаку разумное объяснение);

c) Функционализм (раскрытие характерных функций лингвокультурологических единиц).

Лингвокультурологические принципы формируют различные **методы** исследования:

1) Сопоставительно-функциональный (контрастивный) метод (выявление различий между двумя сравниваемыми языками);

2) Семиотический системно-структурный метод (системное описание фактов языка и культуры с учетом структурной организации и определения семантики);

3) Метод семантического лингвокультурологического поля (заключающего в себе «фокус порождения, восприятия и оценки культурых

ценностей, выражаемых в языке» [Воробьев 2006]; это метод исследования различных ЛК единиц на материале разносистемных языков);

4) Экспериментальный метод (определяются условия для проявления связи явлений, интересующих ученого; целенаправленная проверка сформулированной гипотезы);

5) Описательный метод (системное описание языковых фактов и культур, лингвокультурологических единиц на материале разносистемных языков).

На основании частнонаучных методов исследований в ЛК формируются различные типы лингвокультурологического анализа:

1) В теоретических и практических работах Е.И. Зиновьевой предложен подробный лингвокультурологический (концептуальный) анализ ***лексики*** [Зиновьева 2016: 88-89]. Елена Иннокентьевна предлагает алгоритм анализа, состоящий из семи шагов. Важнейшими, на наш взгляд, являются следующие:

1. Исследование этимологии ключевого слова.

2. Анализ лексикографических источников, которые позволяют выделить содержание понятия на основе словарных дефиниций.

3. Выведение дополнительных концептуальных признаков слова посредством дистрибутивного анализа типичной сочетаемости слова концепта.

2) Различные алгоритмы описания ***фразеологизмов*** предлагает в своих работах М.Л. Ковшова. Для лингвокультурологического анализа, по мнению автора, необходимо использовать суммарный анализ описания научной, наивной и мифологической картин мира, использовать данные описания стереотипов и символов, которые, вербализуясь в языке, образуют национально-культурные коды [Ковшова 2006, 2007, 2008, 2009, 2013, 2014].

3) Алгоритм лингвокультурологического анализа для ***устойчивых сравнений (фразеологизмов)*** предлагают в своих работах А.С. Алёшин и китайская исследовательница Юй Фэнин [Алёшин 2012; Юй Фэнин 2016].

Этот алгоритм состоит из пяти шагов.

Интерес для нас представляют следующие положения:

1. определение лингвистического статуса анализируемых единиц двух языков;

2. идеографическая классификация объектов сравнения двух языков;

3. выявление значимых лингвокультурологических лакун;

4. демонстрация «номинативной наполненности» отдельных идеографических разрядов

4) Алгоритм описания лингвокультурологической ценности ***паремий*** предлагают в своих работах Е.И. Зиновьева (2017), М.В. Пименова (2013), Пи Дзянькунь (для двух языков) (2014).

В работе М.В. Пименовой предлагаются следующие параметры описания паремий:

- выбор ключевого слова – репрезентанта паремий;
- сбор фактического материала;
- исследование этимологии слова-репрезентанта паремий;
- выявление мотивирующих признаков;
- анализ фактического материала на предмет определения образных паремиологических признаков;
- выявление понятийных признаков на основе анализа словарных дефиниций (толковые словари, словари синонимов, частотные словари);
- определение категориальных признаков, среди которых ценностно-оценочные, собственно-оценочные, общая и частная оценка (хороший/плохой), рациональная и эмоциональная оценка;
- описание символических признаков;
- описание стереотипов.

Е.И. Зиновьева в своих работах по лингвокультурологическому анализу паремий предлагает также:

1. представить толкование единиц;

2. представить классификацию пословиц по установкам культуры;

3. выявить биномные пары, если они имеются;

4. исследовать тенденции современного функционирования пословиц в речи (на основе материалов НКРЯ, НККЯ);

5. описание ситуации, в которой может быть использована паремия;

6. выявление образа, лежащего в основе единицы, пословичного бинома (при его наличии); описание (при наличии) метафоризации компонентов;

7. анализ особенностей употребления рассматриваемых русских паремий в современных текстах художественной литературы, периодической печати, интернет-пространстве;

8. сопоставление русских паремий с их возможными аналогами в китайском языке (при наличии таковых);

9. выявление других паремий, вербализующих ту же ментальную культурную установку в русском языке.

На основе анализа всех проанализированных точек зрения мы выработали свой алгоритм описания паремиологического материала по теме: **«Внешность человека в русской паремиологической картине мира»,** который состоит из четырёх этапов, предложенных лингвокультурологами в своих работах ранее, но не использованных именно для описания внешности человека:

- выявление образа, лежащего в основе единицы (Е.И. Зиновьева);
- выявление и описание стереотипов и символов, репрезентируемых паремией.

Кроме того, мы предлагаем включить в комментарий такие пункты как:

- соотношение с кодами культуры путём интерпретации пословицы через ключевое слово единицы: зооним, орнитоним, соматизм;
- определение аксиологического вектора паремии (определение аксиологической ценности предмета паремии).

На наш взгляд лингвокультурологический комментарий должен состоять двенадцати обязательных компонентов:

1. Исследование этимологии ключевого слова;

2. Анализ лексикографических источников;

3. Выведение дополнительных концептуальных признаков слова;

4. Определение лингвистического статуса анализируемых единиц двух языков;

5. Идеографическая классификация объектов сравнения двух языков;

6. Выявление значимых лингвокультурологических лакун;

7. Демонстрация «номинативной наполненности» отдельных идеографических разрядов;

8. Выявление образа, лежащего в основе единицы;

9. Выявление и описание стереотипов и символов, репрезентируемых паремией;

10. Соотношение с кодами культуры путём интерпретации пословицы через ключевое слово единицы: зооним, орнитоним, соматизм;

11. Сопоставление русских паремий с их возможными аналогами в китайском языке (при наличии таковых);

12. Определение аксиологического вектора паремии.

## 1.2. Роль символов и стереотипов в лингвокультурологическом описании

Главные знаки культурной коннотации фразеологизмов, – это безэквивалентная лексика и лакуны в структуре фразеологизмов, мифы, архетипы, легенды, символы, эталоны, стереотипы, обрядово-ритуальные формы культуры, поверья, обычаи и т.п. Раскрытие этих знаков культуры является главным содержанием культурологического комментария фразеологизмов [Ковалевская 2010: 18].

### 1.2.1. Определение понятия символ в лингвокультурологическом аспекте

Стремление к символьному переосмыслению окружающей действительности сопровождает человека с древних времен до сегодняшнего дня. Трактовку символа можно найти в изысканиях Аристотеля, Платона, Эмпедокла, средневековых схоластиков, П.А. Флоренского, К.Г. Юнга, Р. Генона и других ученых. Символ является одним из центральных понятий различных научных сфер – философии, филологии, психологии, культурологии, искусствоведения и пр.

По мысли Э. Кассирера, создавшего философию символических форм, человек – существо символическое; он живет не только во Вселенной – он живет в символической Вселенной, части которой – язык, миф, искусство, религия; из них сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта [Кассирер 2002: 43].

По одному из толкований культуры, развиваемых В.Н. Телия, культура есть «семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира “символическая Вселенная”» [Телия 2004: 680].

Наш интерес к символу ограничивается рамками культуры, с этой точки зрения символ может быть отнесен к стереотипизированным явлениям, характерным для любой культуры. Таким образом, для нашего понимания символа принципиальным является соотнесение его с содержанием передаваемой им культурной информации. А.Ф. Лосев писал, что символ заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания, т.е. символ может рассматриваться как специфический фактор социокультурного кодирования информации и одновременно – как механизм передачи этой информации [цит. по: Маслова 2001: 96]. Это же свойство символа подчеркивал Ю.М. Лотман; он отмечал, что культура всегда, с одной стороны, – определенное количество унаследованных текстов, а с другой – унаследованных символов [Там же].

М.Л. Ковшова определяет символ как итог смыслового развития знака в культуре и можно видеть сущность символа не в обозначении, а в символическом отношении к реальности и, тем самым, преодолении смысловой определенности знака. Символ имеет культурное прочтение; осуществляя память культуры о себе, символы «не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты» [Ковшова 2008: 20].

Термин «символ» по-разному понимается литературоведами и лингвистами. Ю.С. Степанов, например, утверждает, что символ – понятие не научное, это понятие поэтики; он всякий раз значим лишь в рамках определенной поэтической системы, и в ней он истинен [цит. по: Маслова 2001: 96].

С.С. Аверинцев в «Литературном энциклопедическом словаре» [Аверинцев 1987: 378] так определяет символ: «Символ в искусстве - универсальная эстетическая категория, раскрывающаяся через сопоставление

со смежными категориями – образа художественного, с одной стороны, знака и аллегории – с другой». В «Новейшем философском словаре» [Грицанова 2003] дано следующее довольно широкое понимание символа: это «понятие, фиксирующее способность материальных вещей и событий, чувственных образов выражать идеальное содержание, отличное от их непосредственного чувственно-телесного бытия».

Понятие символа лежит в основе различных научных концепций, но, несмотря на неоспоримый интерес к данному понятию, до сих пор не существует его единой трактовки.

А.Ф. Лосев отмечал, что «понятие символа является одним из самых туманных, сбивчивых и противоречивых» [цит. по: Харитонова 2014] и указывал на наличие множества определений, иногда противоречащих друг другу.

Видимо, этим обстоятельством объясняется тот факт, что в некоторых лингвистических словарях понятие символа объясняется через понятия «знака» и «образа». Приведем несколько примеров определений:

Символ (от греч. symbolon знак, опознавательная примета) – идея, образ или объект, имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание [Ивина 2004].

Символ – знак, связь (связанность) которого с данным референтом является мотивированной [Ахманова 1966: 404].

Символ – вещественный, графический или звуковой знак, служащий условным обозначением какого-либо понятия [Жеребило 2010: 322].

А.Ф. Лосев определяет символ как «идейную, образную или идейно-образную структуру, содержащую в себе указание на те, или иные отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком» [Лосев 1995: 35].

У С.С. Аверинцева находим следующее определение: символ – это знак, изображение какой-нибудь вещи или животного для обозначения качества

предмета; условный знак каких-либо понятий, идей, явлений [Аверинцев 1987: 146].

В.А. Маслова дала символу детальное и всестороннее определение: 1) символ – понятие, тождественное знаку (в искусственных формализованных языках); 2) универсальная категория, отражающая специфику образного освоения жизни искусством (в эстетике и философии искусства); 3) некоторый культурный объект, значение которого является конвенциональным (т.е. закрепленным в словарях) аналогом значения иного объекта (в культурологии, социологии и ряде других гуманитарных наук); 4) символ как знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы для другого содержания (широкое понимание символа, существующее во многих гуманитарных науках – философии, лингвистике, семиотике и т.д.) [Маслова 2001: 95].

Известный семиотик, культуролог Ю.М. Лотман подтверждает сложность понятия “символ” и не пытается дать ему общее определение, полагая, что эту проблему целесообразно решать применительно к частным задачам, т.к. сфера применения данного понятия слишком широка [цит. по: Харитонова 2014].

Думается, что затруднения, возникающие при трактовке символа, обусловлены его неразрывной связью с рядом близких ему понятий. Рассмотрим их сходные и различительные свойства и признаки.

**Символ и образ.** Сопоставляя символ и образ, нужно отметить, что образ некоторого объекта может включать в свою структуру множество второстепенных, случайных признаков, обусловленных особенностями человеческого взаимодействия с этим объектом. Символы же задают более или менее определенные границы понимания человеком ценностно-смыслового пространства своего языка [Алефиренко 2010: 188]. При этом образность – важнейшее свойство символа.

По определению С.С. Аверинцева, «всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ)» [Аверинцев 1987: 147].

Всякий символ есть образ, однако образ можно считать символом лишь при определенных условиях. Образ выходит за рамки своего буквального смысла, но не идет дальше расширения и обобщения, качественно нового содержания он не выражает [Арутюнова 1999: 149]. Символ предполагает использование конкретного образного содержания в качестве формы иного, более отвлеченного, абстрактного содержания. Символ рождается из образа тогда, когда сигнификат последнего достигает высшей степени обобщенности и начинает условно выражать определенный, не связанный с ним абстрактный смысл [Арутюнова 1999: 150].

Образ представляет объекты действительности в человеческом сознании прямо и наглядно, являясь формой отражения воспринимаемых предметов и явлений. Символ олицетворяет культурный опыт целого народа, а не отдельного индивида и выступает как высшая форма знания.

**Символ и знак.** Символ и знак являются важными семиотическими понятиями и имеют много общего. Одно из определений гласит, что знак – это «некоторый материальный, чувственно воспринимаемый объект, замещающий в процессах производства, хранения и передачи информации определенный образ другого объекта (предмета или явления), с которым производимая, хранимая и передаваемая информация соотнесена» [Алефиренко 2010:186]. Если знак призван просто указать на какой-либо объект окружающей действительности, то символ призван семантически объединить разные аспекты реальности. Смысл знака, в отличие от символа, должен быть не только конвенционален, но и конкретен. Именно мотивированность отличает символ от знака, в котором связь между означаемым и означающим произвольна и конвенциональна. По мнению Н.Д. Арутюновой, знаки конвенционализируются, а символы канонизируются, например, крест становится символом христианской веры, символом страдания, объединения пространства и т.д. [Арутюнова 1999: 342]. Знак становится символом тогда, когда его употребление предполагает реакцию не на сам символизируемый объект, а на целый спектр вторичных

конвенциональных значений [Маслова 2001: 99]. Противопоставление знака и символа мы встречаем еще у Ф. де Соссюра, который писал, что «символ справедливости, весы, нельзя заменить, чем попало, например колесницей» [Соссюр 1999: 71]. Т.е. хотя символ и не указывает прямо на денотат, тем не менее, сохраняется внешнее или внутренне сходство с символизируемым объектом. Если обычный знак дает возможность проникнуть человеку в предметный мир значений, то символ позволяет войти в непредметный мир смысловых отношений. Благодаря символам человек постигает глубинные смыслы, объединяющие людей в единое этнокультурное сообщество [Алефиренко 2010: 189]. Символ не может сводиться как знак к чистой форме, **он требует интерпретации**, т.к. вне культурного контекста понять его не представляется возможным.

**Символ и метафора.** Н.Ф Алефиренко указывает на трудность различения символа и метафоры, т.к. они связывают два концепта в один. Но при этом «метафора, сопоставляя два концепта, нивелирует их отличительные признаки, а символ эти различия сохраняет, подчеркивает самостоятельность каждого концепта» [Алефиренко 2010: 189]. Рассматривая символ с лингвистической точки зрения, нельзя забывать о том, что один из путей его создания – это метафоризация, т.е. перенос значения по сходству объектов, явлений, понятий. По замечанию Н.Д. Арутюновой, метафора не вычленяет абстрактных признаков и качеств, а выявляет смысловой образ самой сущности предмета [Арутюнова 1999]. Таким образом, метафора способствует возникновению символа, следовательно, данные понятия не могут быть взаимозаменяемыми. Метафору и символ объединяет мотивированность. Одним из первых отметил роль метафоры в символическом конструировании реальности Э. Кассирер. Метафора связывает конкретный и абстрактный аспекты в содержании символа, а также объясняет аналогии в мифах. Каждый человек способен говорить на языке символов и понимать его; потому что, как отметил Э. Фромм, язык символов не надо учить, его распространение не ограничивается какими-то группами

людей, потому что символ имеет архетипическую природу, и передается нам на бессознательном уровне [Маслова 2001: 101].

Как можно заметить, «образ – как бы мост, позволяющий переходить от одного явления к другому и обратно» [Купер 1995: 6]. Можно выделить целый ряд признаков символа: образность (иконичность), мотивированность, комплексность содержания, многозначность, расплывчатость границ значений в символе, архетипичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре, пересечение символов в разных культурах, национально-культурная специфичность целого ряда символов, встроенность символа в миф и архетип [Маслова 2001: 98].

Только человек, овладевший культурными ценностями нации, хорошо знающий поэзию своего народа, вознаграждается способностью пользоваться поэтическими символами и образами.

### 1.2.2. Определение понятия стереотип в лингвокультурологическом аспекте

У каждого народа, каждой нации есть собственные представления об окружающем мире, складываются определенные стереотипы – как относительно самих себя, поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства.

На протяжении длительного времени ведется полемика об определении понятия «стереотип», делаются попытки выявить пути формирования и распространения национальных стереотипов в обществе, обсуждается вопрос о влиянии их на отношения между народами.

Понятие стереотипа в современной гуманитарной науке носит междисциплинарный характер. Изначально, с 1920 х гг., получив развитие на почве социологии и социальной психологии, понятие стереотипа в

дальнейшем стало предметом анализа с точки зрения теории коммуникации, этнологии, истории литературы и культуры, философии языка. Представители каждой из названных наук выделяют в стереотипе те его свойства, которые могут быть актуальны в соответствующей области исследования, а потому выделяются – социальные стереотипы, – этнические (этнокультурные) стереотипы, – культурные стереотипы, – языковые стереотипы, – стереотипы общения и поведения (речевые и коммуникативные стереотипы), – ментальные стереотипы [Панягин 2008: 67].

У. Липпман, впервые использовавший данное понятие в социологии, определял его как «упорядоченные, типичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права» [Цит. по: Прохоров 2008: 68].

Определение понятия стереотип **в современных исследованиях** – это представление человека о мире, формирующееся под влиянием культурного окружения, существующее как в виде ментального образа, так и виде вербальной оболочки, стереотип – процесс и результат общения (поведения) согласно определенным семиотическим моделям. Стереотип (как родовое понятие) включает в себя стандарт, являющийся неязыковой реальностью, и норму, существующую на языковом уровне. В качестве стереотипов могут выступать как характеристики другого народа, так и все, что касается представлений одной нации о культуре другой нации в целом: общие понятия, нормы речевого общения, поведения, категории, мыслительные аналогии, предрассудки, суеверия, моральные и этикетные нормы, традиции, обычаи и т.п. [Панягин 2008: 70].

**В лингвистике** термин «стереотип» относится к содержательной стороне языка и культуры.

Понятие стереотипа оказалось широко востребованным и в современной лингвистике. С позиции лингвистов стереотипами считаются установленные

конвенционально семантические и/или формальные конструкции, формирующие культурно-языковой образ объекта; таким образом, в рамках лингвистического подхода стереотип может относиться к двум разным плоскостям языка – формальной (фразеология, языковые клише, формульность, принципы сочетаемости в пределах языковых конструкции и т.п.) или семантической (смысловые коннотации языковых единиц, сопутствующие основному/первичному значению) [Панягин 2008: 69]. Для лингвистического изучения стереотипа особо важными представляются такие аспекты, как стереотип и его языковой знак, стереотип и значение слова (стереотип и когнитивная семантика), когнитивная структура стереотипа, способы концептуализации языковой действительности. Стереотип понимается также как субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описание предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей [Там же: 69].

По нашему мнению, стереотип проистекает из шаблонного мышления, указывает на устойчивость формы и/или содержания языкового выражения. Т.е. а) Стереотип – языковое выражение с фиксированной формой; устойчивость формы. б) Стереотип – представление о чем-либо, представление, которое получает выражение в языке; устойчивость содержания [Вилинбахова 2015: 9].

В этнолингвистике термин «стереотип» относится к содержательной стороне языка и культуры, т.е. понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с картиной мира. Языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира.

В когнитивной лингвистике стереотип рассматривается «как стандартное мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп» [Демьянков 1996: 177].

В лингвокультурологии стереотип – это фрагмент или образ картины мира, существующий в сознании. «Это некоторый образ – представление, это ментальная «картинка», некое устойчивое, минимизировано – инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации» [Красных 2002: 178].

Стереотипам присущ обобщающий характер. Наряду с этим свойством стереотип имеет логическую форму суждения, способность упрощать и эмоционально приписывать определенному классу лиц определенные установки или отказывать им в них [Демьянков 1996: 177].

Различают стереотип поведения, определяющий поведение и действия, которые следует осуществлять, и стереотип – представление, определяющий то, что следует ожидать в той или иной ситуации [Красных 2002: 179]. Первая группа хранится в сознании в виде штампов, выступающих в роли канонов. Они диктуют или предписывают определенное коммуникативное поведение, выполняя прескриптивную функцию. Вторая группа стереотипов, стереотипы-представления, хранятся в виде клише и функционируют как эталоны. Их отличие от стереотипов поведения состоит в том, что они «предсказывают не столько само поведение, сколько набор ассоциаций и предопределяют языковую форму, их выражающую, выполняя предиктивную функцию» [Там же: 180].

В современной лингвистике выделяются следующие функции стереотипов [Демьянков 1996: 177]:

– когнитивная – генерализация информации при усвоении чужой культуры;

– аффективная – определенная мера этноцентризма в межэтническом общении, проявленная как постоянное выделение «своего» в противовес «чужому»;

– социальная – разграничение «внутригруппового» и «внегруппового»: приводит к социальной категоризации, к образованию социальных структур, на которые активно ориентируются в обыденной жизни.

Ориентация по национальному признаку также играет важную роль в описании стереотипов. Национальный стереотип – «это обобщенно-типичные представления одного народа о другом или о самом себе» [Гудков 2001: 20]. К этим представлениям относятся исторически сложившиеся оценочные суждения о типичных особенностях психического склада, характера людей, принадлежащих к другому этносу, другой культуре. Национальные стереотипы отражают несходства в культурном опыте тех или иных народов. Хрестоматийными стали такие стереотипные представления, как пунктуальность немцев, чопорность англичан, открытость русских, прагматизм американцев, вспыльчивость итальянцев и т.д. Конечно же, речь идет не о всеобщих качествах народа, а только о типичных, то есть характерных для большинства народа. Здесь уместно остановиться на взаимодействии понятий «национальный стереотип» и «национальный характер».

И то, и другое является своеобразным вербальным портретом чужого народа. Можно привести большое количество определений, которые в основном трактуют национальный характер как совокупность специфических психологических черт, образа мыслей, привычек, традиций, свойственных определенной социально-этнической общности. Нам кажется наиболее точным определение, представленное в работах С.Г. Тер-Минасовой, согласно которому, национальный характер – это не просто совокупность своеобразных, присущих только данному народу черт, но своеобразный набор универсальных общечеловеческих черт [Тер-Минасова 2004: 243]. Очевидно, что можно провести определенную параллель между понятием национального характера и понятием национального стереотипа, во многих случаях эти понятия почти сближаются. Однако существенное различие

заключается в том, что «национальный характер» является родовым понятием, а «национальный стереотип» – видовым, т.е. частью национального характера [Коптякова 2008: 130].

Причиной несовпадения стереотипных представлений является то, что стереотип коррелирует с «наивной картиной мира» и оценивать реалии жизни другого народа индивид будет только через призму своей культуры и исходя из своего личного опыта.

В когнитивной лингвистике и этнолингвистике принято подразделять национальные стереотипы на автостереотипы (отражающие то, что люди думают сами о себе) и гетеростереотипы (стереотипы, относящиеся к другому народу). Исследуя оба феномена, большинство ученых пришло к выводу, что каждая нация склоняется к завышенной самооценке и недооценке или негативной оценке других этносов. Это объясняется тем, что носитель другой культуры традиционно воспринимается как «чужой». В оппозиции «свой – чужой» возникает конфликт культур: родная культура объединяет людей, но одновременно и отделяет их от других, чужих культур [Коптякова 2008: 131].

С.Г. Тер-Минасова выделяет следующие основные источники стереотипных представлений о национальных характерах: международные анекдоты, построенные на шаблонном сюжете, национальную классическую литературу, фольклор и национальный язык, который отражает, формирует и хранит стереотипные представления [Тер-Минасова 2004: 245]. Фольклор – это самый надежный источник, так как представляет собой коллективное творчество и лишен субъективизма авторских произведений [Коптякова 2008: 131]. Поэтому наиболее яркой языковой особенностью, в которой отражена культура народа, являются фразеологизмы и паремии, метафоры и символы. Например, в языке закрепляются мифологемы, архетипы, эталоны, стереотипы, обычаи, ритуалы, верования. Национально-культурное своеобразие ФЕ, метафор, символов формируется посредством культурной коннотации.

Конкретно, во фразеологии стереотипные обороты рассматриваются как устойчивые культурно-языковые штампы. Механизм их формирования лежит в той области семиотической связи между планом выражения и планом содержания фразеологической единицы (ФЕ), в которой определенная семема тяготеет к атомарным словосочетаниям определенных тематических полей [Кириллова 2002: 129].

Итак, стереотипы существуют в любом обществе, но особенно важно подчеркнуть, что набор стереотипов для каждого из них сугубо специфичен. На регулирование поведения человека в пределах родного культурного и языкового пространства большое влияния оказывают культурные стереотипы, которые начинают усваиваться именно с того момента, когда человек начинает осознавать себя частью определенного этноса, частью определенной культуры.

## 1.3. Паремиологическая картина мира как часть языковой картины мира

Языковая картина мира является важнейшим понятием лингвокультурологии. Языковая картина мира (ЯКМ) интересует лингвокультурологов в первую очередь как «типичная для обыденного сознания определенного коллектива схема восприятия действительности, зафиксированная в языке» [Яковлева 1996: 47].

Выделив несколько разновидностей картины мира – фольклорную, мифологическую, религиозную, философскую, научную, обыденную, концептуальную», М.В. Пименова отметила и проиллюстрировала примерами несовпадение научной и наивной картин мира [Пименова 2005: 40-146]. По мнению В.И. Карасика, языковая картина мира есть отраженный в языке посредством системы образов исторический и ментальный опыт народа, говорящего на данном языке. Она составляет часть ментальной картины мира, в ней можно выделить «определенные области или аспекты, такие, как, например, ценностная, эмотивная или юмористическая языковые картины мира» [Карасик 2002: 198].

Давно замечено, что мудрость и дух народа ярко проявляются в его устойчивых сочетаниях: пословицах, поговорках, крылатых фразах, словах, фразеологических единицах. Отражением особой картины мира, складывавшейся в народном сознании в течения тысячелетий и не утратившей своего значения в наше время, является паремия, которая формирует фольклорную картину мира.

Исследование паремиологической картины мира (ПКМ) представляется перспективным, так как позволяет реализовать оба возможные направления анализа языковой картины мира, указанные Ю.Д. Апресяном [Апресян 1995: 38]. С одной стороны, «паремии предоставляют полную возможность исследовать характерные для данного языка, а, следовательно, для народа концепты». С другой стороны, «паремии образуют достаточно обозримый и законченный участок языковой системы, дающий возможность реконструировать фрагмент языковой картины мира, описать отражаемый языком взгляд на мир достаточно полно и достоверно» [Иванова 2002: 26].

«Языковая картина мира в целом и главном совпадает с логическим отражением мира в сознании людей, но при этом сохраняются отдельные участки в языковой картине мира, которые являются сугубо национальными аспектами языковой картины мира, варьирующиеся от языка к языку» [Маслова 2008: 161]. К таким аспектам, по мнению В.А. Масловой, относится фразеология. Исходя из этого положения «паремиология тоже может являться таким сугубо национальным аспектом, то есть полноправно частью языковой картины мира. Паремии заключают в себе глубинные свойства и особенности характера народа, его самобытность и культуру мышления» [Кацюба 1993: 5].

По мнению Е.Л. Калмыковой, паремиологическая картина мира – это «часть языковой картины мира, в которой содержится весь паремиологической фонд народа, отражающий веками накопленный опыт народа, его историю, мировоззрение, ценности и антиценности» [Савченко 2010].

В своем исследовании мы будем придерживаться точки зрения В.И. Поставаловой «паремиологическая языковая картина мира – это глобальный образ, лежащий в основе мировоззрения как нации в целом, так и каждого отдельного человека, иными словами, это – общепринятый стереотип, выражающий существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной деятельности» [Поставалова 1988: 9].

Таким образом, «исследование паремиологической картины мира предоставляет возможность для исследования важных для данного этноса ценностей, установок, стереотипов, модели поведения» [Савченко 2010].

Паремиологической картины мира характеризуется определенными особенностями. О.И. Натхо отметил следующие черты, которые в нашей работе тоже необходимо учитывать:

1) в пословицах и поговорках, как в любом жанре фольклора, находит отражение все, чем живет и с чем сталкивается тот или иной народ на протяжении веков, но пословицы и поговорки разных народов часто очень похожи, точнее, логическая формула их содержания абсолютно совпадает;

2) паремии употребляются говорящими в качестве маркеров речевой ситуации с различными речевыми целями;

3) все паремии объединяет известное постоянство облика, иными словами, все пословицы и поговорки являются сочетаниями слов или, как говорят языковеды, представляют собой клише [Натхо 2008: 39].

Особенности паремиологической картины мира, по мнению Е.В. Ивановой, состоят в том, что важная часть представляющих ее единиц характеризуется двойственностью. Паремии, обладающие переносным и буквальным значениями, отражают два вида знаний о мире, два видения мира. С одной стороны, значение паремии «передает принятые в социуме нормы морали, стереотипы поведения, т.е. то знание о мире и человеке в мире, которое является важным для языкового коллектива и поэтому закрепляется с помощью языкового знака». С другой стороны, внутренняя форма паремии отражает бытовые представления, повседневную жизнь людей [Иванова 2002: 26].

Появление паремиологической языковой картины мира обусловлено действием двух факторов – культурологического и лингвистического. Через анализ паремиологической картины мира можно «составить представление о содержании и структуре определенного культурного лингвосознания, выявить общие характеристики, являющиеся универсальными для

понимания менталитета определенного народа, очертить круг характерных особенностей» [Натхо 2008: 39]. Другими словами, ПКМ понимается как универсальный способ классификации паремий на основании лингвистических и культурологических особенностей единиц.

Паремиологическа картина мира отражает «особенности мировосприятия народов, обусловленные, с одной стороны, экстралингвистическими факторами: специфическими чертами исторического развития каждого народа, особенностями материальной и народной духовной культуры (мифы, поверья, обряды, обычаи, стереотипы мышления, национальная психология), с другой стороны особенностями языков, по-разному категорирующих одну и ту же объективную действительность» [Савченко 2010]. Следовательно, речь всегда идёт о языковой картине мира, характерной для носителя определённого языка.

При этом, как мы видим, у каждого народа имеется своя неповторимая, единственная паремиологическая языковая картина мира. Паремиологическая картина мира представляет собой значительную часть языковой картины мира, является проявлением народного ума, народной жизни, народного характера и мудрости, составляет важную и чрезвычайно интересную часть национального менталитета и народной культуры.

Паремиологическая картина мира постигается за счет изучения разных языковых единиц, в первую очередь паремий.

В паремиологических текстах используются названия предметов и явлений, с которыми человек сталкивается в реальной жизни (названия предметов обихода, продуктов питания, профессий и др.), а также то, что его окружает (небо, земля, флора, фауна). Например, упоминаются детали одежды, элементы внешнего облика человека: *Губы толстые – сердце мягкое; черные глаза – пылкое сердце; Со лба красив, да с затылка вшив; Глаз мал, да далеко видит.* Это означает, что ПКМ – это *очеловеченная* модель мира, в которой критерием оценки является человек [Сираева, Фаткуллина 2014: 568].

Антропоцентрическая сущность языка освещалась еще В. Гумбольдтом, Э. Бенвенистом, Р.А. Будаговым, Л.В. Щербой. В последнее десятилетие эта идея получила свое развитие в работах лингвистов (Ю.Н. Караулова, Н.Д. Арутюновой и др.) и философов (Р. Павилениса, Л.А. Микешиной).

Таким образом, ПКМ – это сегмент языковой картины мира, в котором содержится весь паремиологической фонд народа, с которым мы соприкасаемся при анализе пословиц и поговорок определенного языка, отражающего мировидение, национальный менталитет, дух народа и культурно-исторический опыт познания мира.

У каждого народа имеется своя неповторимая, единственная паремиологическая языковая картина мира. Но пословицы и поговорки разных народов часто очень похожи, т.е. совпадают их логические формулы.

Паремиологическая картина мира – мировидение народа на протяжении веков. Паремии выступают в качестве маркеров речевой ситуации с различными речевыми целями. ПКМ характеризуется двойственностью. Её единицы обладают зачастую переносным и буквальным значениями, поэтому ПКМ может отражать два видения мира. Антропоцентризм. Паремиологическая картина мира – это «очеловеченная» модель мира, в которой критерием оценки является человек. Для нашего исследования признание антропоцентричности ПКМ имеет несомненную ценность, поскольку внешность и ее оценка и играют важную роль в жизни каждого отдельного человека и важны как для его самоидентификации, так и с точки зрения отношения к нему окружающих.

### 1.3.1. Пословицы как разряд фразеологии: основные направления изучения паремий, языковой статус пословиц

Паремиология как раздел языкознания «в настоящее время пока ещё не может рассматриваться как сформировавшаяся отрасль научного знания. В настоящее время можно говорить лишь о некоторых фундаментальных понятиях, таких, как паремия, паремиологическая единица (ПЕ), но в паремиологии на данный момент не существует общепринятой систематизации паремиологического материала, не определены его объём и границы, и неясным остается сам предмет паремиологии. Одни ученые считают паремиологию наукой о пословицах и поговорках русского языка, соответственно определяя ее объект, создают классификации пословично-поговорочного материала, разрабатывают метод его изучения. Другие исследователи выделяют паремиологию в рамках фразеологии, а ПЕ рассматривают как разновидность ФЕ и закономерно изучают их в тех же аспектах, что и фразеологизмы. Третьи признают паремиологию универсальной наукой об устойчивых (клишированных) выражениях разной структуры, включая фразеологизмы. Термин паремия они употребляют как универсальное наименование, и главное внимание уделяют выделению различных типов паремий и их систематизации. Подобная неопределенность в формулировке самых существенных проблем паремиологии объясняется историей её становления как науки, а также сложностью и неоднозначностью научного истолкования терминов «фразеологизм», «пословица», «поговорка», «паремия» [Петрова 2007: 11].

Обратимся к рассмотрению основных направлений исследования паремий в современной лингвистической литературе.

Интерес же к паремиям как предмету лингвистического, а не фольклорного анализа появился лишь в конце XX века, что неизбежно

повлекло за собой пристальное изучение пословиц, как в русской, так и китайской лингвистике. Вопросам паремиологии, как справедливо отмечает Е.А. Койранская (2011: 257), уделялось значительное внимание в работах Т.Г. Бочиной (2003), Н. Барли (1984), Х. Вальтера (2005), В.М. Мокиенко (2001), Г.Л. Пермякова (1988), Л.Б. Савенковой (2002), Е.И. Селиверстовой (2009), Н.Н. Семененко (2005), Г.М. Шипициной (2005) и др.

Основные направления в изучении паремий можно представить следующим образом. Во-первых, в российской науке о языке особый интерес к паремиям наблюдается с конца XIX – начала XX в., когда русские пословицы и поговорки изучаются в сравнении с паремиями других народов мира. Многие пословицы и поговорки различных народов сходны по своему значению и форме, что давно привлекает внимание паремиологов. В трудах таких зарубежных исследователей начала XX в., как Я. Лаутенбах, Э. Кокаре затронута проблема сходства паремий в разных языках. Среди русских паремиографических источников XIX в. следует отметить, например, сборник И. Гольшух «Пословицы, поговорки и изречения, или народная мудрость на трех языках: русском, французском и немецком» [Гольшух 1887], в котором приведено сравнение паремий в русском, французском и немецком языках. Г.Л. Пермяков долгие годы занимался проблемой национального и интернационального в паремиях и изложил свои взгляды во многих статьях и монографии [Пермяков 1988].

Второе направление – дискуссионный вопрос о разграничении пословицы и поговорки. В.И. Даль в предисловии к сборнику «Пословицы русского народа» одним из первых попытался отделить пословицы от других устойчивых выражений. В трудах Е.В. Ивановой, Л.Б. Савенковой, З.К. Тарланова и других исследователей паремиологии вопросы, связанные с отличием пословиц от поговорок и пословично-поговорочных выражений, активно дискутируются [Жуков 2000: 11-12; Савенкова 2002: 55-69; Тарланов

1999: 28-64]. Несмотря на разнообразие точек зрения, поговорки и пословицы во многих сборниках представлены вместе.

Одним из наиболее популярных направлений в паремиологии является изучение трансформаций пословиц и поговорок. Е.И. Селиверстова утверждает, что в современной речи пословицы употребляются в трансформированном виде, в связи с чем, именно изучение этих трансформаций является одной из актуальных задач современной паремиологии [Селиверстова 2009: 23]. Трансформационные процессы в сфере пословиц интенсифицировались в наше время, комплексное и системное исследование трансформаций данного типа паремий представляется крайне актуальным. Всем этим и обусловлена необходимость лингвистической оценки пословичных преобразований, определения и выявления их структурных и семантических типов, изучения социокультурного фона, что в дальнейшем позволит прогнозировать развитие трансформационных процессов в сфере паремиологии [Койранская 2011]. По мнению Е.В. Ивановой, «сопоставительное исследование пословиц может осуществляться в различных направлениях:

1. В традиционном – определение генетических и типологических черт сходства пословиц, описания пословичных эквивалентов, аналогов и безэквивалентных пословиц.

2. В социолингвистическом – установление отражаемых в пословицах черт сходства и различия в социальных условиях жизни народов.

3. В лингвокультурологическом – описание сходных и различных характеристик культуры, представленных в пословицах культурных концептов и символов, культурных универсалий.

4. В когнитивном – выявление закономерностей постижения мира и отражения результатов этого постижения в пословицах, с целью

установления различий в видении мира, свойственных народам» [Иванова 2002: 5].

Что касается нашей работы, то она находится в русле лингвокультурологического направления исследований паремий.

В последнее время «возрос интерес исследователей к проблемам изучения языковой картины мира разных языков, что находит отражение в методике преподавания русского языка как иностранного. Изучаются различные лингвокультурные концепты (прежде всего на лексическом материале), грамматические категории и конструкции в русском языке, в том числе в сопоставлении с другими языками» [Полупан 2011: 4]. Но лингвокультурологических исследований русских пословиц и фразеологизмов на фоне других языков и, в частности, китайского, на сегодняшний день не так много.

Понятие паремиологического пространства очень тесно связано с понятием фольклорной традиции – сложной многоуровневой категории, художественной, эстетической, мировоззренческой, смысловой, ценностной [Мальцев 1989: 28].

Пословицы и поговорки в своей совокупности – это не только свод отдельных единиц и не только система единиц – носителей определённых различительных признаков (грамматических, логико-семиотических, предметных), по которым они могут быть классифицированы, но и некоторое «пространство» в близком к математическому смысле слова – пространство отношений [Селиверстова 2010: 9].

Для каждой точки (отдельной пословицы и поговорки) может быть определена её «окрестность» – множество точек, окружающих данную и близких к ней. Рассматриваемое с такой точки зрения пространство оказывается многомерным: паремиологические единицы (ПЕ) могут быть близки друг другу в разных отношениях (измерениях), по разным параметрам. Различая локальные свойства пространства и его глобальные

свойства, т.е. относящиеся к структуре объекта в целом, Ю.И. Левин сосредоточил своё внимание на локальных фрагментах паремиопространства (ПП). Это позволило ему выделить различные типы отношений между паремиями – синонимию, антонимию, квазисинонимию, омонимию, предметную близость, вариантность [Левин 1984: 110-117].

Е.И. Селиверстова в своей работе отметила, что паремиологическое пространство – это система (А) пословиц, связанных различными типами отношений (ПП охватывает всю пословичную парадигматику и выходит за ее пределы), обнаруживающих разные степени общности и отличия на разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом), и единиц иного порядка – (Б) более дробных («составляющих» паремий – общих формульных фрагментов, типичной пословичной лексики, структурных моделей единиц) и (В) более обобщенных, «надпословичных» паремийных конденсатов) [Селиверстова 2010: 9].

Рассмотрим соотношение терминов, называющих единицы паремиологического пространства.

«Прежде чем обратиться к анализу паремий, необходимо рассмотреть традиционный взгляд на паремию. Паремии, состоящие из высказывания в форме прямой речи (спич), говорящего лица (спикер) и указания на условия или обстоятельства высказывания (ситуация), были известны собирателям и исследователям мини-клишированных изречений с тех времен, как появился интерес к народной мудрости коротких форм – анекдоту, басне, притче, максиме, загадке, пословице, поговорке, меткому словечку-высказыванию. Их помещали в самые разные разделы тематических, алфавитных структурных классификаций» [Цит. по Пи Дзянькунь 2014: 21].

Как отмечает Г.Л. Пермяков, «среди разного рода языковых клише, т.е. устойчивых словесных образований, видное место занимают так называемые паремии, или народные изречения, выраженные предложениями (например, пословицы, поговорки, приметы), а также короткими цепочками предложений, представляющими элементарную сценку или простейший

диалог (например, побасенки, «одномоментные» анекдоты, загадки)» [Пермяков 1988: 80].

Паремиологические сборники, как правило, включают в себя и пословицы, и поговорки, так как именно эти разновидности паремий наиболее популярны, используются в разговорной практике, художественных и публицистических текстах. При этом пословицы и поговорки тесно связаны друг с другом. Пословицами и поговорками «принято называть краткие устойчивые народные изречения, обобщающие социально-исторический опыт народа и вошедшие в разговорную речь» [Жигулев 1969: 7].

С течением времени точка зрения на термины *пословица* и *поговорка* менялась. Так, древнерусское слово *пословица* было многозначным: «оно характеризовало и любой словесный договор, и соглашение между отдельными людьми, и «соумышление», и вообще – согласие, мир. Одним из таких значений было и ‘краткое, выразительное изречение, иносказание, сентенция’» [Мокиенко 2010: 9]. Прежде пословиц и поговорок не различали.

До сих пор составление паремиологических словарей и собраний пословиц и поговорок издавна поставило весьма неоднозначную проблему разграничения между ним. Основная трудность в разграничении пословиц и поговорок, как отмечает А.Н. Мартынова, связана с тем, что: «виды народных изречений близки друг другу, сам народ никогда четко их не разграничивал» [Мартынова 1986: 6].

Разграничение пословицы и близких ей образований – чаще всего с поговорками – проводится обычно по двум направлениям – структурному и семантическому.

Энциклопедия определяет пословицу и поговорку следующим образом: под *пословицей* понимают «краткое ритмически организованное, устойчивое в речи, образное изречение народа» [БСЭ: http://bse.sci-lib.com/article091835.html]. *Поговоркой* «именуют образное выражение,

существующее в речи для эмоционально-экспрессивных оценок» [БСЭ: http://bse.sci-lib.com/article090171.html].

Как отмечает В.И. Даль, который является одним из первых определить пословицу, пословица, как всякая притча, состоит из двух частей: «из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу не отличишь от поговорки» [Даль 1984: 35]. По мнению В.И. Даля, поговоркой считается «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения»; поговорка – это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольною, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает» [Даль 1984: 14]. Поговорочные изречения же, по В.И. Далю, следует отличать от собственно пословиц «отсутствием притчи, иносказания, обиняка» [Даль 1984: 14].

Автор-составитель современного словаря пословиц В.П. Жуков понимает пословицы как «краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план, и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение. Так, пословица *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*, отличается двойным планом – иносказательным и буквальным» [Жуков 2007: 11]. Под поговорками понимаются краткие народные изречения, имеющие только буквальный план и в грамматическом отношении представляющие собой законченные предложения *(Коса - девичья краса)*. Между пословицами и поговорками находятся переходные единицы – пословично-поговорочные выражения, в которых часть слов в прямом смысле, а часть имеет фигуральное значение (*пьяному море по колено*) [Жуков 2000: 11].

Если фразеологизмы скорее связаны с понятиями, то пословицы – с суждениями. Это, по Г.Л. Пермякову, «единицы мысли, поскольку это

законченное суждение» [Пермяков 1988: 13-14]. По мнению Г.Л. Пермякова, фразовые паремии включают пословицы – замкнутые, целиком клишированные структуры (*Мал золотник, да дорог*), и поговорки – незамкнутые структуры, изменяемые или дополняемые в речи (*Стреляем/стреляет/стреляю из пушки по воробьям*). При этом отмечается легкость, с которой тот или иной тип изречений может превращаться в другой – например, пословица в поговорку: *Из пушек по воробьям не стреляют – (Некто) стреляет из пушек по воробьям* [Пермяков 1988: 96].

В.М. Мокиенко, который считает, что «пословицы – это краткие, нередко ритмизованные изречения, представляющие собой законченные предложения и выражающие определенные умозаключения. Они относятся к речевым жанрам фольклора, так как не исполняются специально, как, например, сказки и песни, а употребляются в разговорной речи между прочим, кстати, к слову» [Мокиенко 1975: 18]. Исследователь также отмечает, что основное отличие поговорки от пословицы как полноценного афористического жанра заключается, прежде всего, в её фразеологическом статусе, и в этом смысле поговорки объединяются с фразеологизмами и устойчивыми сравнениями [Мокиенко 1975: 172-173].

Другим важным параметром в характеристике пословиц и поговорок служит сопоставление по линии «частное/обобщенное». Оно дает дополнительную характеристику разграниченным единицам по структурному принципу. Например, пословицы: *Игра не стоит свеч; Нашла коса на камень* – приложимы только к конкретным, частным ситуациям и не обладают функцией обобщения. Тогда они отличаются от поговорок: *Из-за деревьев леса не видит и Сиди между двух стульев* только в синтаксическом плане [Селиверстова 2009: 29].

Как видим, структурный критерий является для В.П. Жуков и Г.Л. Пермякова главным при разграничении пословицы и поговорки, а семантические характеристики выступают как важные, но не классифицирующие черты рассматриваемых единиц. У В.П. Жукова класс

пословиц сужается до единиц, имеющих переносное значение, а класс ПЕ у Г.Л. Пермякова расширяется за счет поговорок.

Исследователь Т.А. Наймушина при решении вопроса о разграничении пословиц и поговорок высказывается за очень важный критерий в разграничении этих единиц: «образность/необразность». Автор считает, что «наличие-отсутствие переносного значения не является достаточным аргументом в пользу признания-непризнания обобщенного характера выражения», поэтому, определяя степень обобщенности значения пословицы, Т.А. Наймушина исходит, прежде всего, из самого характера переносного смысла [Наймушина 1984: 14-15]. Так, в образной и необразной пословицах – *Век живи – век учись; И будь без хвоста, да не кажись кургуз* – высказывается общее жизненное правило – это совет, возникший на основе опыта жизни, адресованный любому человеку и любому члену общества. «Обобщение реализуется общим характером высказывания, т.е. его не прикрепленностью к одной отдельной ситуации, благодаря которому пословица применима во многих ситуациям [Там же: 15]. Разная степень обобщенности высказываний не мешает их отнесению к категории паремий.

Л.Б. Савенкова понимает пословицу как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях», а поговорку, в отличие от пословицы, – как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, лишенное переносности значения и пригодное для употребления в дидактических целях» [Савенкова 1997: 36]. Исследователь указывает, что сопоставление пословиц с поговорками, крылатыми словами, афоризмами и фразеологизмами проводится исследователем на основе рядов признаков, в которые входят оценочность, дидактичность, соотносимость с понятием или суждением (побудительной структурой), устойчивость, анонимность, воспроизводимость, наличие переносного значения по сравнению с деривационной базой и т.д. [Савенкова 2002: 149-153]. Проводя

разграничение между пословицами и другими типами устойчивых единиц, Л.Б. Савенкова отмечает, что пословицы отличаются от афоризмов и крылатых фраз анонимностью и традиционностью, в то время как последние два термина характеризуются индивидуальным авторством [Савенкова 1997: 36].

Рассматривая два главных признака обобщенного значения пословицы, З.К. Тарланов выделяет: 1) отсутствие в предложении конкретного лица, осуществляющего действие, при наличии самого действия и 2) отсутствие в пословице указания на конкретное время действие. «Эти особенности являются следствием синтаксических свойств пословиц, которые строятся по определенным синтаксическим моделям с использованием лексики, не конкретизирующей время и лицо, а, наоборот, позволяющей строить высказывания *обо всех* и *всегда*» [Тарланов 1999: 44]. Употребляющиеся в пословичных текстах личные имена не только не называют конкретных людей, а используются в основном для рифмы или потому, что имеют большую распространенность в народе. Например, *С именем – Иван, а без имени – болван; Хорошо Маша, да не наша; Каждая Аленка хвалит свою буренку; Иван Марье обычный друг*.

По мнению Л.Б. Савенковой семантический критерий является главным при разделении: если пословица или хотя бы часть её элементов наделена переносным значением, то поговорок не испытывается семантического сдвига по сравнению с деривационной базой и отличается от неё только уровнем обобщения информации [Савенкова 2004: 86-87].

Пословицы часто включают в понятие «фразеология», но с некоторыми оговорками. Это фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своем значении идею всеобщности (т.е. распространяемые на многие случаи, ситуации), семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью [Баранов, Добровольский 2008: 69]. Поучительность пословицы нередко

признается ее основной характеристикой, хотя формально она не всегда выражена.

Хотя достаточно длительную традицию, вопросы, связанные с «лексикографической разработкой ПЕ, с разграничением ситуативных и контекстуальных выражении, с включением в семантизацию пословицы различных элементов значения – функционально-стилистической информации, ситуативных характеристик и т.д., с разграничением пословиц, поговорок и пословично-поговорочных, выражений», по-прежнему дискутируются, и во многих существующих сборниках пословицы и поговорки представлены вместе, что объясняется близостью этих понятий [Селиверстова 2009: 30].

Как мы показали выше, собиратели и исследователи всегда пытались провести грань между пословицей и поговоркой, но в науке о языке пока еще не сложилось общепринятого взгляда на пословицы и поговорки.

Некоторые учёные считают, что поговорка по своему семантическому содержанию близка к пословице. Как отмечает В.И. Даль, хотя признавая грань между пословицей, пословичным изречением и поговоркой, ученый тоже считается «поговорка в результате незначительной трансформации становится в контексте пословицей» [Цит. по Селиверстовой 2009: 25].

Х. Касареса тоже использует термины **пословица** и **поговорка** как «синонимичные, взаимозаменяемые и определяет пословицу как независимое и законченное фразовое построение, которое в прямом аллегорическом смысле выражает некое наставление, поучение, результат опыта» [Касарес 1958: 206].

Пословица не относится «ни к какому конкретному событию и с самого начала несет на себе отпечаток намеренной и искусственной обработки, тогда как провербиальное сочетание представляет собой спонтанное высказывание, которое берет свое начало от единственного в своем роде конкретного события в прошлом, имевшего место или вымышленного, и лишь впоследствии получающего обобщающую функцию в результате

употребления последующими поколениями» [Там же: 208]. В основу разграничения двух классов единиц, имеющих структуру предложения, положен этимологический принцип, но не всегда представляется возможным выяснить точно этимологию той или иной потенциальной пословицы (потенциального провербиального сочетания). Сам Х. Касарес отмечает, что граница между этими классами единиц спорная и неточная [Там же: 211].

На самом деле, значительное количество пословиц и поговорок занимает промежуточное положение между выделенными разрядами, это пословично-поговорочные выражения, совмещающие признаки обоих типов паремий. Эти выражения характеризуются тем, что часть слов в их составе сближается или совпадает со словами свободного употребления, а другая часть (нередко реальные или потенциальные фразеологизмы) имеет фигуральное, переносное значение [Жуков 2000: 12].

Е.С. Селиверстова отмечает, что «производимое выявление вариантов паремий позволяет выстроить порой ряд единиц, среди которых одинаковым значением будут обладать выражения, попадающие на основании приведенных выше критериев в разные разряды – разряды образных ПЕ и безобразных. Раздельное их рассмотрение в рамках данной работы представляется неоправданным, поскольку это лишило бы синонимический рад пословиц многих составляющих и, с другой стороны, обеднило бы общую картину выражения одной и той же идеи разными способами» [Селиверстова 2009: 31].

Исследователь тоже приводит три аргумента в пользу не самого строгого отношения к пословицам. «Во-первых, сам факт выделения пословично-поговорочных выражений есть показатель трудности строгого разграничения тех и других. Это подтверждается и включением ряда поговорок в словари пословиц и не только в словарь В.И. Даля. Во-вторых, дидактичность способная служить критерием разграничения пословиц и поговорок, относительна: единицы, лишенные эксплицитно выраженной

дидактичности, могут при определенных условиях служить назиданием. В-третьих, пословицы в контексте часто приобретают вид поговорок и указывают на определенную модель поведения. Многие черты и свойства паремиологического пространства распространяются н только на классические образные пословицы, но и на иные типы единиц» [Там же].

Таким образом, разница между пословицей и поговоркой – это очень сложный вопрос, можно сделать вывод о том, что в российском языкознании по этому поводу в настоящий момент нет единого мнения. В своем исследовании мы будем придерживаться точки зрения В.П. Жуков. И в настоящей работе анализу подлежат пословицы и поговорки – различные в отношении степени обобщенности, но представляющие собой с точки зрения структуры одно предложение, простое или сложное, и выражающие суждение. Термины паремия с одной стороны, и пословица и поговорка, с другой стороны, используются нами как синонимы.

В работе мы также будем использовать общий термин «паремия». Паремии представляют собой «особые единицы и знаки языка, необходимые элементы общения людей. Эти знаки передают специфическую информацию, обозначают типичные жизненные и мысленные ситуации или отношения между теми или другими объектами» [Пермяков 1988: 79]. Как отмечает Н.И. Ефремова, «комплекс паремий представляет собой макротекст, в котором запечатлены житейский и социально-исторический опыт языкового коллектива» [Ефремова 2005: 15].

Паремия (от греч. paroimia – мудрое изречение, сентенция, пословица, поговорка), по утверждению Л.Б. Савенковой, выступает в виде родового термина для понятий «пословица» и «поговорка» и может быть определена как устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение, пригодное для употребления в дидактических целях [Савенкова 2002: 173].

По мнению Г.Л. Пермякова, «паремии обладают тремя четко выраженными в известной мере автономными структурными планами –

планом лингвистической (и композиционной) структуры, планом логической (и семиотической) структуры и планом реалий» [Пермяков 1988: 84].

Проанализировав все точки зрения, мы остановились на определении, которое подчеркивает принадлежность пословиц к фразеологии и понимает их как «фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своём значении идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [Баранов, Добровольский 2008: 69].

В последние годы активнейшим образом идёт изучение пословиц в лингвокультурологическом аспекте. Это лингвокультурологические исследования В.Н. Телия, Е.И. Зиновьевой, Ю.В. Рождественского, В.А. Масловой, В.В. Воробьева, учёных волгоградской, воронежской, петербуржской, тульской, ростовской и других лингвистических школ.

В настоящее время в рамках лингвокультурологии многие исследователи обращаются к изучению концептов на паремиологическом материале. Как уже было отмечено, пословичная картина мира является фрагментом языковой картины мира, в целом связанным с той частью национальной концептосферы, которая представляет базовые культурные ценности [Алефиренко, Семененко 2009: 312]. На материале паремий исследованы, например, такие концепты, как здоровье [Е.Д. Аксенова 2007], *борода* [В.А. Савченко 2008], *грех* [Н.О. Козина 2003], *чудо* [Е.М. Абышева 2008], *труд и лень* [Е.В. Маркелова 2004], правда и рожь [Пи Дзанькунь 2014] и др.

Как справедливо отмечает О.Г. Дубровская, пословицы следует считать лингвокультурологическими единицами, т.е. единицами, во внутренней форме которых (или образном основании) отражено мировоззрение того или иного лингвокультурного сообщества. Миропонимание, запечатленное в образном основании (термин В.Н. Телия) пословиц, доносит до современников те коллективные представления, которые складывались в

процессах культурного освоения мира тем или иным этносом. Именно система образов, закрепленных в пословицах, служит «нишей» для кумуляции культурно-национального опыта описываемых лингвокультурных обществ [Дубровская 2000: 34].

Существует уже достаточно много работ, посвященных изучению паремий русского языка в лингвокультурологическом аспекте на фоне других языков (английского: Н.Л. Гоголицына (1979), Д.И. Квеселевич (2001), арабского: Амна Ахмед Абдалла (1998), вьетнамского: Нгуен Тхань Ханг(1999), индонезийского: Ани Рахмат (2013), немецкого: Ю.А. Долгополов (1973), персидского: Мирейла Ахмади (1999), французского: В.Г. Гак (1977), А.Г. Назарян (1987) и др .

Лингвокультурологическому изучению русских фразеологизмов и паремий на фоне китайского языка также посвящен целый ряд исследований (Бао Хун 2003; Пи Дзянькунь 2014; Юй Фэнин 2016; Юань Лиин 2016, Лю Юнхун 2002 и др.). В связи с задачами нашей работы остановимся на этих исследованиях подробнее.

Пи Дзянькунь в своей работе «Оппозиция *правда – ложь* в паремиологическом пространстве русского языка (лингвокультурологический аспект)» приходит к выводу, что основные культурные установки русской и китайской лингвокультур совпадают, например: *Правда – одна из самых важных человеческих ценностей*. Некоторые из них являются двойственными в обеих лингвокультурах, например: *Правда одна для всех*. Но в тоже время: *Правда у каждого своя*. Б**о**льшая часть установок русской лингвокультуры является лакунарной в отношении китайского языка, например: *Неправда вечна*, ряд установок, вербализованных паремиями китайского языка, отсутствует в русском языке, например: *Жить во лжи невозможно* [Пи Дзянькунь 2014: 127].

Различия наблюдаются в используемых образах русских и китайских паремий, пословичных биномах и концептах, ассоциативно связанных с правдой и ложью в русской и китайской языковых картинах мира [Там же].

Паремии китайского языка более категоричны. В тех случаях, где установки в русской лингвокультуре двойственны, смысл китайских паремий однозначен. Например, русские паремии выражают идею о том, что *Правда сильнее денег*, но одновременно допускают, что *Деньги могут оказаться сильнее*, в то время как в китайской лингвокультуре установка однозначна: *Правда неподкупна*. По данным русских паремий, с одной стороны, *Правда не требует заступника*, но, с другой стороны, *За правду нужно бороться*. Китайская паремия говорит о том, что *Правду нужно защищать* [Там же].

Модель словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря русских паремий базируется на результатах проведенного лингвокультурологического анализа [Там же].

Культуры России и Китая развивались разными путями, но, тем не менее, в них можно найти и нечто общее. Так, Юань Лиин замечает, что почти половина выявленных установок культуры совпадает, что говорит о значительном сходстве общих взглядов на культуру поведения человека в обществе [Юань Лиин 2016: 170].

При совпадении в двух культурах отдельных установок они могут быть переданы по-разному – в одном прямо, а в другом языке образно: кит. *Вступая в чужую страну, соблюдай её обычай* и рус. *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*; рус. *Людей не осуждай, а за собой примечай* и кит. *Взвали линейку на спину, сначала измерь себя, а потом других* [Там же].

Особенности китайского мировидения проявляются в таких установках, как «снисхождение к себе должно быть меньше, чем к другим», «следует принижать себя и возвышать другого», «уважать всех стариков, а не только своих», «первое и лучшее угощение гостю – даже если хозяину не хватает еды», «принимать любого гостя, даже если гость – враг хозяина» – все это отражает «дух “свечи”» китайцев («жертвуя собой, освещать других»), а также показывает их смиренное душевное состояние. Живя в условиях коллективной культуры, китайцы рассматривают коллектив как высшую

ценность, ведут себя так, чтобы быть полезными другим, чтобы небо, земля и человек были в гармонии [Там же].

Работа Юй Фэнин посвящена выявлению национально-культурных особенностей устойчивых сравнений русского языка, характеризующих лицо человека, на фоне китайских сравнений.

Национально-культурные особенности сравнений русского языка на фоне китайского заключаются в различной расстановке семантических акцентов, наличии/отсутствии и количественном преобладании того или иного разряда единиц (есть в русском – нет в китайском; большая группа единиц, характеризующих один признак, в русском языке и несколько единиц в китайском – и наоборот; иные значения УС при одинаковом с китайским аналогом компонентном составе, иные признаки сравнения при совпадающих эталонах и т.д.) [Юй Фэнин 2016: 172].

Что касается сопоставительного изучения русских и китайских паремий, характеризующих внешности человека, то подобных исследований нам не встретилось.

Хотя существует много работ, в этой области, пока остается много нерешенных вопросов, иногда недостаточно аргументированных и достоверных выводов. Данная ситуация обусловлена тем, что не разработаны единые основы лингвокультурологического подхода к анализу паремиологических единиц. По мнению Е.И. Зиновьевой, основными теоретическими вопросами при анализе паремий в лингвокультурологическом аспекте являются: «критерии отбора и минимизации единиц, место паремий в когнитивной базе носителей русского языка, правомерность выводов о национальной ментальности на основании анализа пословиц и поговорок, соотношение универсальных и национальных ментальных установок культуры, вербализуемых паремиями, амбивалентность оценок, выражаемых в пословичном фонде языка, стабильность и вариативность паремий в современной русской речи,

средства выражения образности – пословичные биномы, метафоризация компонентов, их персонификация» [Зиновьева 2016: 47-48].

Одни и те же установки культуры могут быть выражены различно в количественном отношении в двух языках, в этом случае необходимо при выводах о национальной специфике учитывать номинативную плотность материала» [Там же]

### 1.3.2. Оппозиции в составе паремий. Понятие пословичный бином

Паремиологическое пространство языка является «системой пословиц и поговорок, связанных парадигматическими (синонимическими, квазисинонимическими, антонимическими отношениями, отношениями омонимии), структурно-семантическими, ассоциативными отношениями, отношениями предметной близости и вербально-культурными кодами. Но в паремиологическое пространство языка входят не только паремии, но и пословичные биномы, лексический «реквизит», пословичные мотивы» [Зиновьева 2016: 47].

Под оппозицией принято понимать объединение двух различных объектов, единство оппозитивных членов всегда формируется при помощи понятия, имплицитно содержащего оба противочлена и разлагающегося на эксплицитную оппозицию, когда они относятся к конкретной действительности [Новиков 1982: 136].

«Ощущение того, что паремию можно расщепить на некоторые составляющие, заставляет исследователей искать разные подходы к решению этой проблемы. Один из подходов – это анализ принципов увязывания в пословице слов-компонентов, что является важной ее характеристикой» [Селиверстова 2009: 197]. Так, Е.В. Иванова выделяет в паремиях «отрезки смысла, которые имеют значение не только для описания одной пословицы или группы пословиц, но и для реконструкции фрагментов и всей пословичной картины в целом» [Иванова 2002: 56]. Паремия «близка к

структурирующим человеческую память пропозициям, представляющим собой особые пучки ассоциаций, связывающих элементарные представления или концепты. Однако, паремиологические единицы (ПЕ) как пропозиция, допускают выделение в своей структуре двух и более концептов и связывающего их звена, обладают и своими особенностями» [Селиверстова 2009: 197] (см. в нашем материале: *Красота – ум*, *красота – добро*).

Наблюдения за ПЕ, входящими в определенные ассоциативно-вербальные блоки, составляющие которого группируются вокруг одного компонента, позволяют увидеть некоторые особенности организации и функционирования паремиологического пространства, его константы. Одной из таких констант является, по мнению Е.И. Селиверстовой, паремийный бином – «пара компонентов, переходящих из ПЕ в ПЕ» [Селиверстова 2009: 67].

Подобные пары или сочетание компонентов ПЕ ученые называют биномами. Бином – «это устойчивый фрагмент пословичного текста, повторяющийся в различных пословицах, состоящий из двух контактно или дистантно расположенных элементов, обнаруживающих между собой устойчивые семантические (ассоциативные или иные) связи (иногда усиленные рифмо-ритмическим оформлением) и участвующие в создании образно-семантической (в случае безобразных паремий – семантической) структуры ПЕ. В зависимости от пословицы бином допускает неоднозначную трактовку, но переосмысление при этом касается обязательно обоих компонентов» [Селиверстова 2009: 196].

По мнению Е.И. Селиверстовой, бинарная оппозиция «лежит в основе многих ПЕ, поскольку представляет собой универсальный способ отражения окружающего мира. С другой стороны, паремийная оппозитивность – это один из наиболее ярких пословичных маркеров» [Селиверстова 2009: 67].

Использование семантического сходства и различия, сравнения и / или противопоставления А. Дандис считает характерным свойством паремий.

Уделяя особое внимание пословицам с оппозитивной структурой, исследователь отмечает, что «в изречениях этого структурного типа можно встретить самые различные формы пословичных противопоставлений», которые понимаются им широко [Дандис 1978: 24-25]. Проиллюстрируем это положение собственным исследовательским материалом: *Лицом хорош, да душою непригож*; *Красота – до вечера, а доброта – навек; Личиком белёнек, да умом простёнек.* Очевидно, что сопоставление касается пар семантически спаянных компонентов *Красота – душа, красота – доброта, лицо – ум.*

Г.Ф. Благова отметил, что ассоциативно связанные пары слов (*красота – уродство, локоть – ноготь, глупый – умный и т.д.*), принадлежащие разным лексико-тематическим разрядам и используемые в разных ПЕ, имеют эстетическую значимость, художественно-выразительный потенциал и участвуют в формировании образной системы русских пословиц [Благова 2000: 122-125].

Наблюдаемые в паремиопространстве частотные лексические пары составляют важный элемент пословичной структуры. Они сравнительно регулярно используются в составе разных ПЕ и имеют несколько признаков.

(1) Компоненты ПЕ, составляющие многочисленные биномы, могут быть связаны отношениями разного типа. В биномах отразились различные ассоциативные представления, формируемые повседневной бытовой жизнью. Биномы фиксируют связь вещей, соседствующих в пространстве, связанных функционально, используемых в одной сфере жизни. Таким образом, весьма частотны биномы, части которых состоят вне ПЕ в отношениях тематической общности. Компоненты каждой пары находятся в одном семантическом поле или относятся к одной тематической группе [Е.И. Селиверстова 2009: 67].

(2) Антонимы – характерный знак эстетического в паремиях, а контраст относится к регулярным семантическим отношениям, релевантным для пословиц. Самые яркие биномы составляют пары компонентов – словарных антонимов [Е.И. Селиверстова 2009: 68] – таких как в нашем *материале*

*красивый – кривой, черный – белый, прямой – кривой* и др., которые в ПЕ встречаются регулярно.

Л.А. Новиков также подчеркивает, что оппозицию в ПЕ часто составляют слова, не являющиеся антонимами, но характеризуемые термином «прагматические антонимы» – так называют особого рода противопоставление слов, выражаемое не чисто семантически, а путем частого употребления в речи, «приравниваемого к противоположности», например: *душа – тело*, *ум – красота* и др. [Новиков 1982: 16].

(3) Одни компоненты используются в биноме, не меняют своего прямого языкового значения. Другие, наоборот, переосмысливаются и демонстрируют более одной версии семантических отношений [Селиверстова 2009: 68]. Так, бином *ворота – прикалиток* выступает в ПЕ как носитель семантики ‘много’ – ‘мало’ (*Борода что ворота, а ума с прикалиток*).

(4) Характерным для паремиопространства является «проигрывание» типовых отношений на разном лексическом материале. Частотны биномы, основанные на семантике противопоставления по полу: *У богатого и по бороде масло течет. Коса – девичья краса. Худая жена – лишняя сухота. Худая жена – лишняя сухота* [Фролова 2007: 31-46].

(5) Компоненты ПЕ обычно образуют несколько биномов. Голова при этом ассоциируется и с физическим, и с духовным в человеке [Селиверстова 2009: 68]. Например, *Не всяк голова, у кого борода; Голова, что чан, а ума ни на капустный кочан.*

Универсальность основного поэтического принципа пословичного жанра – контраста – объясняется бинарным способом познания мира человеком. Сопоставление ПЕ, близких по значению и способу его выражения, позволяет увидеть элемент, называемый Е.И. Селиверстовой «паремийным конденсатом» [Селиверстова 2009: 68]. Таким образом, биномы играют очень важную роль при создании образности паремии.

Пословичные биномы в составе паремий, вербализующих оппозицию красота – уродство, будут рассматриваться нами во второй главе диссертационного исследования.

### 1.3.3. Изучение внешности человека в лингвистической литературе

Внешность человека стала предметом лингвистического описания и анализа в работах многих лингвистов (В.С. Барахов 1985, Н.Н. Кузнецова 1997, О.В. Коротун 2002, Н.И. Ли 2012, Л.Я. Мачковская 2009, Н.А. Николина 2003, М.Р. Натх 1985, С.В. Овчинникова 2001, Г.А. Путягин 1975, Г.В. Старикова 1985, К.Л. Сизова 1995, Т.Г. Симонова 2002, М.Г. Уртминцева 2005, Т.Н. Федотова 1999, Чжан Хун 2008, А.А. Мильбрет 2014, А.С. Алёшин 2012, Г.В. Токарев 2013, О.В. Коротун 2002, Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова 2007, Юй Фэнин 2016). Лексика, описывающая внешний облик человека являлась объектом лингвистического изучения в рамках различных подходов: лингво-когнитивного; функционально-семантического; системного, что проявляется в разных способах группировки лексики; в рамках концептологического подхода и др. Рассмотрим кратко некоторые из работ.

В работе А.А. Мильбрет проведено лингвокультурологическое исследование лексем, составляющих интересующее нас ЛСП, выявлены особенностей их семантики и функционирования в рамках русской языковой картины мира. В работе выявлены имплицитные смыслы единиц лексико-семантического поля *привлекательности/непривлекательности внешнего облика человека*, обусловленные культурой носителей русского языка и актуализирующихся в современных текстах и языковом сознании русских людей, а также разработана модель словарной статьи по теме работы для лингвокультурологического словаря. Для определения стереотипных представлений о внешности в наивном языковом сознании носителей русского языка автором проводятся ассоциативный и когнитивный

эксперименты. Как отмечает А.А. Мильбрет, «Проведенное исследование позволило выделить как общий …, так и специфический набор параметров для описания внешности человека, на основе которых внешность может оцениваться как привлекательная или непривлекательная. В результате исследования был сделан вывод о том, что конкретизация внешности человека, номинируемая единицами с положительной оценкой, более развёрнута и вариативна, чем при употреблении единиц с отрицательной оценкой, так как говорящий склонен конкретизировать эстетически привлекательную внешность» [Мильбрет 2014: 4-22].

О.В. Коротун приходит к выводу о том, что языковой образ-концепт *внешний человек* рассматривается лингвистами как совокупность разных параметров, которые отображаются в большем или меньшем числе семантических групп, объединяющих словарные репрезентации (специальные номинации, простые и составные) данного языкового образа-концепта в ЯКМ. Например, понятийное поле *внешность человека* связано с понятийными полями *человеческое тело*, *поведение*, *одежда*, *обувь*, *ощущения*, *состояние организма*, *физические состояния человека* и включает лексику разной частеречной принадлежности и фразеологизмы [Коротун 2002: 38].

В работе А.С. Алёшина уделяется внимание рассмотрению внешности человека на фоне шведского языка. В качестве объекта изучения выбраны устойчивые сравнения, характеризующие человека, в русском и шведском языках. В ходе лингвокультурологического анализа выявляются национально-культурные особенности русских и шведских устойчивых сравнений, характеризующих человека. В данной работе впервые предлагается научно обоснованная методология подобного анализа [Алёшин 2012: 84].

Г.В. Токарева исследовал специфику кодирования стереотипных представлений о человеке в русской лингвокультуре. Согласно ее точке зрения, «образ человека – один из самых продуктивных образов при

формировании квазиэталонов русского языка». Исследователь устанавливает несколько культурных кодов, основанных на стереотипных представлениях о человеке – антропоморфный, биоморфный и др. Практически все эти культурные коды оказались, согласно наблюдениям Г.В. Токаревым, продуктивными в русской ЯКМ. Так, средствами реализации антропоморфного культурного кода применительно к стереотипным представлениям русских о человеке выступают многочисленные соматизмы (например, голова, рот), наименования родственников (например, отец, мать) и национальностей [Токарев 2013].

О важной роли портретного описания человека свидетельствует и тот факт, что тема *Внешность человека* является неотъемлемым компонентом программ практического русского языка для иностранных учащихся. Наиболее многочисленны лексемы, традиционно относимые в практике преподавания русского языка как иностранного к ключевой разговорной теме «Человек. Портрет». Например, разговорная тема «Внешность человека» включается в содержание следующих пособий: «Как спросить? Как сказать?» [Бондарь 2014: 211-219], «Читаем и говорим по-русски» [Хавронина, Крылова 2007: 96-78], «Давайте говорить по-русски» [Глазунова 2003: 142-174] и некоторые другие.

Например, в учебном пособии «Читаем и говорим по-русски» содержится речевая тема «Портрет, описание человека». Урок по данной теме включает в себя семантизацию лексики, лексические комментарии, а также конструкции, которые служат для употребления данных лексических единиц (*У кого какие глаза, волосы* … и под.). Далее следуют лексико-грамматические упражнения, направленные на отработку изученной лексики и конструкций. Для закрепления лексико-грамматического материала используются тексты, связанные с темой урока. Тексты имеют ярко выраженную страноведческую направленность, например: «Портрет Белинского», «Портрет Льва Николаевича Толстого».

В настоящее время можно назвать не так много исследований паремий, характеризующих внешность человека, лингвокультурологического плана. Наше внимание в данной работе будет сосредоточено на описании внешности человека с точки зрения символов и стереотипов в восприятия внешности человека в двух лингвокультурах. Таких работ нам обнаружить не удалось.

В соответствии с поставленными нами задачами, во второй главе работы мы обратимся к характеристике материала – с указанием его источников и разноаспектному анализу исследуемых единиц.

## 1.4. Изучение пословиц в китайской лингвистике

История китайских пословиц и поговорок насчитывает несколько тысячелетий. Они как устойчивые единицы языка имеют некоторые особенности, отличающие их от русских паремий.

Одним из наиболее полных словарей пословиц считается словарь «Древние народные песни и речения», составленный в эпоху Цин Ду Вэньланем [Ду Венлан 2008]. В этот словарь вошли народные речения, встречавшиеся в старых литературных источниках с древности до эпохи Мин.

Следовательно, с одной стороны, источником происхождения пословиц и поговорок в первую очередь можно назвать «живую разговорную речь, жизненные наблюдения людей, их опыт и знания», как в русском языке. С другой стороны, зачастую пословицы и поговорки проходят из произведений литературы и китайской классической философии. [Так говорят китайцы 2007: 88].

В китайском языке существенным ресурсом для пополнения корпуса паремий являются крылатые слова со структурой предложения. «Крылатые слова в китайском языке часто включаются в словари на правах пословиц и поговорок, поскольку они также представляют собой завершенное грамматическое суждение, для них также характерна краткость и отточенность формы, зачастую они, как и пословицы, имеют поучительный, дидактический характер» [Там же 2007: 90]. Причем причиной включения в этот состав является забвение источника происхождения единицы, так же, как и в русском языке: «многие пословицы первоначально входили в состав древних притч, представляя собой лаконичное, емкое, меткое, имеющее назидательный характер обобщение содержания изложенного. В этом они похожи на чэнъюй (фразеологизмы), источниками которых также часто служили притчи и легенды. Кроме того, пословицы такого происхождения часто сами становились источником рождения чэнъюй» [Там же 2007: 90].

В Толковом словаре китайского языка «Синьхуа» приводится такая трактовка: «Пословица – устойчивое выражение, распространённое в обществе, отражает какой-либо опыт и истину с помощью простого и общепонятного выражения» [ТСКЯ 1998: 652].

Го Шаоюй в своей работе 谚语研究 (Исследование пословиц) определяет пословицу как «результат практического опыта человечества, который получил эстетическое словесное выражение и широко употребляется в бытовых разговорах» [Го Шаоюй 1921].

Чжу Цзефань считает, что пословица представляет собой «распространенное выражение местных условий и нравов, суждение,

выражающее представление об общественной справедливости. В пословицах закрепляется опыт и ум народа. Пословицы просты, поучительны и доступны для широкой публики» [Чжу Цзефань 1964].

Один из известных китайских лингвистов, изучавший пословицу, У Чжанькунь тоже делает попытку дать наиболее точное определение пословицы. Он считает, что «пословицы являются общепонятными, простыми, живыми, ритмичными выражениями или короткими фразами, которые широко распространены среди народа и употребляются им в устной форме. Это язык, который выражает практическую житейскую мудрость народа» [У Чжань Кунь, Мо Гофань 1980]. В другой своей монографии 中华谚谣研究 (Исследование китайских пословиц и народных песен) У Чжанькунь рассматривает этот вопрос более подробно. Пословица представляет собой цветок народного языкового искусства, является продуктом народного ума, скреплённым его разнообразным практическим опытом. Пословица обычно широко распространена в устной форме и употребляется народом в течение длительного времени. Основное назначение пословицы состоит в передаче знаний и разъяснении истины. Такие языковые единицы общеизвестны, просты и устойчивы [У Чжанькунь 2000].

Следовательно, кроме общих с русскими пословицами признаков пословицы – обобщённости, образности, анонимности, воспроизводимости, назидательности, кумулятивной функции, т.е. способности хранить знания и опыт, – в признаки китайской пословицы входит также общепонятность.

В китайской традиции исследования устойчивых выражений, пословицу (янь 谚) и поговорку (су 俗) рассматривают как одно понятие, часто не разграничивая их. Во многих классических учебниках их объединяют в один термин – поговорка-пословица (俗谚 су-янь). Несмотря на многочисленные научные исследования, посвящённые разностороннему исследованию этих единиц, статус пословицы и поговорки до сих пор не получил у китайских

ученых чёткого определения. Соотношения пословиц и поговорок позволяет выделить следующие позиции.

1. Термины пословица и поговорка используются в качестве синонимов. Люй Шусян (吕叔湘) в предисловии к «Большому словарю китайских поговорок» написал о поговорках: это – обширный класс выражений, а классическими поговорками являются именно пословицы [Люй Шусян 1987].

2. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что между пословицами и поговорками имеются существенные различия.

В работах известного китайского фразеолога У Чжанкунь подробно рассматриваются существенные дифференциальные признаки пословиц, выявленные при сравнении этих двух типов устойчивых единиц. Он считает, что отношение между ними такое же, как отношение целого и части. Пословица является одной из составляющих частей поговорки, т.е. все пословицы обязательно относятся к поговоркам, но не все поговорки являются пословицами. Главное отличие между пословицей и поговоркой состоит, по мнению ученого, в двух аспектах: в семантическом содержании и в прагматической функции. По мнению исследователя, пословицы употребляются для того, чтобы передать народу знания, разъяснить истину, в силу чего они имеют поучительный характер. Назначение поговорки – это описать, изложить что-либо выразительно и красиво. Поговорка, как правило, служит для характеристики лица, действия, обстоятельств и т.д. [У Чжанькунь 2000]

Известный китайский фразеолог Вэнь Дуаньчжэн относит к категории «суюй» три разновидности народных речений, а именно: 1) пословицы – речения, представляющие собой суждения, имеющие поучительный характер, относящиеся к выразительным средствам языка; 2) «привычные выражения» – устойчивые фразеологические сочетания, представляющие собой изобразительные средства языка; 3) недоговорки – иносказательные речения, состоящие из двух частей: иносказания и его раскрытия, изобразительно-выразительные средства языка [Вэнь Дуаньчжэн 2011]. В

работе «Поговорка» (俗语)» исследователей Мо Гофань (马国凡) и Мо Шуцзюнь (马淑骏) в понятие «поговорка» включают не только пословицы, но и крылатые слова и выражения, недомолвки (недосказанные выражения), устные фразеологизмы и т.п. [Мо Гофань, Мо Шуцзюнь 1998].

Уэнь Дуанчжэн предлагает рассматривать термин «Яньюй» в широком и узком смысле. Под «яньюй» в широком смысле подразумеваются все речения, создаваемые народом, имеющие просторечный, разговорный характер, отличающиеся устойчивостью структуры и лаконичностью. Эти особенности отличают народные речения из песен [Уэнь Дуаньчжэн 2011].

Под «яньюй» в узком смысле понимаются собственно пословицы и поговорки, которые отличаются от других народных речений, в частности, недоговорок иносказаний и «привычных выражений», в структурном отношении и по содержанию. Причем главным отличием является содержательное, а именно поучительный, дидактический характер пословиц [Там же].

Таким образом, понятия «пословица» и «поговорка» не разграничиваются в китайской традиции. Мы также будем рассматривать эти два вида народных речений вместе, используя для их обозначения китайских термин *яньюй* (谚语).

Пословицы и поговорки играют особую роль в сохранении духовной и интеллектуальной культуры этноса, поскольку особенно четко и образно отражают те области человеческого бытия и сознания, которые связаны с осознанием человеком собственной сущности, закономерностей человеческого бытия, а так же с восприятием законов социума и осмыслением его традиций. Нас в наибольшей степени интересует способность пословицы отражать особенности человеческой сущности (самопознание и познание других людей), т.к. внешность играет важную роль в формировании, как самооценки человека, так и в восприятии им других членов социума.

# ВЫВОДЫ

Анализ научной литературы помог нам определиться со следующими понятиями: что такое лингвокультурология, её отличие от других наук, таких как лингвострановедение, этнография и когнитивная лингвистика.

Языковая картина мира является важнейшим понятием лингвокультурологии. Языковая картина мира (ЯКМ) интересует лингвокультурологов в первую очередь как «типичная для обыденного

сознания определенного коллектива схема восприятия действительности, зафиксированная в языке» [Яковлева 1996: 47].

Коды культуры пронизывают всю языковую картину мира, составляют её главную понятийную составляющую. В современной лингвистике выделяется целый ряд кодов культуры (В. Красных): телесный, природный, растительный, соматический, зооморфный, всего их насчитывают уже более 40. Ученые выделяют базовые коды культуры, к которым относятся: соматический, природный, предметный. Коды культуры задают определённую систему, которая содержит и создаёт эталоны и стереотипы культуры.

Коды культуры воспринимаются как понятийная и методологическая основа лингвокультурологии.

Элементы кода выступают как классификаторы относительно друг друга, за ними закреплена определённая символическая культурная отнесённость. Каждая национальная культура содержит специфический набор языковых символов, образов, стереотипов, которые могут быть раскрыты путём интерпретации языковых единиц, в нашем случае – паремий.

Особая роль в изучении языковой картины мира принадлежит фразеологическому составу языка, к которому относятся и паремии. Паремиологическая картина мира понимается как отдельный фрагмент языковой картины мира, в котором отражены социальные и культурные характеристики жизни народа. Фразеологический пласт языка отражает многовековой процесс культурного развития и фиксирует опыт многих поколений, включающий культурные установки, стереотипы, эталоны и символы.

Хотя основной пласт паремий сложился в основном к 12-14 векам, но, если носитель языка сегодня понимает пословицу, то это значит, что сохраняется культурная установка, зафиксированная в пословице, сохраняется оценка, которая является средством выражения аксиологической ценности, например: *Красота без разума пуста; Красота без ума – что*

*кошелёк без денег; Ворона в павлиньих перьях; У бабы волос долог, да ум короток.*

У термина *пословица* имеется сегодня множество определений. В данной работе пословицы понимаются как «фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своём значении идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [Баранов, Добровольский 2008: 69]; как «краткие, нередко ритмизованные изречения, представляющие собой законченные предложения и выражающие определенные умозаключения» [Мокиенко 1975: 18].

И в настоящей работе анализу подлежат пословицы и поговорки. Различие в отношении степени обобщенности пословиц и поговорок существенного влияния на выявление культурной коннотации паремий влияния не имеют, поэтому в своей работе мы используем термин паремия (т.е. пословица+поговорка).

Наблюдаемые в паремиопространстве частотные лексические пары составляют важный элемент пословичной структуры. Биномы играют очень важную роль при создании образности паремии и в лингвокультурологическом описании этих единиц.

Лингвокультурологический анализ является основным инструментом лингвокультуролога. Это главный способ описания языковых единиц с целью извлечения культурной коннотации.

На основе анализа различных точек зрения мы выработали свой алгоритм описания паремиологического материала по теме: «Внешность человека в русской паремиологической картине мира», на наш взгляд лингвокультурологический комментарий должен состоять 12-ти обязательных компонентов: исследование этимологии ключевого слова; анализ лексикографических источников; выведение дополнительных концептуальных признаков слова; определение лингвистического статуса анализируемых единиц двух языков; идеографическая классификация

объектов сравнения двух языков; выявление значимых лингвокультурологических лакун; демонстрация «номинативной наполненности» отдельных идеографических разрядов; выявление образа, лежащего в основе единицы; выявление и описание стереотипов и символов, репрезентируемых паремией; соотношение с кодами культуры путём интерпретации пословицы через ключевое слово единицы: зооним, орнитоним, соматизм; сопоставление русских паремий с их возможными аналогами в китайском языке (при наличии таковых); определение аксиологического вектора паремии (определение аксиологической ценности предмета паремии).

# ГЛАВА II. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

## 2.1. Принципы отбора, общий состав и характеристика материала

Слово *внешность* ни в русских, ни в китайских пословицах практически не встречается. Внешность человека на материале паремий описывается через понятия *красота* и *уродство*, через противопоставление понятий красота – ум, красота – доброта, красота – характер, путём включения

антонимичных биномов (пава – ворона, ворона – соколёна, сокол – филин) в состав единиц, путём описания внешности через возраст (молодость – старость), физическое состояние (здоровье – болезнь), путём соотношения внутренней и внешней красоты, которые формируют отношение к внешности человека.

Из словарей выписывались в первую очередь единицы с компонентами *красота, красивый, красавица, красавец*; далее отбирались единицы с компонентами *урод, уродство*; основной корпус единиц для анализа даёт отбор материала по компоненту – соматизму, компоненту – орнитониму, компоненту – фитониму; отбор единиц по значению (красота – ум, красота – доброта, красота – характер).

Всего для работы было отобрано 610 пословиц русского и 465 единиц китайского языка. Эти пословицы верифицировались с помощью опроса и анкетирования. Анкетирование и опрос проводились в три этапа. Первый этап проводился на втором курсе бакалавриата, среди русских и китайских студентов в декабре 2018-го года. Все испытуемые (40 человек) по специальности филологи, в возрасте от 19 до 25 лет. Анкетирование и последующий опрос показали, что в случае незнания самой единицы, информантам была понятна вербализованная пословицей культурная установка.

Для первого этапа эксперимента было отобрано пятьдесят русских и двадцать китайских паремий. Анализ анкет и последующий опрос русских информантов показали, что единиц, которые были бы абсолютно непонятны, в опросных листах нет. Только четыре пословицы были отмечены как хорошо знакомые всем информантам: *Коса – девичья краса*; *Красна птица пением, а человек умением; У бабы волос долог, да ум короток; Коса до пояса, язык до колен.*

Как устаревшие и не совсем понятные квалифицировались пословицы: *Виден сыч по полёту, сова по погляду; За эту бородку давали две новгородки,*

*да третью ладожанку; Борода с ворота (большая), а ума с прикалиток (мало); Бородуля не мужик; Принёс свою бороду на посмешище городу.*

На втором этапе русских студентов просили закончить пословицу. Трудности вызвали такие единицы как: *Видом орёл, а умом … (тетерев, филин); Красота без ума, что…(кошелёк без денег); Своя жена – ворона, а чужая…(соколёна); Борода не в честь, она и у …(козла есть); Борода апостольская, а усок…(дьявольский).*

Ни у кого не вызвали сомнений такие единицы как: *Видом сокол, а голосом – ворона; Коса – девичья краса; У бабы волос долог, а ум короток; Сердце соколье, а смелость воронья; Наряд соколий, а походка воронья.* Не совсем точная замена компонента (не то слово, которое даёт словарь) свидетельствовала, на наш взгляд, скорее об общем понимании значения единицы, чем о её незнании: *Своя жена – ворона, а чужая – пава, орлица (вместо соколёна); Борода апостольская, а усок как у черта (вместо дьявольский).* О непонимании общего значения единицы свидетельствуют такие замены как: *Видом орёл, а умом сокол (вместо тетерев, филин); У бабы волос долог, да язык (вместо ум) короток.*

Что касается китайских студентов, то в графу «понимаю» были включены все 20 пословиц, так как они были отмечены большинством информантов. Абсолютно все понимали следующие единицы: *剑眉星目 У красивого мужчины брови как меч, глаза как звезды; 凤凰靠羽毛，姑娘靠衣裳 Оперение красит птицу феникс, одежда красит девушку; 鹤发童颜 Журавлиные волосы, лицо ребёнка; 身轻如燕 Двигаться очень легко и проворно, как ласточка; 情人眼里出西施 В глазах каждого любящего его возлюбленная кажется такой же красивой, как Си Ши; 身高八尺，犹如柏松 У мужчины рост восемь чи, он как сосна.*

Большие трудности в понимании вызвали такие единицы: *落发除烦恼留髭表丈夫 Постричься в монахи и стать монахом: можно снести огорчение;*

*отпустить бороду – символ мужчины; 脸若银盘,眼似水杏,唇不点而红,眉不画而翠 Лицо как серебряный диск луны, глаза как абрикос, не нужно красить губы, а губы сами красные, не нужно красить брови, а брови чёрные; 龙眉凤目，蜂腰削背 Брови дракона, глаза феникса, талия и спина медоносной пчелы; 黑发如瀑，鬓若堆鸦 Чёрные волосы как водопад, цвет виска как ворона; 翩若惊鸿，婉若游龙 Порхать и ходить как встревоженный гусь и летящий дракон; 男人三十一枝花，女人三十豆腐渣 Тридцатилетний мужчина как цветок, тридцатилетняя женщина как бобовая гуща; 立如芝兰玉树,笑如朗月入怀 Мужчина стоит как гриб долголетия, улыбается, как лунный свет льётся на руки.*

Пятьдесят русских и двадцать китайских паремий были оставлены в списке для дальнейшего лингвокультурологического описания, как единицы, которые понятны (не используются в речи, но понятна их суть) большинству информантов, на том основании, что «*не только живые, но и архаичные паремии, выражая устаревшие знания о мире, способны отражать неизменившиеся черты менталитета народа*» [Иванова 2006: 50].

Второй этап верификации паремий для лингвокультурологического исследования проводился во второй половине 2018 года. Всего в результате анкетирования было опрошено 158 респондентов, ответы неполные или «не по существу» не рассматривались и не анализировались. Всего для определения паремиологического минимума по теме «Внешность человека» было проанализировано 103 анкеты. В опросе приняли участие представители трёх возрастных групп: а) От 18-ти до 30-ти, б) от 31-го до 45-ти, в) от 61-го и старше. По уровню образования респонденты принадлежали к разным группам: были опрошены аспиранты и докторанты гуманитарных и естественных специальностей (более 20 человек); учащиеся магистратуры и специалитета, в основном филологи (около 30 человек); учащиеся бакалавриата филологического факультета (около 30 человек) и учащиеся

средних учебных заведений (около 20). Среди опрошенных оказалось 67 женщин и 36 мужчин.

В результате обработки данных эксперимента по узнаванию пословиц носителями языка получились следующие результаты: 18 пословиц знают и употребляют в речи от 1 до 57 человек; 122 паремии знают или понимают от 1 до 75 человек; 37 единиц были отмечены в анкетах как незнакомые, уровень понимания составил ниже 50%. Из 177 единиц в списке для учебного лингвострановедческого словаря осталось 140 единиц: *В здоровом теле – здоровый дух; Болезнь человека не красит; Будто кровь с молоком; Будто черти на нём горох молотили; Ворона в павлиньих перьях; Вырядился как шут гороховый (как пугало огородное); Горе старит, а радость молодит; Сорок лет – бабий век, сорок пять – баба ягодка опять; Зеркало не виновато, коли рожа кривовата; Коса – девичья краса; Не ищи красоты, ищи доброты; Хоть богата не была, не красой – умом взяла.*

В перечень паремий включались, таким образом, те единицы, которыми носители языка владеют активно («знаю и употребляю») и пассивно («знаю, но не употребляю» и «не знаю, но понимаю»). Графа «не знаю, но понимаю» важна для нас из тех соображений, что культурная установка, которая стоит за данной паремией, понятна современному носителю языка, т.е. позволяет включить в словник те единицы, которые отражают менталитет народа.

Третий этап проводился в течение трёх месяцев путём интернет – анкетирования. В результате анализа для работы было отобрано 103 единицы. Полученные в результате опросов списки были наложены друг на друга и составлен сводный список единиц, которые использовались в работе для анализа. В этот список вошло 115 единиц.

Всего в результате трёх этапов эксперимента для анализа было отобрано 380 единиц русского и 305 – китайского зыка.

Пословицы, отобранные для работы, можно разделить на 25 тематических групп. Каждая группа репрезентирует определённую ментальную установку культуры.

1. Нельзя судить о человеке только по его внешности: *Наружный вид обманчив; По наружности о человеке не суди; Не зри на лица, зри на сердца; Не гляди в лицо, а заглядывай в сердце; Глаза – бирюза, а душа – сажа; Шерсть мышья, да слава рысья; Очи орлиные, а крылья комариные; И толста и пестра, а рыло свиное; Голос соловьиный, да рыло свиное* (12 единиц).

2. Душевные качества важнее красоты: *Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто душою гож; Личиком бел, да душою черн; Молодец красив, да на душу крив; Не зри на лица, зри на сердца; Не суди по красоте, суди по сердцу; Не гляди в лицо, а заглядывай в сердце; Лицом не красив, да сердцем не спесив*; *Лицом хорош, да душою непригож* (15 единиц).

3. Худая женщина некрасива: *Костлява девка – тарань-рыба; Худую взять – стыдно в люди показать; Костлява как тарань; Худая жена – лишняя сухота; Худая жена – кара господня* (6 единиц).

4. Утилитарное отношение к красоте: *С лица воду не пить – умела бы пироги печь; С лица не воду пить – умела бы в семье жить; На красоту нечего уповать; На красоте не блины печь; На красоте не онучи (портянки) сушить; Красоту не лизать, лишь бы жилось хорошо; Не гляди на лицо, а гляди на обычай* (14 единиц).

5. Ум ценится больше красоты: *Краса приглядится, а ум вперёд пригодится; Красота без ума пуста; Красота приглядится, а ум вперёд пригодится; Красота разума не придаст; На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко; На красивую глядеть хорошо, а с умной жить легко; Не гонись за красотой – тянись за разумом; Не краса красит человека, а ум; Не красавицей дом держится, а умницей; С красотой не жить, а разума не купить; С красотой не жить, жить с умом; Хоть богата не была, не красой – умом взяла; Красавица без ума, что кошелёк без денег; Красота завянет, а ум не обманет; Был бы ум, а рожу не лизать стать* (25 единиц).

6. Доброта важнее красоты: *Красота – до вечера, а доброта – навек; Не гляди на красоту, а спрашивай доброту; Не ищи красоты, а ищи доброты; Лицом не красив, да сердцем не спесив* (10 единиц).

7. Хороший, добрый характер важнее красоты: *Личиком скрасила, а нравом подгадила; Лицом красавица, а нравом только черту нравится; На лицо красива, а на язычок – крапива; Будь красив, да не будь спесив; Не гляди на лицо, а гляди на обычай* (16 единиц).

8. Злая женщина с плохим характером не может быть красивой: *Собой красава, да душа трухлява; Глаза – бирюза, а душа – сажа; Лицом красавица, а нравом только чёрту нравится* (8 единиц).

9. Счастье важнее красоты: *И не красива, да счастлива; Красота обманет, а счастье – нет; Не родись красен, да родись счастен; Не родись красив, не родись пригож, родись счастлив; Не родись красива, а родись счастлива; Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив; С лица не удался, да счастливо счастье* (10 единиц).

10. Составляющей женской красоты является домостройство: *Женщине красота – домостройство; Справна баба и хозяйством, и лицом; Красота приглядится, а щи не прихлебаются* (7 единиц).

11. Красавицей женщину делает любовь: *Не красивая красива, а любимая; Красота – в глазах влюбленного; Не красавица славится, а кому кто нравится; Красива не красавица, красива любимая* (12 единиц).

12. В мужчине красота вообще не важна, важен ум: *Коли хоть немного казистее черта – красавец!; Мужик чуть краше черта – уже красавец; Не урод – так и красавец!; На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко; Личиком белёнек, да умом простёнек; Красота разума не придаст (не прибавит); Видом орёл, а умом тетерев; На взгляд что орёл, а по уму как филин; Рожей – сокол, а умом – тетеря; Личико беленько, да разума маленько; На лицо – как яйцо, а в голове – болтень; Не гонись за красотой, тянись за разумом; Не краса красит человека, а ум; Красивый на грех, а дурной на смех* (23 единицы).

13. Борода как атрибут Бога и святых угодников – символ благочестия: *Борода – образ и подобие Божие; Без бороды и в рай не пустят; Без бороды и в рай не ходи; Брить бороду – портить образ Христов; По бороде – Авраам (Абрам), а по делам – Хам (хам, дьявол); По бороде Никола, а по зубам – собака; По бороде хоть в рай, а по делам – ай, ай; Борода апостольская, а усок дьявольский* (22 единицы).

14. Борода как признак отсталости: *Борода – трава: скосить можно; Борода не в честь: она и у козла есть; Борода росла, а ума (разума) не принесла; Не за бороду – за ум (разум) жалуют; Борода с ворота (большая), а ума с прикалиток (мало); Борода с лопату (большая), а ума – кот наплакал (мало); Борода уму не замена; Борода длинна, да не к уму она; Борода с колесо, а брюхо голо; Бородой в люди не выйдешь; Бородуля не мужик; И по бороде знать, что лопатой звать; По бороде не батькой звать; Принёс свою бороду на посмешище городу* (21 единица).

15. Внешний вид не соответствует внутреннему содержанию человека: *Борода апостольская, а усок дьявольский; Хоть с бородой да с усами, да не Сусанин; По бороде Никола, а по зубам – собака; По бороде апостол, а по зубам собака; С виду-то апостол, а по делам он кобель пестрый; По бороде хоть в рай, а по делам – ай, ай; Борода – то Минина, а совесть – то глиняна; Ладанка на вороту, а черт на шее; По наружности о человеке не суди; Хоть рожа и худа, да душа хороша; Худой роже доброе сердце красу придаёт; Рожа кривая, да совесть прямая; Личико беленько, да разуму маленько; Плоха рожа, да душа гожа; Снаружи мил, а внутри гнил*; *С личика яичко, а внутри – болтун* (19 единиц).

16. Крепкое телосложение – это красиво: *Красен человек статью; Кость да жила, а всё сила; Мужичок неказист, да в плечах харчист; Неладно скроен, да крепко сшит; Кругла, бела, как мытая репка; Кто гладёнек, тот и милёнек; Дал бы Бог дородство, а красоту сама добуду* (10 единиц).

17. Чрезмерная худоба – это некрасиво: *Тощ как хвощ; Кости, что крючья, хоть хомуты вешай; Костоват, как ёрш; Кости да кожа, одни рёбра;* (12 единиц).

18. Чрезмерная полнота – это некрасиво: *Около неё обойдёшь – калач съешь; Поперёк себя толще; Толста, толста, проста, проста; Господи, какие люди толстые, а я, бедна сирота, не пролезу в ворота; Кучерявый, без волос, тоненький, как бочка* (5 единиц).

19. Физическое уродство – это очень некрасивая внешность: *Косой не кривой; Косой не слепой; Кривой не слепой; Между слепыми и кривой красавец; Рыжего, косого, да третьего кривого берегись; Рыжи да плешивы – все люди фальшивы; И ряб, да Божий раб; Бойся рыжего да убогого; Один глаз на Кавказ (на вас), а другой на Арзамас* (32 единицы).

20. К физическому уродству нужно относиться терпимо: *Не смейся слепому и хромому, чтоб не быть самому такому; Над горбом не смейся, сам сгорбишься; Не говори с косым о кривом; Не учи хромого ковылять, не учи безногого хромать; С красоты не воду пить, и с расплюсым можно жить; Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить; Не с лица нам воду пить, можно и с рябой весь век прожить* (18 единиц).

21. Человека любят не только за красоту: *Каждому своя милая – самая красивая; Кто мил, тот и красив; Мила не бела, да я и сам не красен; Не красавица славится, а кому кто нравится; Рябая, да дорогая: что ни рябинка, то полтинка; Своя милая и не умыта красивая; Твоё хоть краснее, а своё мне милее; Хоть с корявой рожей, да по мне он гожий (красивый, хороший)* (10 единиц).

22. Красота человека определяется трудом: *Видом хорош, да на дело не гож; Личиком гладок, да делами гадок; Личиком и туда, и сюда, а делами не годится никуда; Девка красива, да прясть ленива; Красота приглядится, а щи не прихлебаются; Кудри завивай, а про дело не забывай; Не ищи красоты, а ищи досужества (ловкость, способность к делу); Не по виду*

*суди, а по делам гляди; Не тот пригож, кто лицом хорош, а тот, кто для дела гож; С лица воду не пить, умела бы пироги печь* (16 единиц).

23. Лицо – зеркало души: *Будто черти на нём горох молотили*; *Лицо – зеркало души*; *Лицо – зеркало человека*; *Меж глаз нос пропал*; *Мила не бела, да я и сам не красен*; *Мило не мыло, а беленькое личико*; *Много красы: одни скулы да усы*; *На лице (красоте) не блины печь*; *Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить*; *Не к лицу румяна*; *Не с лица нам воду пить, можно и с рябой весь век прожить*; *Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто для дела гож*; *Промеж глаз калена стрела ляжет*; *С красоты не воду пить, и с расплюсым можно жить*; *С лица воду не пить*; *С лица не пряники печатать*; *С личика яичко, а внутри – болтун*; *Сердце веселится – и лицом цветёт*; *У кого лицо бело, тот и бает смело*; *У него на лице черти горох молотили* (25 единиц).

24. Старость (время) враг красоте: *Красота скоро пропадает; Некрасивая женщина боится умереть, красивая – постареть; Старость не радость; И красно, и цветно, да линюче; Красивой не была, а молодой была; Какова ни будь краса девка, а придёт пора – выцветет; Девичья краса до возрасту, молодичья до веку* (21 единиц).

25. Здоровье определяет красоту, здоровье важнее красоты: *Будь не красен, да здоров; Болезнь человека не красит; Где здоровье, там и красота; Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье – всего милее; Красота и здоровье – родные сестры; Не будь красен, да здоров* (11 единиц).

## 2.2. Стереотипы красоты и уродства в русской и китайской паремиологической картине мира

Паремии двух сопоставляемых языков дают богатый материал для лингвокультурологических исследований. Они способствуют выявлению

символов, стереотипов и эталонов в менталитете того или иного народа. В русском и китайском языках встречаются единицы, которые различаются по компонентному составу и внутреннему фразеологическому (паремиологическому) образу, но описывают одинаковые для двух культур ментальные установки культуры, аксиологические ценности и приоритеты. Так при описании красоты человека для обеих лингвокультур важными являются не только внешние, но и внутренние, душевные качества человека.

Внешность человека, с использованием паремий, описывается на противопоставлении понятий **красота** (‘красивая, привлекательная внешность’) и **уродство** (‘очень некрасивая внешность’), фразеология всегда затрагивает крайности, среднее положение (*ни то ни сё; ни рыба, ни мясо; ни кафтан, ни ряса*) и нейтральная аксиологическая оценка во фразеологии практически отсутствуют.

Определение понятия *красота* зависит от ряда факторов, таких как время, религия, история. В этимологических словарях русского языка отмечается, что слово *краса* в русском языке появляется в XI-XII вв. Слово восходит в праславянскому *краса*, образованному на основе глагола с корневым «е» – *кресати* и *кресити* ‘высекать искру или огонь, загораться, возжигать, оживлять, воскресать’. Первичное имя *кресъ* обозначало летний солнцеворот (солнцестояние), возрождение и связанный с ними купальский огонь. Значение слова *краса* реконструируется как «цвет жизни», затем «румяный (красный) цвет лица», «цветение и цвет растений» и, наконец, более общее «красота» [Шапошников 2010: 84]. Важную роль в описании внешности человека играет цветовая символика – символика красного цвета – символа красоты и здоровья. Отсюда и синонимия слов *красный – красивый*. И алые губки, румянец на щеках, как маков цвет зардеться и т.п.

Обратимся к развитию стереотипов красоты в русском искусстве.

У славянских народов эпохи Древней Руси (9-13 век) существовало особое отношение к красоте, она воспринималась как символ святости, благочестия, духовных ценностей [Неменский 1987]. Это отношение

отражено в русском изобразительном искусстве, в частности, в иконах Андрея Рублёва (14-15 век), Феофана Грека (14-15 век), Симона Ушакова (17 век): тщательно выписывается лик Богородицы, глаза, выражение лица, на котором отражается счастье материнства и горечь от предстоящей потери любимого сына. Тело на иконах скрыто под тяжелыми одеждами. В эпоху Возрождения возобновляются античные традиции, с их культивированием красоты человеческого тела, прославлением свободы и гармонии. На смену абстрактной духовности приходит подчеркнутая телесность, происходит реабилитация чувственной красоты. Эстетика красоты проявляется в изображениях обнаженного полного богатого тела. Например, картины П.П. Рубенса. Представления о женской красоте вполне соответствовали духу самой эпохи: пышные формы воспринимались как свидетельство физического здоровья и внутреннего величия. На русской почве примером могут служить картины Б.М. Кустодиева. Например, серия картин «Купчиха за чаем»: образ купчихи – русской женщины с круглым лицом и плотной фигурой в нарядной одежде, воспринимается как стереотип женской красоты этого времени. На столе стоит самовар и много еды на переднем плане картины. А вот храм – на втором плане, еле заметен, но еще есть. Духовность уходит на второй план. Форма становится важнее содержания.

Позже разрушается и сама форма. Посмотрим на картины И. Босха и Сальвадора Дали (“Постоянство памяти”). Разрушается вообще всякое представление о конкретном предмете. Исчезает не только содержание, но и форма. А дальше Казимир Малевич: он поставил точку в развитии искусства красоты. Всё вообще закончилось, ни формы, ни содержания, только черный квадрат, а чёрный цвет, форма – квадрат – в сознании человека это самое простое, что тоже символизирует безграничный смысл: весь мир в своё время появился из черного хаоса. Всё зависит от духовности. Смысл красоты находится в душе каждого человека.

Все течет, и время изменяется, но время – это своего рода прямая, у которой есть начало и есть конец. Эталон красоты со временем изменился, и

безостановочно меняется. Это зависит от изменения эпохи, общества, сознания людей.

Народное представление о красоте представлено в паремиях национального языка. В составе паремий формируется представление о крестьянской красоте, о которой писал Н.Г. Чернышевский в своём философском труде «Эстетические отношения искусства к действительности». Вот как русский философ описывает идеал красоты: «Следствием жизни в довольстве при большой работе, не доходящей, однако, до изнурения сил, у молодого поселянина или сельской девушки будет чрезвычайно свежий цвет лица и румянец во всю щеку – первое условие красоты по простонародным понятиям. Работая много, поэтому, будучи крепка сложением, сельская девушка при сытной пище будет довольно плотна, это также необходимое условие красавицы сельской; светская «полувоздушная» красавица кажется поселянину решительно «невзрачною», даже производит на него неприятное впечатление, потому что он привык считать «худобу» следствием болезненности или «горькой доли» [Чернышевский 1949: 63]. В одно и то же время и в одной и той же стране существует одновременно два стереотипа красоты, с одной стороны – крепкое телосложение крестьянки, с другой стороны – худоба, «полувоздушность» светской красавицы. В современном русском языке красота определяется как ‘то, что доставляет эстетическое наслаждение’; ‘красивая, привлекательная наружность’ [МАС].

В данной работе нас интересует представление человеке, о его внешней и внутренней красоте, вербализованное в пословицах и поговорках русского языка. Необходимо отметить, что из 25-ти выделенных нами групп только в 8-ми группах речь идёт собственно о внешности человека (борода, телосложение, худоба, полнота и т.д.), в остальных 17-ти группах красота определяется через душевные качества, интеллект, отношение к труду.

На материале русских паремий эталоном красоты выступают душевные качества человека: *Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто*

*душою гож; Личиком бел, да душою черн; Молодец красив, да на душу крив; Не зри на лица, зри на сердца; Не суди по красоте, суди по сердцу; Не гляди в лицо, а заглядывай в сердце.*

Важное место занимают в паремиях соотношения ума и красоты, ум ценится больше красоты: *Краса приглядится, а ум вперёд пригодится; Красота без ума пуста; Красота приглядится, а ум вперёд пригодится; Красота разума не придаст; На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко; На красивую глядеть хорошо, а с умной жить легко; Не гонись за красотой – тянись за разумом; Не краса красит человека, а ум; Не красавицей дом держится, а умницей; С красотой не жить, а разума не купить; С красотой не жить, жить с умом; Хоть богата не была, не красой – умом взяла; Красавица без ума, что кошелёк без денег; Красота завянет, а ум не обманет.*

Особое место в русской лингвокультуре (в отличие от китайской) получило утилитарное отношение к красоте: *С лица воду не пить – умела бы пироги печь; С лица не воду пить – умела бы в семье жить; На красоту нечего уповать; На красоте не блины печь; На красоте не онучи (портянки) сушить; Красоту не лизать, лишь бы жилось хорошо.*

В паремиях положительно оценивается крепкое телосложение, сила: *Красен человек статью; Кость да жила, а всё сила; Мужичок неказист, да в плечах харчист; Неладно скроен, да крепко сшит; Кругла, бела, как мытая репка; Кто гладёнек, тот и милёнек.* Отрицательно оценивается в пословицах как чрезмерная худоба: *Тощ как хвощ; Кости, что крючья, хоть хомуты вешай; Костлява как тарань; Костоват как ёрш; Кости да кожа, одни рёбра,* так и чрезмерная полнота: *Около неё обойдёшь – калач съешь; Поперёк себя толще; Толста, толста, проста, проста.*

Понятие красота в лингвокультуре противопоставлено понятию уродство. Любое несовершенство, увечье оценивается в пословице двояко. С одной стороны – *Бог шельму метит,* где шельма – ‘плут, мошенник, обманщик, пройдоха, отъявленный негодяй’. Ср. чеш. *Šelma* – ‘Зверь’

[Википедия], т.е. уродством Бог помечает «отъявленных негодяев», с другой стороны – *Увечье чести не отнимает.* Слово уродство происходит от корня *уродъ*, что в древнерусском языке имело значение ‘слабоумный, юродивый’ [Шапошников 2010], т.е. в древнерусском языке уродство относилось в первую очередь к интеллекту человека, а не к его физическим недостаткам. В современных словарях русского языка находим следующие определения этого понятия: уродство – это ‘прирожденный физический недостаток организма’, ‘безобразие, некрасивость’ [БАС]; Уродство – это ‘физический недостаток, обезображивающий внешний облик’, ‘Очень некрасивая внешность’ [Ожегов, Шведова 2006]. О каких же физических недостатках говорится в пословицах? В словаре пословиц В.И. Даля находим: *Косой не кривой; Косой не слепой; Кривой не слепой; Между слепыми и кривой красавец; Рыжего, косого, да третьего кривого берегись; Рыжи да плешивы – все люди фальшивы; И ряб, да Божий раб; Бойся рыжего да убогого.*

В толковом словаре В.И. Даля мы находим следующие значения этих слов: Косой – ‘косоглазый, который косится’, в паремийном материале находим такую характеристику косоглазия: *Один глаз на Кавказ (на вас), а другой на Арзамас*. В медицинской терминологии этот физический недостаток описан так: ‘отклонение зрительной оси одного из глаз от совместной точки фиксации’ [БМЭ]. Народная мудрость выделяет этот признак внешности и относит его к незначительным недостаткам: *Косой не кривой; Косой не слепой.*

Кривой – ‘одноглазый, слепой на один глаз’ [МАС]. Кроме того, у слова *кривой* находим значение с пометой «ряз.» ‘хромой, колченогий’, где *колченогий* употребляется в значении ‘хромой, у кого одна нога короче другой’ [Даль 2014]. В пословице *Ногами хром, а душою крив,* мы встречаемся с выражением *кривая душа* – ‘о неискреннем, лживом человеке’ [МАС]. В составе паремий русского языка прилагательное *кривой* используется во всех трёх значениях: *Между слепыми и кривой красавец (1);*

*Кривой не слепой (1); Промеж слепых и кривой в чести (1); В слепом царстве, кривой – король (1); Кривой видит и одним глазом (1); У кривого один глаз, а видит больше нас (1); И крив (кривоног), да спляшет, и прям, да не ступит (2); Молодец красив, да на душу крив (3).*

Плешивый – ‘с плешью, облысевший’ [МАС]. К этому недостатку внешности человека пословица относится снисходительно, с одной стороны – это недостаток и он обращает на себя внимание: *Рыжи да плешивы – все люди фальшивы*, с другой стороны: *Лыс конь – не увечье, плешив молодец – не бесчестье.*

Рыжий – ‘красный, огненный, смесь цветов: красного, желтого и бурого, разных теней и оттенков’ [Даль 2014]; ‘красный, огненный’ [Кузнецов 2004]; ‘цвета меди, красно-желтый’ [Ожегов, Шведова 2006]. В паремиях этот цвет волос оценивается как недостаток внешности, и ставится в один ряд с прилагательными *косой, кривой, убогий*: *Рыжий да красный, человек опасный; Бойся рыжего да убогого; Рыжего, косого, да третьего кривого берегись; С рыжим дружбы не води, с черным в лес не ходи; Рыжих и во святых нет.* Мы не смогли найти однозначного объяснения этому отношению к цвету, можно лишь высказать предположение о том, что в русской культуре это очень редкий, непривычный цвет волос, «не такой, как у большинства людей», поэтому притягивает внимание и вызывает опасения. Но с другой стороны: *Рыжий да рябой – самый дорогой!*

Рябой – ‘имеющий лицо, покрытое рябинами’; ‘покрытый углублениями, неровностями’; ‘имеющий на фоне одного цвета пятна другого цвета, не одноцветный, пестрый’ [Ушаков: 2000]. К этому недостатку кожи лица народная мудрость относится с сочувствием: *И ряб, да Божий раб / Хоть ряба, да Божья раба; Рыжий да рябой – самый дорогой; Не с лица нам воду пить, можно и с рябой весь век прожить; Рябой оспы не боится.*

Убогий – ‘крайне бедный, жалкий’, ‘нищий, попрошайка’, ‘человек, неполноценный физически или умственно’ [МАС]; ‘Малоумный, юродивый,

дурачок, убогий умом, нищий духом’; ‘Увечный, калека, неисцелимо немощный’ [Даль 2014]: *Он убог, не работник. Убог ногами, не ходит, или едва ходит, скудается* [Даль 2014]. Прилагательное *убогий* объединяет в себе и физические и умственные недостатки уродства и предостерегает от них: *Бойся рыжего да убогого.*

В пословицах отражаются в первую очередь физические недостатки. Существует своеобразная градация уродства: косой лучше, чем кривой и слепой; кривой лучше, чем слепой. Прописан в паремиях и своеобразный кодекс поведения. Над физическим недостатком нельзя смеяться: *Не смейся слепому и хромому, чтоб не быть самому такому; Над горбом не смейся, сам сгорбишься; Не говори с косым о кривом; Не учи хромого ковылять, не учи безногого хромать.* Народная мудрость настаивает на том, что физические недостатки – это не самое важное в человеке: *По наружности о человеке не суди; Хоть рожа и худа, да душа хороша; Худой роже доброе сердце красу придаёт; Рожа кривая, да совесть прямая; Личико беленько, да разуму маленько; Плоха рожа, да душа гожа.*

В китайской лингвокультуре в составе паремий выделяются похожие недостатки внешности: *瞎子不谢赠镜人 Слепой человек не благодарит человека, который подарил зеркало; 瞎子只说灯不明，瘸子只说路不平 Слепой человек просто говорит, что свет не ясный, хромой человек просто говорит, что дорога не ровная; 瞎子的耳朵聋子的眼 Уши слепого и глаза глухого отличаются от ушей и глаз обыкновенных людей; 瘸子爬不上高山 Хромой человек не может подниматься на высокую гору; 麻人老的快，阴天黑的早 Человек с рябинками (на лице, рябой) выглядит старше, чем обыкновенный человек; 秃子省不下梳子钱，瞎子省不下点灯钱 Плешивый человек не может экономить деньги на расчёски, слепой человек не может экономить деньги за свет; 秃头爱戴帽 Плешивый человек любит носить шапку;牛怕阴阳角,人怕吊斜眼 Человек с косоглазием злой.*

Китайские паремии запрещают смеяться над физическими недостатками людей: *八十八，莫笑人瘸脚眼瞎；九十九，莫笑人架棍子拄手； Человек в 88 лет не должен смеяться над человеком, у которого хромая нога и слепые глаза; Человек в 99 лет не должен смеяться над человеком, который опирается на костыль; 秃子不要笑和尚，脱了帽子一个样 Плешивый человек не должен смеяться над монахом, он выглядит так же, когда снимает шапку; 见着秃子不讲疮，见着瞎子不讲光 Когда видишь лысого, не говори о нарывах; когда видишь слепого, не говори о свете.*

Другими словами, к различного рода уродствам, увечьям, недостаткам пословица относит то, что встречается в жизни редко, не у всех людей, что настораживает, вызывает опасения при наивном восприятии мира, однако, как утверждает народная мудрость, любой недостаток можно простить, не заметить, если это человек с хорошей душой, чистой совестью, добрым сердцем; над недостатками нельзя смеяться.

Стереотипы красоты и уродства могут совпадать в двух лингвокультурах. Так, например, в описании женского лица существуют одинаковые представления о красивом и некрасивом лице: *Не гляди на лицо, а гляди на обычай; Лицом хорош, да душою непригож (некрасив, безобразен); Личиком бел, да душою черн; Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто душою гож/Красивое лицо не означает красоту, красивая душа – это красота 美丽的面孔不算美，美丽的心灵才是美; Красивое лицо без прекрасных (душевных) качеств, как цветы без запаха 美貌而无美德，犹如不香的花.*

*Расцветает, что маков цвет; Сама собой миленька, личиком беленька; Бела, румяна – ровно кровь с молоком; Краше цвету алого, белее снегу белого / Одним белым закрывается сотня несовершенств (о белой коже). 一白遮百丑; Когда красивая девушка смущается, её лицо, как цветок персика, как мак-самосейка. 面若桃花虞美人.*

Но наиболее ценными представляются те единицы, которые могут быть мотивированы различиями культурологического характера, выявлением культурного феномена, лежащего в основе образа. И.А. Стернин различает «*национальные* особенности семантики и *национально-культурные* особенности семантики». По его мнению, «выявление лингвокультурных особенностей языковых явлений может осуществляться в форме *культурологического комментария* языковых фактов или, в других терминах – *культурологической каузальной атрибуции*, то есть объяснения явлений языка фактами культуры» [Стернин 2011: 13]. С этой точки зрения, приведенные выше примеры, обладают только *национальными* особенностями семантики языковых единиц. Описание же *национально-культурных* особенностей семантики, в форме *культурологического комментария* языковых фактов, сводится, по нашему мнению, к описанию национальных эталонов, стереотипов, символов, как к явлениям многослойным, сформированным временем и сохранившимся в языке и культуре народа.

У каждого народа, каждой нации есть собственные представления об окружающем мире, складываются определенные стереотипы – как относительно самих себя, поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства.

Определение понятия «стереотип» в современных исследованиях – это представление человека о мире, формирующееся под влиянием культурного окружения (другими словами, это культурно-детерминированное представление), существующее как в виде ментального образа, так и виде вербальной оболочки, стереотип – процесс и результат общения (поведения) согласно определенным семиотическим моделям. Стереотип (как родовое понятие) включает в себя стандарт, являющийся неязыковой реальностью, и норму, существующую на языковом уровне. В качестве стереотипов могут выступать как характеристики другого народа, так и все, что касается

представлений одной нации о культуре другой нации в целом: общие понятия, нормы речевого общения, поведения, категории, мыслительные аналогии, предрассудки, суеверия, моральные и этикетные нормы, традиции, обычаи и т.п. [Панягин 2008: 70].

Для русского и китайского языков важен цвет лица, красивые волосы, признаки здоровья при описании человека. Красивым будет лицо румяное и свежее: *Бела, румяна – ровно кровь с молоком; Краше цвету алого, белее снегу белого; Расцветает, что маков цвет/Когда красивая девушка смущается, её лицо, как цветок персика, как мак-самосейка 面若桃花虞美人*. Стереотипом красоты является и белая кожа лица*: Сама собой миленька, личиком беленька; Видно, она с серебра умывается/Одним белым закрывается сотня несовершенств (о белой коже) 一白遮百丑*. Признаком красоты являются и длинные волосы: *Руса коса до шелкова пояса; Коса – девичья краса/волосы красивой девушки как туча и туман 长发如雾又如云*.

Из всех приведённых примеров лингвокультурологического комментария для выявления *национально-культурных* особенностей семантики требуют сравнения, встретившиеся в составе паремий: *белее снегу белого, как цветок персика.*

Сравнение *белее снегу белого* является принадлежностью русской культуры: более суровый климат России делает снег неотъемлемой частью русской повседневности и естественным компонентом сравнения при описании красоты женского (девичьего) лица.

Сравнение *как цветок персика* является принадлежностью китайской культуры: более мягкий климат Китая делает эту культуру повсеместно распространённой, такой же, как яблоня в России (*как цветущая яблонька* – ‘о молодой красивой девушке’). Кроме того, цвет кожи китайских красавиц, в силу принадлежности их к монголоидной расе, является более тёмным, чем цвет передаваемым сравнением *как кровь с молоком*, сравнение с цветком персика более точно передаёт оттенок цвета. В русском языке

распространено сравнение *как персик*, когда говорят о нежной девичьей или детской коже, покрытой лёгким пушком.

Описание внешности человека занимает важное место в этической и эстетической картине мира любого народа. Внешность человека стала предметом лингвокультурологического описания в работах многих ученых. Немало исследований посвящено гендерному аспекту красоты в русской лингвокультуре (Л.В. Борисова 2015, Резвани Ваджихе 2015, Г.А. Садриева 2007, Юй Фэнин 2016).

Паремии способствуют выявлению стереотипов в менталитете того или иного народа. Под стереотипами мы понимаем «*сложившийся под воздействием тех или иных обстоятельств и ставший устойчивым характер поведения, реакции, образ социального объекта*» (ФС 2001: 14) «*прочно сложившийся, постоянный образец чего-нибудь, стандарт*» (ТСРЯ 2006: 57)

Как отмечалось ранее, стереотипы красоты женщин могут совпадать в двух лингвокультурах. О мужской красоте в паремиях упоминается реже, чем о женской. Всё отношение к мужской красоте укладывается в основном в выражение *Не урод – так и красавец!*

В русском и китайском языках нами зафиксированы паремии со значением общей положительной эстетической оценки объекта, паремии, передающие красоту женщины через указание на определенную черту её внешности (цвет лица, красивые волосы, хорошее здоровье, цвет кожи, изящная походка, молодой возраст, жесты). Фактором красоты будет изящная походка: *Грудь лебедина, походка павлина/Каждый шаг рождает цветок лотоса 步步生莲.*

В обоих языках фигура является важным показателем красоты или уродства. В китайском языке худощавая, стройная фигура – это стереотип красоты женщины: *У красавицы узкие плечи и тонкая талия, стройная фигура, лицо как утиное яйцо… 削肩细腰, 长挑身材, 鸭蛋脸面, 俊眼修眉, 顾盼神飞, 文彩精华, 见之忘俗.* Русская красавица не должна быть тощей.

Приведём примеры, в которых репрезентируется русский стереотип красоты. Так в пословице *Дал бы Бог дородство, а красоту сама добуду,* где дородство – это ‘плотное и крупное телосложение; полнота’ [МАС] полнота выступает как эталон красоты. Этот же стереотип поддерживает целый ряд других паремий: *Кругла, пухла, бела, румяна кровь с молоком; Кругла, бела, как мытая репка*; *Костлява девка – тарань-рыба; Худую взять – стыдно в люди показать.* Данный стереотип красоты утверждается в трудах русского философа Н.Г. Чернышевского, приведём еще раз фрагмент, который наиболее полно отражает данную мысль: «Работая много, поэтому, будучи крепка сложением, сельская девушка при сытной пище будет довольно плотна, это также необходимое условие красавицы сельской» [Чернышевский 1949: 63].

Идеал красивой русской женщины на материале паремий – это гармония внешней и внутренней красоты. Именно поэтому пословица предостерегает от чисто внешнего восприятия человека: *Наружный вид обманчив; По наружности о человеке не суди; Не зри на лица, зри на сердца; Не гляди в лицо, а заглядывай в сердце*.

Как в русской лингвокультуре, так и в китайской, стереотипы красоты – это единое гармоничное целое, сочетание внешнего и внутреннего, души и тела, доставляющее нравственное и эстетическое наслаждение. Т.е. по внешнему виду красота – это хорошо, но это не так важно. Народная китайская мудрость призывает не судить человека только по внешнему виду: *О человеке нельзя судить по лицу, равно как нельзя черпаком измерить море* 人不可貌相，海水不可斗量; Красивая душа важнее красивой внешности: *Красивое лицо не означает красоту, красивая душа – это красота* 美丽的面孔不算美，美丽的心灵才是美; *Цени добрую душу, а не красивое лицо* 与其选择漂亮的脸，不如选择善良的心; *Хорошей лошади не нужен крик, красивому человеку не нужно красивое лицо* 好马不在叫，人美不在貌; *Красивое лицо без прекрасных качеств, как цветы без запаха* 美貌而无美德

*，犹如不香的花; Внешне красивый, но на практике не применимый. 徒有其表; Золото и яшма снаружи, гнилые очёски внутри. 金玉其外败絮其中; Зверь в человеческом облике 衣冠禽兽; Под скучным лицом скрываются душа Бодхисаттвы 乏味的外表下，藏着一颗菩萨般般的心; Тигр с буддийскими чётками читает притворно молитву 带素珠的老虎–假念弥陀; Божество Богатства (Цайшэнь) носит лохмотья – не суди человека по одежке 财神爷着烂衫 – 人不可貌相; Талантлив и красив 才貌双全; Легко писать внешние очертания дракона, тигра, но сложно писать их кости – знать человека в лицо, но не знать его душу 画龙画虎难画骨，知人知面不知心; Не по одежде суди, а по добродетели. 人贵德不贵衣; Лицом – нож, душа – тофу (бобовый сыр) 刀子脸豆腐心; Вышитая подушка（внешне красивый, а на деле никчемный） 绣花枕头; Цвести, но не давать плодов 华而不实.*

Чем же плоха красивая жена с дурным нравом или недоброй душой? Та, которая: *Собой красава, да душа трухлява; Глаза – бирюза, а душа – сажа; Лицом красавица, а нравом только чёрту нравится.* Внешняя обманчивая красота оборачивается в жизни, в семье злым характером, который может разрушить всё: *От потопа, от пожара и от злой жены, Господи, сохрани! Девушки хороши, красные пригожи, откуда же берутся злые жены?*

Утилитарное отношение к красоте, т.е. отношение, имеющее ‘практическое назначение или направленное на достижение практических целей, извлечение материальной пользы’ [МАС] проявляется и в ряде других паремий*: С лица воду не пить – умела бы пироги печь (щи варить); С лица не воду пить – умела бы в семье жить; На красоту нечего уповать; На красоте не блины печь; На красоте не онучи (портянки) сушить; Красоту не лизать, лишь бы жилось хорошо*. Другими словами, красота это конечно очень хорошо, но умение печь пироги и варить щи – важнее! В системе

аксиологических ценностей внешность человека, женская красота занимают далеко не первое место.

В китайском языке есть пословицы, которые говорят о некрасивой женщине которая, сознавая свой недостаток (некрасивость), компенсирует его трудолюбием: *Некрасивая жена обшивает основательно; В доме некрасивой жены нет грязной одежды; Красивая жена любит наряжаться, а некрасивая – любит убирать в доме.* Следовательно, красавица всего этого делать не обязана, потому что она – красавица! На наш взгляд, эти примеры показывают, что в китайской лингвокультуре нет утилитарного отношения к красоте, в системе аксиологических ценностей *красота*, а особенно женская красота, занимает важное место. По мнению А.О. Корнилова большая часть китайских пословиц носит книжный характер: отношение к красоте вообще, и к женской красоте, в частности, формируется в китайской философии и высокой поэтической литературе, чем объясняется возвышенное отношение к женской красоте.

В набор обязательных качеств русской красавицы входят такие качества как: 1) ум: *Краса приглядится, а ум вперёд пригодится; С красотой не жить, жить с умом; Не красавицей дом держится, а умницей; Хоть богата не была, не красой – умом взяла;* 2) доброта: *Красота – до вечера, а доброта – навек; Не гляди на красоту, а спрашивай доброту; Не ищи красоты, а ищи доброты;* 3) домостройство: *Женщине красота – домостройство; Справна баба и хозяйством, и лицом; Красота приглядится, а щи не прихлебаются.*

По мнению народной мудрости, красавицей женщину делает любовь: *Не красивая красива, а любимая; Красота – в глазах влюбленного; Не красавица славится, а кому кто нравится; Красива не красавица, красива любимая.*

Китайская красавица описывается в паремиях двумя основными способами. Первый состоит в том, что описывается не сама красота, а гиперболизированное воздействие этой красоты на окружающую природу: *沉鱼落雁，闭月羞花 Красавица даже рыбу заставит погрузиться вглубь, а*

*летящего гуся опуститься на землю; она затмит луну и посрамит цветы*. Перед её красотой никто и ничто не может устоять.

Второй способ описания красоты состоит в подробном описании лица и фигуры, с использованием многочисленных сравнений и метафор, в состав которых входят фитонимы, зоонимы, предметы быта: *手如柔荑，肤如凝脂，领如蝤蛴，齿如瓠犀，螓首蛾眉，巧笑倩兮，美目盼兮 У красавицы рука как молодой побег; кожа, как застывший жир; шея, как личинка; зубы как семечки тыквы-горлянки; лоб, как у цикады; брови дугой, как усики шелкопряда. О, как чудесна лукавая улыбка! О, как сверкают прекрасные очи!*

Носителю другой лингвокультуры, судя по данным анкетирования, очень трудно представить себе такую красавицу, может быть трудно даже понять, что это идеал красоты в другой культуре.

Таким образом, проанализировав ряд паремий в китайском и русском языках, можно сделать определённые выводы: в обеих культурах выше оценивается внутренняя красота женщины, чем внешняя. В русской лингвокультуре красота не воспринимается отдельно от нравственности, интеллектуальных качеств, от характера человека. Утилитарное отношение к красоте характеризует только русскую лингвокультуру, в китайской культуре данная особенность нами не отмечена.

Сравнение женских стереотипов красоты дает возможность увидеть как сходства, так и различия в картинах мира русского и китайского языкового сообщества. Описание женской внешности в китайских паремиях носит условно-символический характер, в семантических моделях используются соматические и растительные коды культуры.

## 2.3. Лингвокультурологическая интерпретация паремий с компонентом – соматизмом при описании внешности человека

Соотношение с кодами культуры происходит путём интерпретации пословицы через ключевое слово единицы: соматизм, зооним, фитоним. В этой части работы рассмотрим паремии с компонентом – соматизмом. Всего нами выделено 22 группы с компонентами – соматизмами в составе паремий (голова – 4 единицы, волосы – 19, борода, усы – 23, коса –12, брови – 2, рот – 2, глаза – 8, губы – 2, зубы – 2, ухо – 0 и т.д.).

Наиболее интересной с точки зрения лингвокультурологического анализа оказалась группа единиц с компонентом *борода*. Эта группа позволяет продемонстрировать изменение аксиологического вектора паремий.

Основной составляющей аксиологии является понятие *ценность*: корень *аксиа, аксиос* (от греч. axia – ценность и logos – учение, понятие), т.е. аксиология – учение о ценностях [Яндекс: https://yandex.ru]. В научной литературе выделены основные ценности (жизнь, любовь, красота, здоровье) и антиценности (смерть, уродство, болезнь). Именно эти понятия ложатся в основу культурной коннотации. Раскрытию культурной коннотации способствует введение понятия аксиологическая оценка единицы. Характерной особенностью паремий русского языка является изменяющийся аксиологический вектор: от положительного к отрицательному или нейтральному.

Одна и та же паремийная единица может приобретать в разные времена развития общества как положительный, так и отрицательный аксиологический вектор. Кроме того, аксиологический вектор паремий может быть устойчиво положительным и устойчиво отрицательным, тем самым вербализуя описание ценностных картин мира, сложившихся исторически.

Смена коллективных убеждений в период царствования Петра I нашла отражение в паремиях русского языка, аксиологический вектор ряда паремий меняется с положительного на отрицательный. И эта смена должна быть отражена в учебных словарях, так как неточное понимание данного параметра может вызвать нарушение акта коммуникации. Аксиологический параметр следует учитывать при лингвокультурологическом описании паремиологических единиц в учебных целях. Статья учебного лингвокультурологического словаря может содержать указание на аксиологическую составляющую паремиологического значения.

*Соматизмы* мы будем понимать как «единицы русского языка, соотносимые с телом и телесностью» [Козыренко, Крейдлин 2011: 55] как «название частей тела человека и их составляющих (голова, нога, палец, рука), всех органов и их элементов (глаз, нос, кровь, сердце), продуктов жизнедеятельности человека (слёзы, пот, слюна, желчь), частей скелета (кость, череп, хребет, колено), роговых образований на теле человека (волос, зуб, ноготь, щетина) [Занковец 2006: 77].

В соответствии с данным определением, в состав соматизмов входит и слово *коса*, которое играет немалую роль при описании внешности юной девушки на материале паремий: *Коса – девичья краса; Руса коса до шелкова пояса; Расти, коса, до пола, расти, коса, до пят – женихи торопят; Девичья коса – всему городу краса; Девичья коса на всё село краса; Девичья коса на всю Москву краса*.

*Коса* в толковых словарях русского языка определяется как ‘сплетенные в виде жгута несколько длинных прядей волос’ [ТСРЯ] Основная мысль народной мудрости в том, что девичья коса – это краса (красота), т.е. то, что доставляет эстетическое наслаждение, радует глаз.

В пословице длина *косы* детализируется: *до шелкова пояса; до пола; до пят*. Красой девичьей являются длинные волосы. В составе паремий чаще всего встречается определение *девичья*. Не детская и не женская коса, а именно *девичья*: *Коса – девичья краса; Девичья коса – всему городу краса;*

*Девичья коса на всё село краса; Девичья коса на всю Москву краса.* Противопоставление *баба – девка* в паремиях четко представлено: *Давно, когда еще баба девкой была; Вспомнила баба свой девичник*.

Для ребёнка красота волос не важна, для женщины на первый план выступают другие добродетели: *Коса до пояса, язык до колен; У бабы (женщины, жены) волос долог, да ум короток; У бабы волос длинный, а язык еще длинней*. Пословицы, построенные на противопоставлении *длинный – короткий, длинный – длиннее*, декларируют не красоту длинных волос, а наличие ума и умения молчать (не болтливость), по мнению народной мудрости, эти два качества в женщине важнее красоты.

*Коса* в русской наивной картине мира, это не только красивые длинные волосы, но и знак языка, который становится знаком культуры – вербальным, оязыковленным символом внешности молодой красивой русской девушки.

И если *коса* в русской лингвокультуре – это атрибут сугубо женской красоты, то соматизм *борода* имеет отношение исключительно к описанию мужской красоты (или уродства). Слово *борода* имеет в русском языке несколько значений, мы будем использовать его в значении ‘совокупность волос, покрывающих подбородок, щеки и верхнюю часть шеи мужчины’ [БАС 2006: 138; МАС 1981: 108].

Этимологический анализ убеждает нас в том, что это слово обладает древней историей, знакомо многим языкам и народам, и может обладать богатой и не совпадающей в различных культурах символикой.

В словарях символов борода трактуется как ‘символ силы и мужества, верховной власти. В странах западной культуры означает зрелость. В странах Востока борода означает старость’ [Вильямс 1996: 25; Жюльен 1999: 37; Рогалевич 2004].

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под редакцией Н.И. Толстого борода определяется как «признак мужественности, воплощение жизненной силы, роста, плодородия» [СД 1995: 229].

Борода на Руси являлась в первую очередь атрибутом Бога, а так же других персонажей божественного статуса (святых угодников). Черт же в народном представлении, в иконографии часто представлен «лысым», «голеньким» [СД 1995: 229-230].

Стереотипные и символические значения лексемы *борода* в русской лингвокультуре менялись несколько раз в зависимости от смены коллективных убеждений. Борода была в паремиях атрибутом Бога и святых угодников: *Борода – образ и подобие Божие; Без бороды и в рай не пустят; Без бороды и в рай не ходи; Брить бороду – портить образ Христов; По бороде – Авраам (Абрам), а по делам – Хам (хам, дьявол); По бороде Никола, а по зубам – собака; По бороде хоть в рай, а по делам – ай, ай; Борода апостольская, а усок дьявольский.* Борода являлась и атрибутом внешности людей, оставивших след в русской истории: *Хоть с бородой да с усами, да не Сусанин; Бородка Минина, а совесть глиняна;* показателем достатка: *Бородачи все бывают богачи; У богатого и по бороде масло течет;* символом мужской красоты: *За эту бородку давали две новгородки, да третью ладожанку;* показателем почтенного возраста: *Седая бородушка, златая головушка; У тебя борода, да и я не робя (не ребёнок); Борода сивая, да душа красивая; Брадою честен стар, а разумом хвалён млад. Борода* выступала эталоном особой ценности в жизни мужчины: *Бороды, усов лишиться – что души решиться; Борода дороже головы*.

Соматизм *борода* являлся носителем положительной аксиологической оценки, символом уважаемого и почитаемого человека. Но пословицы отобразили и другое отношение к этому атрибуту мужской внешности: *Борода – трава: скосить можно; Борода не в честь: она и у козла есть; Борода росла, а ума (разума) не принесла; Не за бороду – за ум (разум) жалуют; Борода с ворота (большая), а ума с прикалиток (мало); Борода с лопату (большая), а ума – кот наплакал (мало); Борода уму не замена; Борода длинна, да не к уму она; Борода с колесо, а брюхо голо; Бородой в люди не выйдешь; Бородуля не мужик; И по бороде знать, что лопатой*

*звать; По бороде не батькой звать; Принёс свою бороду на посмешище городу.*

Судя по приведённым пословицам, носителю бороды отказывают в мужественности: *Бородуля не мужик*, над ним смеются: *Принёс свою бороду на посмешище городу*, отказывают в уме: *Борода уму не замена*. Другими словами соматизм *борода* становится носителем отрицательной аксиологической оценки, выразителем отрицательной коннотации. Очевидно, что в какой-то момент русской истории произошла смена коллективных убеждений. Для описания причин изменения стереотипных и символических значений компонента *борода* обратимся к некоторым историческим фактам.

Для средневековой Руси вопрос ношения бороды был крайне важным. Этому способствовал особый уклад жизни, в котором борода считалась символом приверженности вере, свидетельством чести и предметом гордости.

В России обычай носить бороды приобретает черты религиозного культа с X века. «Бороду носили и чтили без участия церковного авторитета. Но с X века Русь принимает Крещение. По примеру византийского духовенства, на Руси принимают апологию бороды, указывая на древних библейских пророков и Христа с апостолами. Т.е. получилось так, что Православная Церковь ещё более утвердила народную традицию ношения бороды и освятила этот обычай, вследствие чего борода делается символом одновременно и русской веры и русской национальности» [Самый нелепый и абсурдный налог при Петре I: https://moiarussia.ru/petr-pervii-i-borodi]. Отсюда вытекает и отношение к бороде как атрибуту Бога: *Борода – образ и подобие Божие; Без бороды и в рай не пустят; Без бороды и в рай не ходи; Брить бороду – портить образ Христов.*

Мужское лицо без бороды служило символом греха: «причиной случаев бритья бороды часто был содомский грех или просто блудная страсть, поэтому бриться было прямо запрещено. Порицание бритья бороды и усов

вызывалось, помимо приверженности к старине, еще и тем, что бритье бород и усов ассоциировалось с пороком мужеложства, стремлением придать своему лицу женский облик» [Самый нелепый и абсурдный налог при Петре I: https://moiarussia.ru/petr-pervii-i-borodi].

И именно эта особенность русской истории отразилась в паремиях: *Бороды, усов лишиться – что души решиться; Борода дороже головы.*

Бороды на Руси начинают брить при царе Петре I. Русь XYII столетия оставалась «бородатой» в то время как ее царь Петр I никогда не носил бороды и считал стародавний русский обычай смешным. Он, частый гость различных западноевропейских стран, был хорошо знаком с абсолютно другой культурой и модой. На Западе бород не носили и над русскими бородачами насмехались [Почему Петр I велел рубить бороды боярам? http://ya-uznayu.ru/istoriya/pochemu-petr-velel-rubit-borody-boyaram.html].

Этот факт русской истории и послужил причиной изменения аксиологической оценки паремий с компонентом *борода*: *Борода – трава: скосить можно; Борода не в честь: она и у козла есть; Бородуля не мужик; И по бороде знать, что лопатой звать; По бороде не батькой звать; Принёс свою бороду на посмешище городу.*

Язык вобрал в себя и сохранил на многие годы те изменения коллективного сознания, которые происходили в истории страны, и отразил их в паремиях.

Борода в Китае, как разновидность волосяного покрова лица считается символом мужского начала. Существует мнение, что борода – это последний штрих в создании совершенного мужского образа.

Соматизм *волос* в китайской лингвокультуре играет очень важную роль при описании внешности человека, это акцентируется в такой китайской паремии: *身体发肤，授之父母 Родители дали детям кожу, волосяной покров, тело – это часть родителей, поэтому нельзя этого лишиться.*

При описании внешности женщины китайцы обращают внимание не только на длину, но и на интенсивность цвета волос: *长发如雾又如云，好似结绳绾君心 Длинные волосы красивой девушки как туча и туман*, ими *как верёвками она привязывает сердца мужа*; *黑发如瀑，鬓若堆鸦 Чёрные волосы как водопад, цвет висков как окрас перьев у вороны* – о красивой молодой девушке, имеющей длинные чёрные и блестящие волосы.

Хотя ворона в китайском языковом сознании является символом несчастья, но китайцы признают, что у вороны перо очень чёрное и блестящее. Известно, что только у молодых китайцев волосы обладают этими свойствами. Поэтому для женщины в древнем Китае длинные черные и блестящие волосы являлись эталоном красоты [Цзюй Юеши, Гао Фуцзинь 2010: 55].

В русской лингвокультуре интенсивность черного цвета, при описании внешности человека, тоже передаётся с использованием этого орнитонима в составе устойчивого сравнения *как вороново крыло:*

*У Малиновской среди остальных ее обычных гостей сидела незнакомая мне молодая девушка с огромной черной, как вороново крыло, косой, красивыми серыми глазами и немного смуглым цветом лица. Н.А Морозов. Повести моей жизни/За свет и свободу (1913); Особенно ее смущает один из них, с черной, как вороново крыло, головой и с такими же черными, недобрыми глазами. Валентина Осеева. Динка прощается с детством (1969); Сохранились многочисленные описания внешности Бернса, его «черных, как вороново крыло, волос» и его темных глаз, которые «сверкали молниями», когда что-нибудь задевало его за живое. М.М Морозов. Роберт Бернс (1947)* [НКРЯ: http://search1.ruscorpora.ru].

Однако мы не можем утверждать, что черный цвет волос был у русских эталоном красоты, скорее наоборот, черный цвет был в немилости, как цвет беды, траура и смерти.

Борода и усы, как символ мужской красоты, также упоминаются в китайских паремиях. Борода и усы в китайских толковых словарях определяются как: ‘волосяной покров, растущий у мужчин на нижней части лица’, ‘волосяной покров вокруг рта’ [КСИ 2015: 154]. Усы в китайской культуре – символ взросления, поскольку их у детей или совсем молодых юношей нет. О безусых говорят: *Молодому, у которого нет усов, нельзя доверить важную работу* *嘴上没毛，办事不牢.*

До Маньчжурской (Цинской) династии, у всех мужчин обязательно были длинные волосы, длинные и тонкие борода и брови. Густой волосяной покров – это символ красивой внешности, крепкого здоровья и гордости мужчины. В древности в Китае, также как в определённый период истории в России, бритьё бороды, подстригание волос воспринималось как наказание [Лю Дацзе 2007: 43]: *苍髯如戟 Чёрная и жесткая борода как алебарда двузубая* – это говорят о мужчине, имеющем величественную внешность. *割须弃袍 Брить бороду, потерять военный кафтан* – об унылом внешнем виде мужчины-воина, который проиграл бой.

Борода, в китайской культуре, также как и в русской – символ старости: *牙齿老缺，胡子老白 Когда стареешь, зубы становятся редкими, борода становится белой.*

Лакунарными для китайской лингвокультуры являются русские паремии с компонентами – наименованиями атрибутов христианской религии (в Китае принята другая религия), с именами собственными, которые обозначают реальных людей, сыгравших важную роль в русской истории и неактуальных для китайской культуры. (*Брить бороду – портить образ Христов; По бороде – Авраам (Абрам), а по делам – Хам (хам, дьявол); По бороде Никола, а по зубам – собака; Хоть с бородой да с усами, да не Сусанин; Бородка Минина, а совесть глиняна).*

Таким образом, лингвокультурологический комментарий позволяет установить соотнесенность паремиологических единиц с кодами культуры;

выделить культурную коннотацию описываемых единиц; описать аксиологическую оценку и указать причины изменения аксиологического вектора паремий; найти сходства и различия в двух лингвокультурах, описать разницу образных оснований пословиц, особенности ассоциативных связей с понятийными и концептуальными структурами русской и китайской лингвокультур. Паремии с компонентом – соматизмом становятся ценным источником лингвокультурной информации, способом описания культурных кодов, стереотипов и символов в культуре двух народов.

## 2.4. Лингвокультурологическая интерпретация паремий с компонентом – орнитонимом при описании внешности человека

Паремиологические единицы как знаки языка и культуры изучаются в лингвокультурологическом аспекте, который берёт начало в исследованиях В.Н. Телия, Е.И. Зиновьевой, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой и др. Основной целью лингвокультурологического анализа паремиологической единицы является выделение и описание культурно-национальных коннотаций, расшифровка информационных знаков культуры, заключенных в различного рода кодах. Культурный код является важным звеном в лингвокультурологическом анализе паремиологических единиц, в его основе лежит способность человека соотносить явления из разных областей познания, выделяя у них главные признаки. В состав паремий входят компоненты, относящиеся к различным кодам культуры, это и соматизмы (лицо, голова, волосы), и фитонимы, отражающие растительный код культуры (маков цвет, алый цвет, красна ягодка), и зоонимы (орнитонимы, ихтионимы), раскрывающие зооморфный код культуры.

По мнению Н.Г. Комлева, «названия цветов, деревьев, животных, многих предметов и действий в языке каждой народности имеет семантическое

своеобразие, которое, скорее похоже на стихию, поскольку его так трудно подвергнуть систематизации» [Комлев 1992: 118]. Ш. Балли писал, что «человек всегда стремится одухотворить всё, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна. Человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» [Балли 1961: 221]. При описании внешности человека посредством паремий в русском языке, в составе этих единиц чаще всего встречаются компоненты – зоонимы: *Ростом с тебя, а умом с теля; Щеголь, да ноги коровьи; Пристало, как седло к корове; Голос соловьиный, да рыло свиное; Без осанки конь – корова.* В китайском языке: *牛鬼蛇神 бычий демон и змеиный дух*; *牛头马面 бычья голова и лошадиная морда; 生龙活虎 живой дракон и живой тигр (о здоровом и бодром человеке);虎背熊腰 тигриная спина и медвежий пояс.*

Итак, 85 русских и 75 китайских паремии с компонентами – зоонимами рисуют внешность человека. Весь корпус избранных паремий мы классифицируем следующим образом: млекопитающие животные, орнитонимы, энтомонимы, ихтионимы. Наиболее многочисленными, наполненными (при описании внешности человека) в обоих языках являются группы паремий с компонентом – орнитонимом. На этой группе мы и остановимся в данной части своей работы.

Основным способом вычленения культурной коннотации паремий при сопоставлении с различными кодами культуры является лингвокультурологический комментарий, который включает в себя несколько этапов: описание значения основного компонента паремии, описание его образности и аксиологической ценности (А.С. Алёшин 2012; М.Л. Ковшова 2013; Е.И. Зиновьева, Пи Дзянькунь 2016). Соотношение с кодами культуры происходит путём интерпретации пословицы через ключевое слово единицы: зооним (орнитоним, ихтионим и т.д.).

Так, как уже было отмечено, при описании внешности человека посредством паремий, в русском языке, наиболее частотными являются

паремии с компонентами – орнитонимами (названия птиц): *Красна (красива) птица пением, а человек умением; Ворона в павлиньих перьях*; *Видом орёл, умом – тетерев; Видом сокол, голосом ворона.* Пословица *Очи сокольи, брови собольи* читается как ‘красивым является человек, который обладает гордым взглядом, острым зрением и густыми и тёмными бровями’. Приведём пример использования паремии при описании человека с привлекательной внешностью:

*А Домнушка девица молоденькая, собою миленька, личиком беленька, очи сокольи, брови собольи, глаза с поволокой, роток с позевотой, а девичья краса – русая коса лежит по спине до шелкова пояса. П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871-1874).* [НКРЯ: http://search1.ruscorpora.ru].

Лексемы *сокол, соколий* встречаются в паремиях чаще других орнитологических единиц. Образ пословицы создается зоометафорой *сокол.* В переносном смысле – это ‘мужчина, юноша, отличающийся силой, смелостью и красотой’ [Юрков 2012]. Кроме того, *сокол* обладает острым зрением. Использование синонима *очи* также является условием для формирования положительной оценки внешности человека. *Око* может быть ясным и чистым и используется для номинации «больших выразительных глаз (обычно женских)» [БАС]. В пословице подчеркивается внешний вид бровей – они похожи на мех соболя – тёмный лёгкий и блестящий. На протяжении столетий мех соболя благодаря своей красоте и пышности ассоциировался с русскими царями, акцентируя внимание на их могуществе и величии. В XVII веке русские женщины сурьмили ресницы и брови, чернили светлые брови [Бутромеев 2013]. В сочетании с *сокольими очами*, такие брови довершали красоту глаз, закрепляя стереотип привлекательной внешности человека, сложившийся в XII – XIY веках в русской лингвокультуре.

И если за орнитонимами *сокол, соколёна (соколий)* закрепилась положительная аксиологическая оценка, то лексемы *ворона (вороний)*

являются выразителями отрицательной коннотации: *Видом сокол, а голосом ворона; Вороне соколом не быть; Наряд соколий, а походка воронья; Сердце соколье, а смелость воронья; Своя жена – ворона, а чужая – соколёна*. Толковые словари русского языка зоосемизм *ворона* относят к ‘рассеянному, невнимательному человеку’ или ‘крикливой, горластой женщине’ [БАС: 212; МАС: 142]. На материале паремий выделяются дополнительные семантические признаки, характеризующие внешность и характер человека: некрасивая походка (*Наряд соколий, а походка воронья*); громкий и неприятный голос (*Видом сокол, а голосом ворона*); трусливость (*Сердце соколье, а смелость воронья*); завистливость, неблагодарность (*Своя жена – ворона, а чужая – соколёна*).

Опрос и анкетирование показали, что у современной молодёжи может не быть тех символьных и стереотипных представлений, которые заложены в компонентах – орнитонимах, и соответственно в народном сознании и народной культуре. Так в большинстве опросных листов было отмечено, что ворона – умная птица (а, следовательно, признаётся красивой (!) и несёт положительный заряд в паремии). Однако, ни одна из анкетируемых студенток, при этом не согласилась бы, чтобы любимый называл её *вороной*. Это даёт право надеяться, что генетическая память жива, а в ней ворона – «громкоголосая растрёпа», стереотип некрасивой внешности, несущий отрицательный заряд в паремиях.

По внешнему виду *ворона* в паремиях противопоставлена *паве*: *Ворона в павлиньих перьях; От ворон отстала, а павам не пристала; Отщеголяла ворона в павлиньих перьях, ощипали её; Как ни вертись ворона, а спереди карга и сзади карга*. Слово *карга* пришло в русский язык из тюркского, образовано от корня kara, что означает *‘черный’* [Викисловарь: https://ru.wiktionary.org] .

Павлин для русских – красивая, по причине яркого оперения, птица, которую держали в России как декоративную – “для красоты”. Пава – ‘О

женщине с горделивой осанкой и плавной походкой’ [МАС]. О плавной походке русские говорят: *Идёт, словно павушка плывёт*.

Необходимо отметить, что орнитоним *ворон* в русских паремиях не используется для описания внешности человека. Орнитоним *ворон* в сочетании с определениями *старый* ассоциируются с опытностью: *Старый ворон не каркнет мимо. Старый ворон не каркнет даром, либо было что, либо будет что*. *Ворон* ассоциируется с чем-то таинственным, загадочным и сакральным.

*Пава* и *ворона* противопоставлены в пословицах по принципу красиво/некрасиво, где *пава* является символом красоты, а *ворона* – уродства.

Носителем положительной коннотации при описании внешности человека на материале паремий является орнитоним *орёл* – ‘о человеке, отличающемся мужественной красотой или удалью, отвагой, смелостью’ [Кузнецов 2004: 638]: *Взор орлиный и взлёт соколиный; Видом орёл, умом – тетерев; На взгляд что орёл, а по уму как филин*. Полюсом отрицательной коннотации становятся орнитонимы: 1) *тетерев* – ‘о человеке глуповатом, недалеком или неказистом’, т.е. ‘невзрачном на вид, внешне некрасивом; непривлекательном’ [БАС: 829]; 2) *сова* [БАС: 55], *сыч* [БАС: 1379], *филин* – ‘о мрачном, угрюмом, нелюдимом человеке’ [БАС: 1377].

Это значение проявляется в сравнительном обороте: надулся *как сыч (сова, филин)* и частично в пословице *Виден сыч по полёту, сова по погляду* (по взгляду, по манере смотреть). В пословице *Сова не родит сокола, а такого же черта, как сама*, компонент *черт* соотносится с христианским кодом культуры: в христианстве *сова* как существо загадочное, ведущее ночной образ жизни, стала символом нечисти и колдовства [Бутромеев 2013: 430].

Орнитологические биномы (термин Е.И. Селиверстовой) *орёл – тетерев; орёл – филин; сокол – ворона; пава – ворона* отражают стереотипы красоты и уродства, сложившиеся в народном сознании, содержат аксиологическую оценку, формируют культурную коннотацию паремий.

Положительный полюс аксиологической оценки в русских пословицах при описании внешности человека формируют орнитонимы *орёл, сокол, пава*, отрицательный полюс – *тетерев, сыч, филин, сова, ворона.*

В китайских паремиях нам удалось обнаружить значительное количество наименований птиц в составе паремий при описании внешности человека (*феникс, журавль, ястреб*):

Орнитоним *феникс* чаще других единиц используется в китайских пословицах: *凤凰靠羽毛，姑娘靠衣裳 Оперение красит птицу феникс, одежда красит девушку; 龙眉凤目，蜂腰削背 Брови дракона, глаза феникса, талия и спина медоносной пчелы* – о женщине, имеющей красивый внешний вид.

Волшебная птица *феникс* всегда знаменует собой процветание и благоденствие. В китайской пословичной традиции компоненты-зоонимы часто используются парами, так дракон и феникс являются постоянными компонентами в паремиях: «дракон и феникс – предвестники радостного события». В древнем Китае дракон и феникс являлись символами императора и императрицы. Постепенно, образ феникса трансформировался в образ прекрасной (красивой) женщины, а образ дракона – в образ красивого, здорового мужчины: *龙眉豹颈 Брови дракона, шея леопарда – о мужчине, имеющем необычный облик; 生龙活虎 Живой дракон и живой тигр – о здоровом и бодром мужчине; 神龙马壮 Бодрый дракон, крепкая лошадь – о рослом и крепком человеке.*

Для русского языка сказочная (чем-то похожая на феникса) райская птица является символом красоты женщины: *Красна, что райская птица.* Эпитет *райский* означает «прекрасный, очаровательный» [МАС].

Орнитоним *журавль (журавлиный)* занимает основное место при описании внешности крепкого, здорового человека преклонного возраста: *鹤发鸡皮 Журавлиные волосы, куриная кожа* – ‘о старом человеке: седой, как лунь; лицо, как печеное яблоко’; *鹤发童颜 Журавлиные волосы, лицо*

*ребёнка* – ‘о старом человеке: хоть и стар, но молод душой’; *鹤发松姿 Волосы журавля, вид сосны* – ‘о здоровом старике’.

Журавль чрезвычайно почитаем в Китае, здесь эта птица считается «царём всех пернатых существ на Земле. Журавлю по популярности уступает только феникс. Китайское слово «журавль» сходно по произношению со словами «мир», «согласие», «гармония». В китайской мифологии журавли часто являются спутниками небожителей, бессмертных существ; они выступали как посредники между земным и потусторонним мирами, также эта птица часто сопровождает мудрецов – даосов. Китайцы верят, что после смерти даосы превращаются в журавлей [Журавль в японской и китайской мифологии: http://www.liveinternet.ru/ users/ 3469412/ post 196817523/]. Таким образом, журавль является символом мудрости и долгой жизни в мире и гармонии. Поэтому в китайской языковой картине мира очень часто орнитоним *журавль* используется для описания старого, но очень здорового и мудрого человека, как привило, мужчины [Дроздов 2011].

Орнитоним *ласточка* так же является носителем положительной коннотации в китайской лингвокультуре: *身 轻 如 燕 Двигаться очень легко и проворно, как ласточка* – о мужчине, имеющем плавные и изящные манеры.

Отметим при этом, что орнитоним *ласточка* в русском языке используется только для описания лиц женского пола (девочек, девушек, женщин). Ласточки часто живут парами под карнизом человеческого жилья. Китайское слово *ласточка* сходно по произношению со словом «благополучие», поэтому в китайском сознании орнитоним *ласточка* наделён положительной коннотацией. В связи с тем, что ласточка – тонка, искусна, изящна, миниатюрна, во многих китайских литературных произведениях орнитоним *ласточка* используется для описания мужчины, который имеет красивую внешность и высокий уровень владения Кунфу [Хуан Цзюньфэн, Хуан Фан 2001: 32].

Орнитоним *ястреб* может служить примером отрицательной аксиологической оценки при описании внешности человека в китайской лингвокультуре: *眼若饥鹰 Глаза голодного ястреба. ‘О человеке очень жадном и хитром’; 鸠形鹄面 Тело горлицы, лицо ястреба.* ‘О худом и измождённом человеке’. Отрицательные черты характера в китайской традиции обязательно отражаются на внешнем виде человека, но главную роль в описании таких случаев играют не орнитонимы, а зоонимы. Носителем отрицательной коннотации при описании внешности человека на материале паремий является *собака*: *猴头狗脸，野兽心肝 Голова обезьяны и лицо собаки – совесть дикого зверя; 狗行狼心 Поступок собаки, душа волка; 狼眼鼠眉 Волчьи глаза и крысьи брови; 熊罴眼直，恶人横目 Злой человек как медведь, у обоих ястребиные глаза.* Здесь лексемы *собака, обезьяна, волк* связаны с образом зла, хитрости и непривлекательной наружности.

В китайском сознании *ястреб* – птица свирепая, жестокая, сильная. У него острое хищное зрение. Орнитоним *ястреб (ястребиный)* в китайской лингвокультуре используется для описания агрессивного, хищного взгляда (поведения).

*Ворона* в китайском языке не делится на он/она, не различается по половому признаку. Китайское название вороны основано на черном цвете её пера и звукоподражании или имитации ее хриплого голоса. С одной стороны, ворона воспринимается как воплощение нравственности. Её считают примером почтительного отношения к родителям и старшим, поскольку говорят, что взрослая ворона продолжает заботиться о своих родителях и приносит им пищу [Вильямс 1996: 61]. Поэтому орнитоним *ворона* имеет положительную оценку. В составе паремий ворона символизирует красивые черные волосы женщины: *单衫杏子红，双鬓鸦雏色 Платье красное как абрикос, волосы на висах черные как у вороны* – ‘О девушке, имеющей красивую внешность’. С другой стороны, вороний резкий и неприятный крик

приносит несчастье. Говорят что, перед тем как у семьи случится беда, ворона садится на дерево, которое растёт перед воротами этой семьи и кричит; когда династии гибнут, стая ворон садится на декоративный столб и кричит [Китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»: https://baike.baidu.com/item/ %E4%B9%8C%E9%B8%A6/430?fr=aladdin]. Некоторые объясняют это тем, что вороний крик похож по звучанию на слово *ка*, что по-китайски означает «укус». Если человек, занимающийся тем или иным делом или планирующий какое-то предприятие, внезапно слышит крики вороны, которые для него звучат как «укус, укус, укус», у него часто возникает предчувствие, что дело его закончится неудачей [Вильямс 1996: 61]. Поэтому орнитоним *ворона* тоже может служить примером отрицательной аксиологической оценки при описании внешности человека в китайской лингвокультуре: *黑老鸹洗不成白鹅 Черная ворона не отмоется до белого гуся*.

Таким образом, положительный полюс аксиологической оценки в китайских пословицах при описании внешности человека формируют орнитонимы *феникс*, *журавль*, *ласточка*, отрицательный полюс – *ястреб*, *ворона*.

Очевидно, что набор орнитонимов в составе паремий в двух языках не совпадает. В русском языке не используются для описания внешности человека в составе паремий такие единицы как: *феникс, журавль (журавлиный), ястреб (ястребиный)*. В русском языке орнитонимы *журавль* и *ястреб* встречаются в составе устойчивых сравнений: длинноногий *как журавль*, глаза *как у ястреба* и, соответственно, не имеют мифологического подтекста, свойственного китайским единицам. Орнитоним *феникс* является безэквивалентным для русской лингвокультуры.

Набор орнитонимов в составе русских паремий является лакунарным для китайской лингвокультуры. Эти единицы не используются в китайских паремиях для описания внешности человека, эти птицы и их названия вызывают другие ассоциации, отличные от ассоциаций, возникающих в

русском языке, и имеют другую аксиологическую ценность в китайской лингвокультуре.

Лингвокультурологический комментарий (в дополнение к существующим определениям) – это описание образности ключевых компонентов паремий; определение их аксиологической ценности; соотнесение паремий с кодами культуры (зооморфным, растительным, соматическим) с целью вычленения культурной коннотации пословиц и поговорок.

Орнитонимы, так же как соматизмы, являются той частью паремии, к которой прикрепляется культурно-национальная информация, коннотативное созначение, аксиологическая оценка.

## 2.5. Лингвокультурологическая интерпретация паремий с компонентом – фитонимом при описании внешности человека

Фитонимы – названия растений и их плодов. Растения с древности играли очень важную роль в жизни любого народа. Люди выращивают растения, чтобы собирать урожай фруктов, овощей, зерен и употреблять их в пищу. Древесину человек использует с давних пор, она была первым топливом и первым строительным материалом. Кроме того, нельзя забывать о применении растений в качестве лекарственных средств.

«Интерес к фитонимам в пословицах и поговорках обусловлен важностью растительного мира для человека. Человек всегда проводил аналогии между собой и растениями, что нашло прямое отражение в языке. Выбор качеств того или иного растения как прототипа переосмысления обусловлен особенностями человеческого мышления, а также культурно-историческими факторами, географическим положением страны, ее политическим устройством» [Худенцова 2008].

Поскольку растения – неотъемлемая часть в жизни человека, фитонимы часто встречаются в составе паремий. Компоненты-фитонимы включены в традиции культуры и, по мнению Т.Р. Писарской и Н.Е. Якименко, «обладают чрезвычайно широким ассоциативным потенциалом, могут быть

интернациональными и национально - специфичными» [Писарская, Якименко 2017: 89].

Общепризнанным является тот факт, что основным способом описания культурной коннотации паремий при сопоставлении с различными кодами культуры является лингвокультурологический комментарий. Соотношение с кодами культуры происходит путём интерпретации пословицы через ключевое слово единицы: соматизм, зооним, фитоним. В данном параграфе мы рассмотрим паремии с компонентом-фитонимом, которые соотносятся с растительным кодом культуры.

Лексико – семантическая группа наименований растений, используемая в русских и китайских паремиях, включает следующие подгруппы: 1. Деревья, 2. Цветы, 3. Травы, 4. Овощи, 5. Фрукты и ягоды, 6. Грибы, 7. Лианы. Рассмотрим некоторые из них.

1. **Деревья**

В основу рабочей классификации, служащей для удобства описания исследуемых единиц, был положен критерий группировки наименований деревьев по дифференциальной семе ‘*плодовые деревья, плод этого растения*’ и ‘*неплодовые деревья*’.

Названия плодовых деревьев**,** использующиеся в составе пословиц, редко напрямую связаны с мифологическими представлениями об этих деревьях. Подгруппа *деревья* включает паремии не только с названиями деревьев (вишня, груша, слива), но и с названиями частей дерева (ветка, пень, корень). Единиц с компонентом названиями частей *дерева*, описывающих внешность человека, в русском языке нам встретилось в 3-х значениях: 1) важность одежды для внешнего вида человека: *В уборе и пень хорош; Убери пень, и он будет красив*. 2) Внешность обманчива: Н*ельзя судить о дереве по его коре*. 3) Не следует судить о людях по внешности: *Не сняв коры, дерева не узнаешь*.

Функцию описания внешности с помощью компонентов-фитонимов в

русском языке приняли на себя не паремии, а устойчивые фразеологические сравнения: *цветёт как яблонька (вишенка); стройная как берёзка, крепок (здоров, красив) как дуб*.

В китайском языке имеется ряд паремий с этим компонентом: 人要脸树要皮 *Человеку нужно лицо, как дереву нужна кора*.

Паремий, включающих метафору «человек-дерево», больше в китайском языке. Единиц с компонентом *дерево*, описывающих внешность человека, в русском языке нам не встретилось. В китайском языке имеется ряд паремий с этим компонентом: 人要脸树要皮 *Человеку нужно лицо, как дереву нужна кора*; 玉树临风 *Стоит как дерево нефрита (софора) на ветру* ‘о красивом и талантливом молодом человеке’. По символике и мифологическим представлениям в русском языке нет паремийных соответствий данным единицам.

**1.1 Плодовые деревья**

Подгруппа ‘*плодовые деревья, плод этого растения’* характеризуется разным набором компонентов. В русском языке – это *вишня*, в китайском: *вишня, персик, слива, абрикос*. Слово *вишня* в толковом словаре русского языка определяется как ‘*плодовое дерево или кустарник с мелкими сочными тёмно-красными плодами*’ или ‘*плод этого растения’* [МАС]. Это слово вошло в состав сравнительных оборотов: глаза *как вишенки*, глаза *черные как вишни* ‘о больших, черных, блестящих глазах’. *Как вишня*, так говорят ‘*о свежей, аппетитной, налитой здоровьем, румяной девушке’* [В.М. Мокиенко 2003: 62-63; В.М. Мокиенко 2010]. Пословица *Вишенкой цветёт дочка у родной матушки, в три погибели гнётся у свекровушки*, репрезентирует, в частности, и концепт «Внешность человека». Творительный падеж слова *вишенка* синонимичен сравнительному обороту *как вишня* (*‘о свежей, аппетитной, налитой здоровьем, румяной девушке’).* Компонент *цветёт* вызывает ассоциацию с цветущим вишнёвым деревцем. Фразеологизм *гнуть в три погибели* значит ‘безжалостно притеснять, угнетать’. *Гнуться в три*

*погибели* – значит ‘сильно страдать’. В китайском языке в пословице *樱桃小口 Маленькие губы – вишня* говорится ‘о женщине, имеющей небольшие, свежие и красные губы’. В китайской фразеологии при помощи компонента *вишня* характеризуются не глаза и человек в целом, как в русском языке, а губы.

В русском языке в составе паремий, характеризующих внешность человека, компоненты *персик, слива, абрикос* не используются. В китайском языке – это основные компоненты при описании внешности: *天桃秾李 Нежное персиковое дерево и пышное сливовое дерево* ‘о красивых невесте и женихе’; *面若桃花虞美人 Когда красивая девушка смущается, её лицо, как цветок персика, как мак-самосейка* ‘о красивой и скромной девушке’; *天桃秾李 Нежное персиковое дерево и пышное сливовое дерево* ‘о красивых невесте и женихе’. *桃腮杏眼 Щёки как персики, глаза как абрикос* ‘красивое лицо, прелестная наружность’

**1.2 Неплодовые деревья**

Для подгруппы ‘*неплодовые деревья’* в русском языке характерно использование в составе паремий других тематических групп компонентов-фитонимов *тополь, сосенка, осина, дуб*.

Русские паремии тематической группы «внешность человека» не содержат компонентов – фитонимов (названий неплодовых деревьев). Эту функцию берут на себя устойчивые сравнения (УС): *Выросла как тополька; Ровна (пряма) как сосенка* и *Стройна как берёзка* характеризуют стройную фигуру женщины. Все УС используют диминутивную форму (тополька, сосенка, берёзка), что свидетельствует о положительном отношении к такой внешности.

У славян дубу приписываются положительные коннотации. Это растение крепкое и выносливое: *Не срубишь дуба, не отдув губы; Старый дуб не скоро сломится; Стар дуб, да корень свеж*. Непосредственно о внешности говорит устойчивое сравнение *Крепок (могуч) как дуб*.

Слово осина в русской фразеологии – многозначный символ. С одной стороны символическое значение осины состоит в обозначении трусости: *Дрожать как осиновый лист; Дрожит как лист на осине; Трясётся, как лист на осине; осина и без ветра шумит*. С другой стороны, паремия *С осину вырос, а ума не вынес* символизирует тот факт, что красивая внешность не гарантирует наличие ума.

Для подгруппы ‘*неплодовые деревья*’ в китайском языке характерно использование компонентов-фитонимов *софора, сосна, ива.*

Софора символизирует гордую осанку и молодцеватого вида мужчину, наделённого талантом: *玉树临风 Стоит как дерево нефрита (софора) на ветру* ‘о красивом и талантливом молодом человеке’.

Слово сосна *в китайской паремиологии* при описании внешности человека пользуется большой популярностью. Это вечнозеленое дерево, даже зимой не сбрасывает своих иголок. Сосна символизирует духовную стойкость, мужество, жизненную силу, сдержанность, постоянство и долголетие. Сосна занимает основное место при описании внешности крепкого, здорового человека преклонного возраста: *鹤发松姿 Волосы журавля, вид сосны* ‘о здоровом, крепком старике’. Кроме того, в китайских пословицах сосна также означает дородную фигуру и высокий рост мужчины, и это красиво: *身高八尺，犹如柏松 У мужчины рост 8 чи, как у сосны.*

Наибольшую частотность в китайских пословицах получил компонент *ива*. Ива – ‘кустарник или дерево с гибкими ветвями и узкими листьями’ [Кузнецов 2004: 442]. Ива ассоциируется со стройной фигурой красавицы, её ветвь – с осанкой красавицы, её лист – с изогнутыми, тонкими бровями красавицы: *柳腰莲脸 Ивовая талия, лотосовое лицо* ‘красавица, женщина восхитительной красоты; грациозная и тонкая красота’; *分花约柳 Смахнуть цветы и ветви ивы* ‘о красивой женской походке’;*柳叶弯眉 Изогнутые брови – ивовые листья* ‘о красивых женских бровях’.

Компонент *бамбук* в составе паремий означает: физические недостатки человека могут компенсироваться определенными дополнительными возможностями человека: Ч*еловек с кривым ртом говорит без утайки; Кривой бамбук даёт прямой побег 歪嘴讲直话，歪竹出直笋.*

В русских паремиях фитонимы данной группы не представлены.

Богатый набор компонентов-фитонимов в составе китайских паремий, в отличие от русских, объясняется, на наш взгляд, различием в географическом положении двух стран: Китай более южная страна, отличающаяся богатой растительностью. Кроме того, различия в аксиологическом плане продуцируются характером происхождения паремий в двух лингвокультурах: китайские паремии восходят к классической философии и литературе, русские паремии, по большей части, восходят к народному фольклору.

**2.Цветы**

В группе «Цветы» в русском и в китайском языках часто используется общее название *цветок*. В русской фразеологии цветок – символ красивой молодой женщины, как, например, в устойчивых сравнениях: *Свежа как цветок; Девушка как весенний цветок.*

Красивая внешность придаёт кому или чему-нибудь особую привлекательность: *На красивый цветок летит и мотылёк*; *На хороший цветок и пчелка летит*; *На красненький цветочек и пчёлка летит*; *На алый цветок летит мотылек.*

В русских паремиях с фитонимом *цветок* противопоставляются идеи внешности и возраста: *Сколько цвету ни цвесть, а быть она опадать*; *Красота как цвет: скоро увядает.* Кроме того, единицы с компонентом *цветок* передают идею о том, что красивая внешность не всегда соответствует внутреннему содержанию: *И красивые цветики ядовиты бывают*.

Частотным в русской фразеологии является компонент *мак*: *Расцветает что маков цвет; Краше цвету алого, белее снегу белого; Девка не мак: в один день не облетит; Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде.* В

паремии *Красен как маков цвет, а ума нет* реализуется значение противопоставления красивой внешности и интеллектуального развития.

В китайском языке часто используется сравнение женщины с цветами. Один из древнейших памятников китайской литературы поэтический сборник *Ши цзин* содержит записи древних песен, гимнов и стихов различных жанров, созданных в XI–VI вв. до н. э., в которых говорится, что символом женщины являются цветы персика [Чжу Си 2013: 89]. Первый раз явное сравнение женщины с цветком было сделано Ли Бо, известным китайским поэтом времён династии Тан: *Красавица как цветок за краем облака*. После него это сравнение часто использовали другие поэты. Цветок стал фиксированным символом женщины, эталоном женской красоты в Китае, поэтому в основе образа многих китайских пословиц лежит *цветочная* метафора [Лю Дацзе 2007: 434].

В китайском языке, цветы в составе фразеологизмов – многозначный символ. 1) Слово цветок – как символ красавицы: *美貌而无美德，犹如不香的花 Красивое лицо без прекрасных человеческих качеств, как цветы без запаха*; *雪肤花貌 Кожа – снег, лицо – цветок* ‘о красавице’; *如花似玉 Как цветок и нефрит* ‘об изумительной красавице’. *花容月貌 Лицо-цветок, лицо-луна (о красивой женщине); 香消玉殒 Нефрит разбит, цветы увяли (о смерти красавицы говорят)* 2) символ телосложения красавицы: *玉软花柔 Хрупкий как нефрит и нежный как цветок (о телосложении: нежный, хрупкий); 花枝招展 Цветущие ветки во всей красе* (о нарядной женщине.) 3) Символ губ красавицы: *唇如花瓣 Губы как лепестки.*

Как и в русских паремиях, цветок вызывает ассоциацию с возрастом: *花无百日红 Цветок не цветет сто дней; 人老珠黄,春残花谢 Старый человек как пожелтевшая жемчужина; Весна заканчивает, цветок облетает.*

В китайском языке встречаются компоненты *лотос, пион, цветы груши, цветы персика, цветы абрикоса*. Китайцы верят, что лотос растер в раю, на небе и поэтому лотос почитается как священное растение. Лотос

олицетворяет совершенство, является символом красивого внешности, духовного раскрытия, чистоты женщины: *初发芙蓉 Только что распустившийся лотос ‘красивая молодая девушка’; 出水芙蓉 Только что поднявшиеся из воды молодые цветы лотоса ‘красивая девушка’; 红脸如开莲，素肤若凝脂 Смущённое лицо как расцветающий лотос, белая кожа как застывший жир ‘красивая девушка’.*

Пион – цветок императоров. Это символ богатства, изобилия, почести и карьерного роста. Кроме того, в китайском языке пион ассоциируется с женской красотой и изящностью: *国色天香 Краса Китая и небесный аромат ‘очень красивая девушка, прекрасная как пион’; 十八，廿三，低过牡丹 Восемнадцатилетняя, двадцатитрехлетняя девушка красивее, чем пион.*

Цветок персика и абрикоса тоже могут выступать в качестве символов красавицы: *面若桃花虞美人 Когда красивая девушка смущается, её лицо, как цветок персика, как мак-самосейка; 红杏出墙 Цветы красного абрикоса проросли через стену (у красивой жены есть любовник).*

В русских пословицах встречаются компоненты – фитонимы, которые нам не встретились в китайском языке – это названия **овощей или зёрен**. Эти паремии с фитонимами, обозначающим овощи или зёрна, при описании внешности человека, как бы отрицая *уродство*, смеются над недостатками внешности: *Будто черти на нем горох молотили; У него на лице черти горох молотили* (некрасив, всё лицо покрыто рябинками, оспинками); *Рожа – хоть репу сей, хоть морковь сажай* (некрасив, очень большое, широкое лицо); *Не твоим носом клевать просо* (нос очень большой, не держит маленькое зерно/не твоё дело, не суйся). Следовательно, компонент, называющий овощ в русском языке, является показателем отрицательной коннотативной оценки внешности человека.

Китайские паремии отражают положительное возвышенное отношение не только к женской, но и к мужской красоте, чего не удалось обнаружить на

материале русских паремий: *С лица воду не пить; Не урод, так и красавец*; *Мужик чуть краше черта – уже красавец* [Даль 1984].

Русские паремии с компонентом – фитонимом (названием овощей) могут отражать антиценность *уродство* и, как правило, имеют отрицательные коннотации. Китайские паремии с компонентом-фитонимом (как правило, названиями цветов или деревьев) репрезентируют ценность *красота* и практически всегда положительно окрашены. Компонент – фитоним играет важную роль при описании внешности человека и несёт специфическую национально окрашенную культурную информацию.

## 2.6. Структура словарной статьи лингвокультурологического словаря паремий по теме «Внешность человека»

Лингвокультурологическому и лингвокультурографическому исследованию русской паремиологии на фоне китайского языка посвящено сегодня достаточно много работ (Е.И. Зиновьева, Пи Цзянькун 2016, Го Фулян, Г.А. Щитов, Мао Чуньчао 2013).

В центре внимания ученых сегодня находится разработка теории учебных лингвокультурологических словарей русских пословиц [Пи Дзянькунь 2014]. Лингвокультурологические словари занимают сегодня промежуточное положение между словарями лингвистическими и энциклопедическими, а «лингвокультурография рассматривается как современный этап развития лингвоэнциклопедической лексикографии» [Лукьянова 2005: 43-44].

Целью данной работы является разработка модели статьи учебного лингвокультурологического словаря по теме «Внешность человека», ориентированного на иностранных учащихся.

Словари лингвокультурологического типа ориентированы в основном на иностранцев, в нашем случае на студентов из Китая. Особенностью таких словарей является экспликация тех единиц, которые носителям языка понятны и в комментировании не нуждаются, но могут быть неадекватно восприняты носителями другой лингвокультуры.

Главные принципы описания лингвистического материала в лингвокультурологических словарях в основном сформированы: в качестве объекта описания должен выступать лингвистический материал, должен соблюдаться принцип эффективности описания, полноты и простоты, объективности анализа [Зиновьева 2010: 85].

Кроме того, словарная статья такого словаря должна отвечать целому ряду требований, а именно: учебный словарь лингвокультурологического

типа должен строиться на основе совмещения алфавитного и тематического принципов, включать в себя результат проведенного лингвокультурологического анализа, в описании должны учитываться смысловые лакуны культуры, на которую ориентирован данный словарь [Никитина 2013; Зиновьева 2010].

Мы предлагаем следующую модель словарной статьи линвокультурологического учебного словаря, ориентированного на носителей китайского языка:

В соответствии с тематическим принципом построения словаря предлагается ввести следующие рубрикаторы: **КРАСОТА, УРОДСТВО,** которые набираются полужирным прямым шрифтом. Под тематическим рубрикатором в алфавитном порядке, полужирным прямым курсивом, помещаются наименования подрубрик: ***БОРОДА, ВОЛОСЫ, ГЛАЗА, КОСА, ФИГУРА, РОСТ; КРАСОТА – УМ; КРАСОТА – ДОБРОТА; КРАСОТА – ХАРАКТЕР.*** Под рубрикаторами подрубрик помещаются словарные статьи, включающие несколько зон.

Первая зона содержит пословицу (-ы) – заголовочную единицу, которая набирается светлым курсивом строчными буквами: *По бороде – Авраам (Абрам), а по делам – Хам (хам, дьявол).* В круглых скобках даются лексические варианты паремий. При заголовочной единице даются функционально-стилистические пометы (книжн., прост., шутл., неодобр.). Например: *По бороде – Авраам (Абрам), а по делам – Хам (хам, дьявол) – книжн., неодобр.* Пометы набираются светлым курсивом, строчными буквами.

Вторая зона содержит сведения об аксиологической ценности/антиценности пословичных единиц: *Положительная аксиологическая оценка/Отрицательная аксиологическая оценка.* Если есть возможность объединить паремии в микрогруппы внутри аксиологической оценки, вводятся дополнительные маркеры.

Аксиологическая характеристика необходима, поскольку, во – первых, она не всегда лежит на поверхности, часто она выражена имплицитно; во-вторых, аксиологический вектор оценки паремии может изменяться с положительного на отрицательный (или нейтральный) в результате смены коллективных убеждений, изменений исторической ситуации в стране. Для иностранного читателя, а иногда и для носителя языка, эта смена остаётся незамеченной и может привести к коммуникативным неудачам.

Третья зона является зоной семантизации паремийных единиц, даётся описательное толкование значения пословицы (набирается прямым шрифтом без выделения). Так для пословицы *По бороде – Авраам, а по делам – Хам* толкование может быть следующим ‘внешность бывает обманчива; о благопристойно выглядящем, но непорядочном, подлом человеке’. В зону толкования может быть включена интенция, выраженная паремией, в данном случае это выражение может служить предостережением кому-либо или характеристикой субъекта.

В зону семантической характеристики единицы мы включаем и ментальную установку культуры, которая в данном случае может быть выражена как: не суди человека по внешнему виду, суди по его делам.

В четвёртой зоне находится культурологический комментарий, выработанный в результате лингвокультурологического анализа группы паремий [Ли Вэньжуй 2018], который в словарной статье может выглядеть следующим образом:

«Для средневековой Руси вопрос ношения бороды был крайне важным. Этому способствовал особый уклад жизни, в котором борода считалась символом приверженности вере, свидетельством чести и предметом гордости. В X веке Русь принимает Крещение. Православная Церковь ещё более утвердила народную традицию ношения бороды и освятила этот обычай, вследствие чего борода делается символом одновременно и русской веры и русской национальности. Мужское лицо без бороды служило

символом греха. Порицание бритья бороды и усов вызывалось, помимо приверженности к старине, еще и тем, что бритье бород и усов ассоциировалось с пороком мужеложства, стремлением придать своему лицу женский облик.

Бороды на Руси начинают брить при царе Петре I. Русь XYII столетия оставалась «бородатой» в то время как ее царь Петр I никогда не носил бороды и считал стародавний русский обычай смешным» [Ли Вэньжуй 2018: 328].

Культурологический комментарий должен отвечать принципам эффективности описания, полноты и простоты, четкости и краткости.

В пятой зоне даётся лингвострановедческий комментарий отдельных слов паремий. Например, в приведенной пословице необходимо дать краткий комментарий словам Авраам и Хам, которые являются атрибутами христианской религии, которая не принята в Китае

**АВРААМ**. *Библ.* Родоначальник еврейского народа, сын Фарры из рода Сима, отец Исаака; по повелению Бога должен был принести сына в жертву, но в момент жертвоприношения был остановлен ангелом [ТЭС 2006: 32].

Библейский АВРААМ – символ смирения и почтительного отношения к Богу.

**ХАМ**. *Библ***.** В библейской мифологии сыновья Ноя, от которых после всемирного потопа “населилась вся земля”. Хам был проклят богом за то, что насмеялся над наготой опьяневшего отца, и обречен на рабство [БЭС 1993: 1209].

Библейский ХАМ – символ непочтительности, грубости и глупости. Имя собственное в русском языке стало нарицательным: любого человека, который ведёт себя недостойно называют хамом.

Шестая зона – зона иллюстраций: 1. «Да поры, до времени, был Шемяка и прост, да лихоимства не знал; а в знать и силу попал, так и пустился во всякие художества: *по бороде да по словам Авраам, а по делам – Хам*» (В.И. Даль. Сказка о Шемякином суде и о воеводстве и о прочем (1857))

[НКРЯ: https://www.litprichal.ru/slovari/michelson/]. 2. Поглядеть на тебя с бороды, как есть Авраам, а на деле сосновый чурбан... (П.И. Мельников. В лесах) [НКРЯ: https://www.litprichal.ru/slovari/michelson/].

В Седьмой зоне продолжается семантизация паремии путём приведения её синонимов, а в лингвокультурологическом плане – это единицы, имеющие такую же ментальную культурную установку, что и заголовочная единица: *Борода апостольская, а усок дьявольский; Хоть с бородой да с усами, да не Сусанин; По бороде Никола, а по зубам – собака; По бороде хоть в рай, а по делам – ай, ай; Борода – то Минина, а совесть – то глиняна; Ладанка на вороту, а черт на шее.* Эта зона является факультативной, поскольку не все единицы обладают данной характеристикой. Паремии этой зоны набираются светлым курсивом.

Восьмая зона, включает единицы, соотносящиеся по значению, на китайском языке, она присутствует не всегда, так например, для интенции «внешность обманчива» в китайском языке существует целый ряд единиц: *Лик Бодхисаттвы* (мифологизированный персонаж буддийского пантеона) – *душа скорпиона 菩萨面，蝎子心; О человеке нельзя судить по лицу, равно как нельзя черпаком измерить море 人不可貌相，海水不可斗量; Тот, кто имеет лысую и круглую голову, не обязательно монах 光头圆脑不一定是和尚; Не гляди на лицо, человек с уродливым лицом не обязательно коварный 人不能看脸，恶貌不一定阴险; Лицо словно цветок персика, душа – ядовитый скорпион 面如桃花，心若毒蝎; Человек как вышитая подушка снаружи, как соломенный мешок внутри 绣花枕头一肚草包; Как золото и яшма снаружи, как гнилая вата внутри 金絮其外，败絮其中*. Паремии этой зоны набираются светлым курсивом.

Таким образом, предлагаемая нами статья учебного лингвокультурологического словаря, включает в себя следующие зоны:

заголовочная единица; зона аксиологической оценки; толкование заголовочной единицы; ментальная установка культуры; культурологический комментарий; лингвострановедческий комментарий отдельных слов – компонентов паремии; иллюстрации; китайские аналоги.

# ВЫВОДЫ

Методом сплошной выборки из словарей пословиц русского языка: «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Е.К. Николаевой, Т.Г. Никитиной; «Пословицы русского народа» В.И. Даля; «Народная мудрость. Русские пословицы» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной; «Пословицы. Поговорки. Загадки» А.Н. Мартыновой, Митрофановой и словаря пословиц китайского языка извлекались из «Большого словаря китайских пословиц» Уэнь Дуаньчжэн, нами было отобрано 610 русских и 465 китайских пословицы, которые верифицировались с помощью опроса и анкетирования. Через опрос и анкетирование определилось 65% единиц, которые могут быть использованы в списке для лингвокультурологического описания. Потому что в случае незнания самой единицы, информантам была понятна вербализованная пословицей культурная установка. Единицы, которые понятны большинству информантов, на том основании, что «не только живые, но и архаичные паремии, выражая устаревшие знания о мире, способны отражать неизменившиеся черты менталитета народа», были отобраны для анализа. [Иванова 2006: 50]. На основании критерия выделения культурной установки мы объединили пословицы в 25 тематических групп. В результате анализа данного материала мы пришли к следующим выводам.

Паремии двух сопоставляемых языков способствуют выявлению стереотипов в менталитете того или иного народа. Внешность человека, при помощи паремий, описывается на противопоставлении красоты и уродства.

Сравнение стереотипов красоты и уродства дает возможность увидеть как сходства, так и различия в картинах мира русского и китайского языкового сообщества. В обеих культурах выше оценивается внутренняя красота человека, чем внешняя: *Краса приглядится, а ум вперёд пригодится; Не гляди на красоту, а спрашивай доброту; 美貌而无美德，犹如不香的花 Красивое лицо без прекрасных качеств, как цветы без запаха.*

К различного рода уродствам, увечьям, недостаткам пословица относит то, что настораживает, вызывает опасения. Над недостатками нельзя смеяться: *Рожа кривая, да совесть прямая; Не смейся слепому и хромому, чтоб не быть самому такому; Над горбом не смейся, сам сгорбишься; 短小却精悍 Ростом невысок, да отважен;见着秃子不讲疮，见着瞎子不讲光 Когда видишь лысого, не говори о нарывах; когда видишь слепого, не говори о свете.* Идеал привлекательной внешности в двух странах на материале паремий – это гармония внешней и внутренней красоты: *У преданного сердца прекрасные глаза; 腹有诗书气自华 В животе есть книги и стихи внешность естественно изящная и блестящая.*

Описание внешности в русских и китайских паремиях носит условно-символический характер, в семантических моделях используются коды культуры. Соотношение с кодами культуры происходит путём интерпретации пословицы через ключевое слово единицы: соматизм, зооним, фитоним.

125 русских и 105 китайских паремии с компонентами – соматизмами создают внешность человека. Соматизмы мы понимаем как «единицы русского языка, соотносимые с телом и телесностью» [Козыренко, Крейдлин 2011: 55] как «название частей тела человека и их составляющих (голова, нога, палец, рука), всех органов и их элементов (глаз, нос, кровь, сердце), продуктов жизнедеятельности человека (слёзы, пот, слюна, желчь), частей скелета (кость, череп, хребет, колено), роговых образований на теле человека (волос, зуб, ноготь, щетина) [Занковец 2006: 77]. Наиболее многочисленными, наполненными (при описании внешности человека) в обоих языках являются группы паремий с компонентом – волосяной покров.

*Коса* в русской наивной картине мира – это не только красивые длинные волосы, но и знак языка, который становится знаком культуры – вербальным, оязыковленным символом внешности молодой красивой русской девушки в средневековой Руси: *Коса – девичья краса*.

Паремий с компонентом *коса* в китайском языке нам обнаружить не удалось. При описании женской внешности используется соматизм *волосы*.

Символика компонента *борода* частично совпадает в двух лингвокультурах: борода – это символ взросления, крепкого здоровья и гордости мужчины.

Лакунарными для китайской лингвокультуры являются паремии, в которых *борода* является символом христианской веры (в Китае исповедуется буддизм): *Брить бороду – портить образ Христов* или, если в паремиях используются имена деятелей русской культуры (Минин, Сусанин): *Бородка Минина, а совесть глиняна*; *С бородой и с усами, да не Сусанин*.

В китайской лингвокультуре аксиологический вектор паремий с компонентом *борода* всегда оставался положительным, в то время как в русском языке, в силу ряда исторических событий и смены коллективных убеждений, аксиологический вектор этих паремий менялся: от положительного к отрицательному.

85 русских и 75 китайских паремии с компонентами – зоонимами описывают внешность человека. Наиболее многочисленными, наполненными (при описании внешности человека) в обоих языках являются группы паремий с компонентом – орнитонимом.

Орнитологические биномы *орёл – тетерев; орёл – филин; сокол – ворона; пава – ворона* отражают стереотипы красоты и уродства в русской лингвокультуре, сложившиеся в народном сознании, содержат аксиологическую оценку, формируют культурную коннотацию паремий. Положительный полюс аксиологической оценки в русских пословицах при описании внешности человека формируют орнитонимы *орёл, сокол, пава*, отрицательный полюс – *тетерев, сыч, филин, сова, ворона: Видом орёл, умом – тетерев; Видом сокол, голосом ворона.*

Положительный полюс аксиологической оценки в китайских пословицах при описании внешности человека формируют орнитонимы *феникс, журавль,*

*ласточка;* отрицательный полюс – *ястреб, ворона.*

Очевидно, что набор орнитонимов в составе паремий в двух языках не совпадает. Набор орнитонимов в составе русских паремий является лакунарным для китайской лингвокультуры. Эти единицы не используются в китайских паремиях для описания внешности человека, эти птицы и их названия вызывают другие ассоциации, отличные от ассоциаций, возникающих в русском языке, и имеют другую аксиологическую ценность в китайской лингвокультуре.

73 русских и 98 китайских паремии с компонентами – фитонимами формируют внешность человека.

В русских пословицах для описания внешности человека используются названия овощей, зёрен (морковь, горох, репа). Эти паремии отражают антиценность *уродство* и, как правило, имеют отрицательные коннотации: *У него на лице черти горох молотили*.

Китайские паремии с компонентом – фитонимом репрезентируют ценность *красота* и практически всегда положительно окрашены.

В китайской и русской ПКМ возраст является важным признаком внешности. Старость обычно описывается через паремии с кодом – зоонимом, а молодость – с кодом фитонимом. В китайском языке есть описание красивой старости (мужской): 鹤发童颜 *Журавлиные волосы, лицо ребёнка* – ‘о старом человеке: хоть и стар, но молод душой’; 鹤发松姿 *Волосы журавля, вид сосны* – ‘о здоровом старике’.

В русском языке описания красивой старости ни мужской, ни женской обнаружить не удалось.

В двух ПКМ при описании внешности с фитонимом – названием цветов обычно имеет положительную оценку.

Лингвокультурологический комментарий – это описание образности ключевых компонентов паремий; определение их аксиологической ценности; соотнесение паремий с кодами культуры (зооморфным, растительным, соматическим) с целью вычленения культурной коннотации пословиц и

поговорок.

Орнитонимы, фитонимы, так же как соматизмы, являются той частью паремии, к которой прикрепляется культурно-национальная информация, коннотативное созначение, аксиологическая оценка.

Предлагаемая нами статья учебного лингвокультурологического словаря, включает в себя следующие зоны: заголовочная единица; зона аксиологической оценки; толкование заголовочной единицы; ментальная установка культуры; культурологический комментарий; лингвострановедческий комментарий отдельных слов – компонентов паремии; иллюстрации; китайские аналоги.

# ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешность человека можно причислить к ключевым понятиям культуры, традиционно связанными с такими концептами как *красота*, *уродство*, *ум*, *доброта*, *труд* и т.п., и весьма важным в языковой и культурно-понятийной картинах мира, поскольку в каждой культуре постепенно формируются четкие суждения о человеке, собственные представления о мире и нормах существования в нем.

Паремий с компонентом «внешность» не встречается ни в русском, ни в китайском языках.

В двух лингвокультурах наиболее актуальным признаком внешности является противопоставление понятий *красота* (‘красивая внешность’) – *уродство* (‘отталкивающая, некрасивая внешность’). Описание внутреннего мира человека доминирует над описанием внешности, при этом наблюдается взаимосвязь внешних характеристик человека с его внутренним миром. Из двадцати пяти выделенных нами тематических групп только в восьми группах речь идёт собственно о внешности человека (борода, телосложение, худоба, полнота и т.д.), в остальных семнадцати группах красота/уродство человека определяются через душевные качества, интеллект, отношение к труду.

Модель и структура словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря по теме «Внешность человека», адресованного иностранным учащимся, включает в себя результат проведенного лингвокультурологического анализа, в описании учитываются смысловые лакуны, аксиологический вектор, стереотипы культуры, на которую ориентирован учебный словарь.

Аксиология в данной работе понимается как наука о человеческих ценностях и антиценностях [Байрамова 2011]. Человеческие ценности

формируют оценку паремии, они являются фундаментом культурно – коннотативной основы этих единиц. Отношение к одним ценностям не меняется веками и остаётся либо положительным (ум, здоровье, счастье, доброта), либо всегда отрицательным (глупость, болезнь, горе, ненависть, злобность, сварливость), что и проявляется в пословицах любого языка.

Социум влияет на формирование отношения к ценностям: изменение общественного сознания влечет за собой изменения аксиологической оценки паремии. Аксиологический вектор паремий в обоих языках может быть положительным, отрицательным и изменяющимся. Аксиологическая оценка паремий зависит от стереотипного представления, символьного значения эталона паремий в национальной языковой картине мира.

Внешность человека представлена в русской и китайской паремийных картинах мира а) символами и стереотипами; б) набором постоянных биномов, репрезентирующих аксиологические ценности и антиценности, такие как: *красота – болезнь; красота – старость; красота – глупость*; ценности народа в пословицах оцениваются положительно, антиценности – отрицательно; на протяжении веков меняется представление о ценностях, меняется и коннотативная оценка того или иного объекта в паремиях (пословицы с компонентом *борода*); аксиологический вектор в пословицах может быть постоянным (положительным или отрицательным) и изменяющимся.

Орнитологические биномы (*орёл – тетерев; орёл – филин; сокол – ворона; пава – ворона*) отражают стереотипы красоты и уродства, сложившиеся в народном сознании, содержат аксиологическую оценку. Положительный полюс коннотации в русских пословицах при описании внешности человека формируют орнитонимы *орёл, сокол, пава,* отрицательный полюс – *тетерев, сыч, филин, сова, ворона.*

Для соотношения с кодами культуры использовались данные лингвистических, энциклопедических, лингвокультурологических, этнолингвистических словарей, опросы носителей языка.

Местом прикрепления культурной коннотации является в паремии компонент – орнитоним (соматизм, фитоним и т.д.), поскольку именно он аккумулирует представление о символическом значении паремийного бинома.

Фитонимические биномы, при описании именно внешности человека на материале паремий, нами не зафиксированы.

Соматические биномы немногочисленны (*борода – голова, борода – ум, борода – трава*) и не несут дополнительной информации о внешности человека. Паремии с компонентом *борода* дают богатый материал для описания изменяющегося аксиологического вектора (и коннотативной окраски единиц) и уточнения толкования этих пословиц в учебном лингвокультурологическом словаре.

Лингвокультурологический комментарий включает описание аксиологического вектора паремий, описание соотнесение паремий с кодами культуры (в частности с зооморфным, растительным, соматическим) с целью вычленения культурной коннотации пословиц и поговорок, выявления и описания лингвокультурологических лакун в двух языках.

Русские и китайские пословицы о *внешности человека*, имеют как существенные типологические черты сходства, так и национально-культурные особенности, а также лакунарные области.

Внешность человека, описанная с помощью пословиц, представляет собой важный фрагмент русской языковой картины мира, которая отражает стереотипные представления носителей русского языка.

Выявление общего и специфического в русских и китайских пословицах, описывающих внешность человека, и теоретического осмысления их в аспекте проблемы взаимосвязи языка и культуры способствует более глубокому пониманию национального мировосприятия, отраженного в языковой картине мира, что является, на наш взгляд, интересным и перспективным.

# СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ


1. Абышева, Е.М. Концептуальные инверсии : концепт “чудо”: на материале русских и ирландских пословиц, поговорок и сказок : дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Абышева; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2008. – 222 с.
2. Абыякая, О.В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: дис. … канд. филол. наук / О.В. Абыякая; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2003. – 240 с.
3. Аверинцев, С.С. Заметки к будущей классификации типов символа / С.С. Аверинцев. – Москва: Наука, 1985. – 400 с.
4. Аксаков, И.С. Сочинения И.С. Аксакова. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860-1886: Ст. из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» / И.С. Аксаков. – 2-е изд. – Т. 3. – Санкт-Петербург: Издание Императорской публичной библиотеки, 1900. – 570 с.
5. Аксенова, Е.Д. Лингвокультурологический анализ концептосферы “здоровье человека” в русской паремиологии : дис. ... канд. филол. наук / Е.Д. Аксенова; Рос. ун-т. дружбы народов. – Москва, 2007. – 260 с.
6. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – Москва: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
7. Алефиренко, Н.Ф., Семененко, Н.Н. Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 334 с.
8. Алёшин, А.С. Устойчивые сравнения шведского языка: лингвокультурологический аспект / А.С. Алёшин. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. – 260 с.

9. Алимжанова, Г.М. Сопоставительная лингвокультурология : взаимодействие языка, культуры и человека / Г.М. Алимжанова. – Алматы, 2010. – 300 с.
10. Алпатов, В.М. Об антропоцентрическом и семантикоцентрическом подходе к языку / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.
11. Амна, Ахмед Абдалла. Национально–культурное своеобразие русской и арабской фразеологии : На материале перевода художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Амна Ахмед Абдалла; Гос. ун-т русского языка им. А. С. Пушкина. – Москва, 1998. – 24 с.
12. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка / Ю.Д. Апресян. – Москва: Языкознание, 1995. – 472 с.
13. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – Москва: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 25–30.
14. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Яз. рус. культуры, 1999. – 895 с.
15. Байрамова, Л.К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка: словарь ценностей и антиценностей / Л.К. Байрамова. – 2-е изд. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 371 с.
16. Баллы, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва: Иностр. лит., 1961. – 392 с.
17. Бао, Хун. Экспрессивные средства русского синтаксиса в структуре текста / Бао Хун. – Москва: Моск. ун-та, 2003. – 252 с.
18. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Аспекты теории фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – Москва: Знак, 2008. – 656 с.
19. Барахов, В.С. Литературный портрет: (Истоки, поэтика, жанр) / В.С. Барахов. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985. – 312 с.
20. Барли, Н. Структурный подход к пословице и максиме / Н. Барли // Паремиологические исследования : сб. ст. – Москва : Наука, 1984. – 214 с.

21. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974. – 448 с.
22. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – Москва : Индрик, 2007. – 600 с.
23. Благова, Г.Ф. Пословица и жизнь : Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе / Г.Ф Благова. – Москва : Вост. лит., 2000. – 221 с.
24. Бодянский, О.М. О народной поэзии славянских племен / О.М. Бодянский. – Москва, 1837. – 38 с.
25. Болдырев, Н.Н. Концепт и значение слова / Н.Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : ВорГУ, 2001. – С. 25–35.
26. Бондарь, Н.И., Лутин, С.А. Как спросить? Как сказать? : Пособие по развитию речи для изучающих русский язык как иностранный / Н.И Бондарь, С.А. Лутин. – 3-е изд., стер. – Москва : Рус. яз. Курсы, 2014. – 256 с.
27. Борисова, Л.В. Национальный идеал женской красоты как объект лингвокультурологического исследования / Л.В. Борисова // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры : сб. ст. по мат-лам. Всеросс. науч. конф. – Чебоксары : Чуваш. ун-т, 2015. – С. 60–65.
28. Бочина, Т.Г. Русская пословица как диалог времен / Т.Г. Бочина // Русское слово в мировой культуре : Мат-лы X Конгресса МАПРЯЛ. Пленарные заседания : сб. докладов. В 2 т. – Санкт-Петербург : СПБГУ, 2003. – Т. 1. – С. 46–54.
29. Будагов, Р.А. Человек и его язык / Р.А. Будагов. – Москва : Изд-во МГУ, 1974. – 262 с.
30. Бутромеев, В.П. Мифы и легенды древних славян / В.П. Бутромеев. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 448 с.
31. Вальтер, Х., Мокиенко, В.М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : Нева, 2005. – 576 с.

32. Вдовина, О.А. Функционально-семантическая дифференциация синонимических и паронимических единиц в лексической системе русского языка (на материале лексико-семантического поля «человек») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Вдовина; – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2011. – 16 с.
33. Вилинбахова, Е.Л. Материалы к курсу лекций «Лингвистическое изучение стереотипов»: учебно-методическое пособие / Е.Л. Вилинбахова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2015. – 72 с.
34. Вильямс, К.А. Энциклопедия восточного символизма : пер. с англ. / К.А. Вильямс / – Москва : Золотой Век, 1996. – 432 с.
35. Воркачев, С.Г. Концепт как «зонтиковый» термин / Воркачев С.Г. // Язык, сознание, коммуникация. – Москва : МАКС Пресс, 2003. – Вып. 24. – С. 5–12.
36. Воркачев, С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – Москва: Гнозис, 2007. – 288 с.
37. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – Москва: Гнозис, 2004. – 236 с.
38. Воробьев, В.В. К понятию русской языковой личности / В.В. Воробьев // Язык и культура: Учебное пособие по спецкурсу / Отв. ред. Л.Г. Саяхова. –Уфа : Башк. гос. ун-т, 1995. – С. 86–96.
39. Воробьев, В.В. Лингвокультурология : теория и методы / В.В. Воробьев. – Москва : Рос. ун-т дружбы народов, 1997. – 331 с.
40. Воробьев, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – Москва : Рос. ун-т. дружбы народов, 2006. – Фрагмент книги : сс. 1-112.
41. Воробьев, В.В. Лингвокультурология в кругу других гуманитарных наук / В.В. Воробьев // Русский язык за рубежом. – Братислава, 1999. – № 2. – С. 76–82.
42. Воробьев, В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультуроведении / В.В. Воробьев // Слово и текст в диалоге культур. – Москва : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2000. – 243 с.

43. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – Москва : Международные отношения, 1977. – 264 с.
44. Гвоздев, А.Н. Очерки по стилистике русского языка : учеб. пособие / А.Н. Гвоздев. –3-е изд. – Москва : Просвещение, 1965. – 408 с.
45. Генон, Р. Заметки об инициации / Р. Генон // Символика креста : пер. с франц. Т.М. Фадеевой и Ю.Н. Стефанова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2008. – 704 с.
46. Глазунова, О.И. Давайте говорить по-русски : учеб. пособие по рус. яз. для иностранцев / О.И. Глазунова. – 5-е изд. – Москва : рус. яз., 2003. – 336 с.
47. Го, Фулян., Хань, Цзинчи. Сопоставительный анализ образов животных в русских и китайских паремиях / Го Фулян, Хань Цзинчи // Восток-Россия-Запад: проблемы международной коммуникации. – Самара, 2004. – С.71–73.
48. Гоголицына, Н.Л. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики лица в русском языке в сопоставлении с английским : дис. ... канд. филол. наук / Н.Л. Гоголицына. – Ленинград, 1979. – 198 с.
49. Голосовкер, Я. Эмпедокл из Агригента − философ V века эры язычества (до Р. Х.) / Я. Голосовкер // Гёльдерлин Ф. Смерть Эмпедокла. – Москва; Ленинград: Academia, 1931. – С. 114–127.
50. Гольшух, И.П. Пословицы, поговорки и изречения, или Народная мудрость на трех языках: русском, французском и немецком : С прибавлением некоторых на лат. яз. / Сост. И.П. Гольшух. – Казань : тип. Имп. ун-та, 1887. – 103 с.
51. Григас, К.И. Методологические вопросы сравнительного изучения балтийских и славянских пословиц / К.И. Григас. – Вильнюс : Академия наук Литовской ССР, 1978. – 29 с.
52. Гудков, В.П. Стереотип России и русских в сербской литературе / В.П. Гудков / Вестн. Моск. ун-та. Сер. филологическая. – 2001. – № 2. –

С. 20–24.

53. Гудков, Д.Б., Ковшова, М.Л. Телесный код русской культуры : мат-лы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2007. – 288 с.
54. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт : пер. с нем. под ред., с предисл. [с. 5-33, и примеч.] Г.В. Рамишвили. – Москва, Прогресс, 1984. – 397 с.
55. Дандис, А. О структуре пословицы (перевод статьи : On the structure of the Proverb // «Proverbium». 1975. № 25. S.961–973) / А. Дандис // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). – Москва : Наука, 1978. – С. 24–25.
56. Добровольская, Е.В. Идиоматика “мысли семейной” в русской и английской языковых картинах мира / Е.В. Добровольская // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 195–203.
57. Долгополов, Ю.А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии : (На материале рус., англ. и нем. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Долгополов; Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова. – Казань, 1973. – 27 с.
58. Дормидонтова, О.А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) / Дормидонтова О.А. / Вестн. ТГУ. – 2009. – Вып. 9 (77). – С. 201–205.
59. Дроздов, А.В. Признаки описания бровей, используемые при составлении словесного портрета / А.В Дроздов // Мат-лы девятой междунар. науч.-практическая конф. : Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – Барнаул, 2011. – С. 42–43.
60. Дубровская, О.Г. К проблеме отражения национального самосознания в пословично-поговорочном фонде русского и английского языков / О.Г. Дубровская // Лингвистические аспекты речевой культуры : сб. науч. ст. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2000. – С. 27–34.
61. Ефремова, Н.И. Лексико-тематические группы в составе паремий и

степень их разнообразия / Н.И. Ефремова // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах : мат-лы IV Междунар. науч. конф. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2005. – С. 15–18.

62. Жигулев, А.М. Русские пословицы и поговорки / А.М. Жигулев. – Москва: Наука, 1969. – 448 с.
63. Жуков, В.П. Искусство слова в пословицах и поговорках / В.П. Жуков // Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стер. – Москва: Рус. яз., 2000. – 544 с.
64. Занковец, А.А. Влияние деривационной активности слова на его фразеологическую активность (на примере ЛСГ «соматизмы») / А.А. Занковец // Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской: сб. мат-лов всероссийской науч. конф. – Курган : КГУ, 2006. – С. 77–78.
65. Зиновьва, Е.И. Лингвокультурография в теории и практике РКИ / Е.И. Зиновьва // Русский язык и литература в современном гуманитарном общеобразовательном пространстве: мат-лы докл. и сообщений Междунар. XY науч.-методической конф. – Санкт-Петербург : СПГУДТ, 2010. – С.126–133.
66. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология. От теории к практике : учеб. пособие / Е.И. Зиновьева. – Санкт-Петербург: СПбГУ, Нестор-История, 2016. – 182 с.
67. Зиновьева, Е.И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного / Е.И. Зиновьева. – Санкт-Петербург, 2005. – 88 с.
68. Зиновьева, Е.И. Русская ментальность в зеркале языка : учеб. пособие / Е.И. Зиновьева. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. – 95 с.
69. Зиновьева, Е.И. Теоретические проблемы лингвокультурологического и лингвокультурографического описания русских паремий / Е.И. Зиновьева. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 47–50.

70. Зиновьева, Е.И., Маточкина, А.Е. Лингвокультурографический аспект изучения русских паремий (на материале пословиц с компонентом вода) / Е.И. Зиновьева, А.Е. Маточкина // Русский язык как иностранный и методика его преподавания: сб. науч. тр. – Вып. 28. – Санкт-Петербург : РОПРЯЛ, 2017. – С. 29–34.
71. Зиновьева, Е.И., Пи, Дзянькунь. Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) / Е.И. Зиновьева, Пи Дзянькунь // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 1 (7). – С. 18–24.
72. Зиновьева, Е.И., Юрков, Е.Е. Лингвокультурология : Теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – Санкт-Петербург : МИРС, 2009. – 291 с.
73. Иванова, Е.В. Лексикология и фразеология современного английского языка / Е.В. Иванов. – Санкт-Петербург: Филол. факультет СПбГУ; Москва : Академия, 2011. – 352 с.
74. Иванова, Е.В. Мир в английских и русских пословицах : учеб. пособие / Е.В. Иванов. – Санкт-Петербург: филол. факультет СПбГУ, 2006. – 280 с.
75. Иванова, Е.В. Пословичные картины мира: (На материале англ. и рус. пословиц) / Е.В. Иванов. – Санкт-Петербург: филол. факультет СПбГУ, 2002. – 155 с.
76. Калмыкова, Е.Л. Паремиологическая картина мира как часть языковой картины мира и категория лингвокультурологии / Е.Л. Калмыкова / Иностранные языки в контексте культуры. – Пермь, 2011 – С. 286–288.
77. Карасик, В.И. Речевая коммуникация: дискурсивный аспект / В.И. Карасик // Грани познания. – 2013. – № 1. – С. 23–33.
78. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : моногр. / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
79. Карасик, В.И., Слышкин, Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 75–80.

80. Караулов, Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности : моделирование состояния и функционирования / Ю.Н. Караулов. – Москва: Азбуковник, 2009. – 336 с.
81. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – 1-е изд. – Москва: Наука, 1987. – 264 с.
82. Касарес, Х. Введение в современную лексикографию : пер. с исп. / Х. Касарес. – Москва: Иностр. лит., 1958. – 354 с.
83. Кассирер, Э. Философия символических форм : 3 т. / Э. Кассирер. – Т. 1. – Москва, С.-Петерб.: Ун. Книга, 2002. – 272с.
84. Кацюба, Д.В. Духовная культура телеутов / Д.В. Кацюба. – Кемерово, 1993. – 192 с.
85. Кириллова, Н.Н. К вопросу о стереотипах во фразеологии / Н.Н. Кириллова. / Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2002. – № 2. – С. 129–140.
86. Клоков, В.Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода / В.Т. Клоков // Теоретическая и прикладная лингвистика. Язык и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2000. – Вып. 2. – С. 60–67.
87. Ковалевская, Л.А. Внутренняя форма как источник семантической мотивации и культурной коннотации фразеологизмов русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Ковалевская; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2010. – 21 с.
88. Ковшова, М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М.Л. Ковшова // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – Москва, 2008. – Т. 67. – № 2. – С. 60–65.
89. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры / М.Л. Ковшова. – Москва: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.

90. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М.Л. Ковшова. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. – 456 с.
91. Ковшова, М.Л. Пищевой код в культуре и во фразеологии / М.Л. Ковшова // Тезисы докл. V Междунар. конф. : Язык, культура, общество (24-27 сентября 2009). – Москва : Моск. ин-т иностр. яз, 2009. – Т. 1. – С. 164–165.
92. Ковшова, М.Л. Символ в семантике фразеологизмов: опыт исследования / М.Л. Ковшова // Вопросы филологии. – Москва, 2008. – № 2. – С. 19–29.
93. Ковшова, М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах / М.Л. Ковшова. – Москва: ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.
94. Ковшова, М.Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов : лингвокультурологический подход / М.Л. Ковшова // Филология и культура. – 2014. – № 4. – С. 115–120.
95. Ковшова, М.Л. Телесный код русской культуры : мат-лы к словарю / М.Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2007. – 288 с.
96. Ковшова, М.Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретические и методологические основы исследования / М.Л. Ковшова // Вопросы филологии. – Москва, 2006. – № 3. – С.6–12.
97. Козина, Н.О. Лингвокультурологический анализ русского концепта “грех”: на материале лексических, фразеологических и паремических единиц : дис. ... канд. филол. наук / Н.О. Козина; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2003. – 144 с.
98. Козыренко, А.Д., Крейдлин, Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела / А.Д Козыренко, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 2011. – № 6. – С. 54–66.
99. Койранская, Е.А. Разностороннее изучение паремий в русской и зарубежной лингвистике / Е.А. Койранская // Вестн. Орлов. гос. ун-та. –

Оренбург : ОГУ, 2011. – С. 257–259.

100. Кокаре, Э.Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках / Э.Я. Кокаре. – Рига : Зинатне, 1978. – 294 с.

101. Комлев, Н.Х. Слово в речи: денотативные аспекты / Н.Х. Комлев. – Москва: МГУ, 1992. – 214 с.

102. Коптякова, Е.Е. Германия в национальных стереотипах русских и американцев / Е.Е. Коптякова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2008. – Вып. (1) 24. – С. 129–132.

103. Копылова, В.Е. Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира / В.Е. Копылова // Лингвокультурология. – 2010. – № 4. – С. 89–93.

104. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с.

105. Коротун, О.В. Образ-концепт “внешний человек” в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Коротун; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2002. – 193 с.

106. Кравченко, А.И. Культурология учебное пособие для вузов / А.И. Кравченко. – 4-е изд. – Москва : Академический Проект, Трикста, 2003. – 496 с.

107. Красных, В.В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии / В.В. Красных // Русский язык за рубежом. – Москва, 2011. – № 4 (227). – С.60–66.

108. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В.В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с.

109. Крымская, М.Я. Семантический и лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значениемпроцесса речи в русском и французском языках : дис. … канд. филол. наук / М.Я. Крымская; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2005. – 334 с.

110. Кузнецова, Н.Н. Имена прилагательные, определяющие возраст и внешность персонажей русских народных сказок : дис. … канд. филол. наук / Н.Н. Кузнецова; Моск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Москва, 1997. – 254 с.

111. Купер, Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер – Москва : Золотой век, 1995. – 399 с.

112. Лаутенбах, Я.И. Очерки из литовско-латышского народного творчества. Опыт сравнительного изучения / Я.И. Лаутенбах. – Юрьев, 1915. – 415 с.

113. Левин, Ю.И. Провербиальное пространство / Ю.И. Левин // Паремиологические исследования. – Москва : Наука, 1984. – С. 108–126.

114. Ли, Вэньжуй. Лингвокультурологический комментарий как основной способ интерпретации паремий с компонентом-соматизмом при описании внешности человека / Ли Вэньжуй // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2 (80). – Ч. 2. – С.326–329.

115. Ли, Н.И. Речевые приёмы создания образов деятелей русской культуры в воспоминаниях И.А. Бунина : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н.И. Ли. – Санкт-Петербург, 2012. – 9 с.

116. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – Москва: Искусство, 1995. – 320 с.

117. Лукьянова, Н.А. Типология русских лингвистических словарей / Н.А. Лукьянова // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Сер. : история, филология. – Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2005. – Т. 3. Филология. – Вып. – 1. – С. 43–44.

118. Лю, Юнхун. Сравнительно-культурный анализ фразеологии русского и китайского языков / Лю Юнхун. – Ухань : пед. ун-т Хуачжун, 2002. – 257 с.

119. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики : моногр. / Г.И. Мальцев. – Ленинград : Наука, 1989. – 172 с.

120. Маркелова, Е.В. Когнитивно-семантическая структура имен деятельности : На материале русских пословиц о труде и лени : дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Маркелова; Том. гос. ун-т. – Томск, 2004. – 237 с.

121. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию : учеб. пособие / Маслова В.А. – Москва : Наследие, 1997. – 208 с.

122. Маслова, В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии : единство сакрального и светского / Маслова В.А. // Метафизика. – 2016. – № 4 (22). – С. 78–97.

123. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В.А. Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск :Тетра Система, 2008. – 272 с.

124. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.

125. Мачковская, Л.Я. Речевая организация композиционных компонентов и способы актуализации языковых средств в автобиографической повести В. Катаева “Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона” : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.Я. Мачковская; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2009. – 18 с.

126. Микешина, Л.А. Философия познания / Л.А. Микешина. – Москва : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

127. Мильбрет, А.А. Привлекательность / Непривлекательность внешнего облика человека в русской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук / А.А. Мильбрет; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2014. – 256 с.

128. Мирейла, Ахмади. Национально-культурная специфика русской фразеологии: С позиции носителя персидского языка : дис. ... канд. филол. наук / Мирейла Ахмади; Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. – Москва, 1999. – 214 с.

129. Моисеева, В.Л. Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / В.Л. Моисеева; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 1998. – 147 с.

130. Мокиенко, В.М. Вглубь поговорки: Рассказы о происхождении

крылатых слов и образных выражений / В.М. Мокиенко. – Москва : Просвещение, 1975. – 174 с.

131. Мокиенко, В.М. Пословицы в современной русской речи и жаргоне / В.М. Мокиенко // Пословицы русского субстандарта : мат-лы к словарю. – Эксперим : Greifswald, 2001. – С. 3–20.

132. Мокиенко, В.М. Проблемы славянской паремиологии / В.М. Мокиенко // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке. – Минск : Змицер Колас, 2010. – С. 167–188.

133. Мурзин, Л.Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах / Л.Н. Мурзин // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С. 7–13.

134. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – 2-е изд. перераб. и доп. – Моска : Высш. шк., 1987. – 288 с.

135. Наймушина, Т.А. Пословицы и поговорки в художественном тексте : дис. … канд. филол. наук / Т.А. Наймушина; Ленинградский ордене Ленина и ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград, 1984. – 210 с.

136. Натх, М.Р. Лексико-семантическая группа прилагательных русского языка со значением характеристики внешности человека : дис. … канд. филол. наук / М.Р. Натх; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – Москва, 1985. – 201 с.

137. Натхо, И.О. Лингвокогнитивные особенности прилагательных сквозь призму паремиологической картины мир / И.О. Натхо // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Лингвистика. – 2008. – № 2. – С. 37–44.

138. Нгуен, Тхань Ханг. Национально-культурная специфика русских афоризмов в сопоставлении с вьетнамскими : на материале обучения студентов-филологов : дис. ... канд. филол. наук / Нгуен Тхань Ханг; Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина. – Москва, 1999. – 173 с.

139. Неменский, Б.М. Мудрость красоты. О проблемах эстетического воспитания / Б.М. Неменский. – Москва, 1987.

140. Никитина, Т.Г. Проблемы лексикографической интерпретации новых русских паремий / Т.Г. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 12. – Ч. 1. – С. 158–160.

141. Николина, Н.А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студентов вузов / Н.А. Николина. – Москва: Академия, 2003. – 256 с.

142. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – Москва : Высш. шк., 1982. – 272 с.

143. Овчинникова, С.В. Лексико-семантическое поле внешности в соотношении с концептосферой внутреннего мира человека : дис. … канд. филол. наук / С.В. Овчинникова; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2001. – 201 с.

144. Ольшанский, И.Г. Лингвокультурология в конце XX в. : Итоги, тенденции перспективы / И.Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX в. : сб. обзоров. – Москва : ИНИОН РАН, 2000. – С. 26–55.

145. Опарина, Е.О. Язык и культура : сб. обзоров / Редкол. : Е.О. Опарина (отв. ред.) и др. – Москва : ИНИОН РАН, 1999. – Вып. 2. – 109 с.

146. Остринская, Н.Н. Синтаксические особенностиэкспрессивных средствхудожественного текста / Н.Н. Остринская / Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. – Волгоград, 2008. – С.76–80.

147. Павиленис, Р.И. Проблема смысла : современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – Москва : Мысль, 1983. – 286 с.

148. Панягин, А.А Стереотипы национальной культуры в межкультурном общении / А.А Панягин // Вестн. мордовского ун-та. – 2008. – № 3. – С. 67–73.

149. Пермяков, Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – Москва, 1968. – 376 с.

150. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. – 236 с.

151. Петрова, Л.А. Паремиологический минимум в лексиконе языковой личности современных учащихся : автореф. дис. канд. филол. наук / Л.А. Петрова; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2007. – 26 с.

152. Пи, Дзянькунь. Оппозиция правда – ложь в паремиологическом пространстве русского языка : лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук / Пи Дзянькунь; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2014. – 171 с.

153. Пименова, М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия) : дис. ... д–ра филол. наук / М.В. Пименова; Владимир. гос. пед. ун-т. – Санкт-Петербург, 2001. – 497 с.

154. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград, 2005. – Т.1. – 352 с.

155. Пименова, М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М.В. Пименова // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2013. – № 2 (52). – Т. 2.– С. 127–131.

156. Писарская, Т.Р., Якименко, Н.Е. Паремии с компонентом-фитонимом как объект лингвокультурологического описания / Т.Р. Писарская, Н.Е. Якименко // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков : сб. науч. ст. XXVII Междунар. науч.-практической конф. (23-24 июня 2017 г.). – Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2017. – С. 88–92.

157. Платон. Тимей. Собрание сочинений в 4 т.– Москва : Мысль, 1994. – Т. 3. – 654.

158. Полупан, К.Е. Формирование лингвокультурологической компетенции на материале паремий, репрезентирующих концепт «предостережение» : автореф. дис. ...канд. филол. наук / К.Е. Полупан; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2011. – 24 с.

159. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Мир человека и мир языка. Сер. : Концептуальные исследования. – Кемерово : Графика, 2003. – Вып. 2. – С. 6–17.

160. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2002. – 60 с.

161. Поставалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Поставалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С. 8–69.

162. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – 5-е изд. – Москва : ЛКИ, 2008. – 224 с.

163. Путягин, Г.А. О принципах организации групп слов в лексической системе : на материале имен существительных, называющих человека по возрасту, росту, степени физической силы и степени физической красоты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Путягин; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1975. – 22 с.

164. Рахмат, Ани. Концепт семья в русской паремике. Лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рахмат Ани; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2013. – 24 с.

165. Резвани, Ваджихе. Отражение красоты женщин в зеркале русских и персидских паремий / Резвани Ваджихе. // Вестн. Астрахан. гос. техн. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 89–93.

166. Рождественский, Ю.В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок / Ю.В. Рождественский // Паремиологический сб. – Москва : Наука, 1978. – С. 211–230.

167. Савенкова, Л.Б. Лингвокультурологический подход к созданию словаря русских паремий / Л.Б. Савенкова // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития рус. и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения) :

мат-лы. Междунар. науч. симпоз (21–22 мая 2004 г.). – Великий Новгород : Новгор. гос. ун-т им. Ярослва Мудрого, 2004. С. 86–90.

168. Савенкова, Л.Б. Пословица, поговорка и паремия как термины филологии / Л.Б. Савенкова // Филол. вестн. Рост. гос. ун-та. – 1997. – № 1. – С. 36–43.

169. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д. : Рост. гос. ун-т, 2002. – 239 с.

170. Савченко, В.А. Концепт «борода» в русских и немецких паремиях / В.А. Савченко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 44–49.

171. Савченко, В.А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира: дисс. …канд. филол. наук / В.А. Савченко; Кур. гос. ун-т. – Курск, 2010. – 245 с.

172. Садриева, Г.А. Устойчивые образные средства, репрезентирующие концепт «красота» в английском, русском и татарском языках : дисс. …канд. филол. наук / Г.А. Садриева; Татар. Гос. гуманитар. пед. ун-т. – Казань, 2007. – 209 с.

173. Селиверстова, Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект) : автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е.И. Селиверстова; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2010. – 47 с.

174. Селиверстова, Е.И. О Некоторых константах в паремике / Е.И. Селиверстова // Вестн. Новгор. гос. ун-та. – 2009. – № 54. – С. 66–70.

175. Селиверстова, Е.И. Пространство русской пословицы : постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова. – Санкт-Петербург : ООО «МИРС», 2009. – 270 с.

176. Сизова, К.Л. Типология портрета героя (на материале художественной прозы И.С. Тургенева) : автореф. дис. … канд. филол. наук / К.Л. Сизова; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1995. – 25 с.

177. Симонова, Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века : поэтика и типология жанра : учеб. пособие / Т.Г. Симонова. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2002. – 119 с.

178. Сираева, Р.Т., Фаткуллина, Ф.Г. Фразеологическая картина мира : основное содержание и признаки / Р.Т. Сираева, Ф.Г. Фаткуллина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – С. 568.

179. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 1999. – 432 с.

180. Старикова, Г.В. Лексика портретных описаний : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Старикова; Ленинградский ордене Ленина и ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград, 1985. – 16 с.

181. Стернин, И.А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений / И.А. Стернин // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – № 1. – С. 8–22.

182. Стернин, И.А., Попова З. Д. Язык и национальная картина мира / И.А. Стернин, З.Д. Попова. – Воронеж, 2002. – 60 с.

183. Тарланов, З.К. Русские пословицы : синтаксис и поэтика / З.К. Тарланов. – Петрозаводск : ПГУ, 1999. – 448 с.

184. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – Москва : Наука, 1988. – С. 173–204.

185. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языкка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – Москва, 1999. – С.13–24.

186. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва, 1996. – 477 с.

187. Телия, В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов –

знаков – микротекстов / В.Н. Телия // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 674–684.

188. Тер-Минасова, С.Г. Роль языка в формировании личности. Язык и национальный характер / С.Г. Тер-Минасова // Этносоциолингвистика : Хрестоматия. – Екатеринбург, 2004. – С. 241–249.

189. Токарев, Г.А. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке) : моногр. / Г.А. Токарев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 233 с.

190. Токарев, Г.В. Человек : стереотипы русской лингвокультуры : моногр. / Г.В. Токарев. – Тула : С-Принт, 2013. –102 с.

191. Уртминцева, М.Г. Жанр литературного портрета в русской литературе второй половины XIX века : генезис, поэтика, типология : дис. ... д-ра филол. наук / М.Г. Уртминцева; Нижегор. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2005. – 322 с.

192. Федотова, Т.Н. Лексико-семантическое поле красоты в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Т.Н. Федотова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1999. – 234 с.

193. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли (Четыре конкретной метафизики / П.А. Флоренский // Символ. – 1992. – Ч. 2. – № 28. – С. 123–216.

194. Фролова, О.Е. Пословица : ситуативность, синтаксис, референция / О.Е. Фролова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. : Филология. – 2007. – № 3. – С.31–46.

195. Фрумкина, Р.М. Психолингвистика : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – Москва : Академия, 2001. – 320 с.

196. Хавронина, С.А., Крылова, Н.Ю. Читаем и говорим по-русски : учеб. пособие / С.А. Хавронина, Н.Ю. Крылова. – Москва : Рус. яз. Курсы, 2007. – 128 с.

197. Хайдеггер, А.М. Бытие и время / А.М. Хайдеггер. – Москва, 1997. – 451 с.

198. Харитонова, Е.Ю. Трактовка понятия “символ” в лингвистике / Е.Ю. Харитонова // Электронный журнал : Вестн. Моск. гос. област. ун-та. – Москва, 2014. – № 1.

199. Хроленко, А.Т. Введение в лингвофольклористику : учеб. пособие / А.Т. Хроленко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 192 с.

200. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии : учеб. пособие / А.Т. Хроленко. – 5-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 184 с.

201. Худенцова, О.В. Особенности фразеологических единиц с флористическим компонентом : автореф. дис. … канд. филол. наук / О.В Худенцова. – Москва, 2008. – 216 с.

202. Цертелев, Н.А. Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений / Н.А. Цертелев. – Санкт-Петербург., 1820. – 35 с.

203. Чернейко, Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – Москва, 1997. – 319 с.

204. Чернышевский, Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности / Н.Г. Чернышевский // Полное собрание сочинений : в 15 т. – Москва : Гослитиздат, 1949. – Т. 2. – С. 5–92.

205. Чжан, Хун. Лексико-семантическое представление внешнего облика человека в современном русском языке в сопоставлении с китайским / Чжан Хун. – Санкт-Петербург, 2008. – 170 с.

206. Чурилина, Л.Н. Языковая личность в художественном тексте : моногр. / Л.Н. Чурилина. – 7-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2017. – 239 с.

207. Шаклеин, В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста Текст. / В.М. Шаклеин. – Москва : Общество любителей российской словесности, 1997. – 184 с.

208. Шипицина, Г.М., Семененко, Н.Н. Русская пословица : функции,

семантика, системность / Г.М. Шипицина, Н.Н. Семененко. – Белгород : Бел. гос. ун-т, 2005. – 172 с.

209. Щерба, Л.В. О задачах лингвистики / Л.В. Щерба // Вопрос. языкознания. – 1962. – № 2. – С. 98.

210. Щитов, А.Г., Мао, Чуньчао. Язык в культуре русских и китайских пословиц / А.Г. Щитов, Мао Чуньчао // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 8. – Ч. 2. – С. 211–215.

211. Юань, Лиин. Русские пословицы о воспитанности/невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка : лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук / Юань Лиин; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2016. – 241 с.

212. Юй, Фэнин. Устойчивые сравнения, характеризующие лицо человека, в русской языковой картине мира : на фоне китайского языка : дис. ... канд. филол. наук / Юй Фэнин; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2016. – 255 с.

213. Юнг, К.Г. Человек и его символы / К.Г. Юнг, М.Л. Франц, Дж. Хендерсон. – Москва : Медков С. Б., Серебряные нити, 2006. – 352 с.

214. Юрков, Е.Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии : моногр / Е.Е. Юрков. – Санкт-Петербург : Мир русского слова, 2012. – 254 с.

215. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – Москва : Деловые медия, 1996. – № 13. – С. 47–57.

216. Taylor, A. Problems in the study of proverbs / A. Taylor // The Journal of American Folklore. – Columbus : American Folklore Society, 1934. – Vol. 47. – №. 183. – P. 1–21.

217. Taylor, A. The Proverb / A. Taylor. – Cambridge : Harvard University Press, 1931. – 223p.

218. Westphal, Rudolf (Р. Вестфаль). Allgemeine Deutsche Biographie / Westphal, Rudolf. – Leipzig, 1897. – Bd. 42. – P. 205–216.

219. 杜文澜. 古谣谚. 北京商务出版社. 2008年.987页. (Ду, Венлан. Древние народные песни и речения / Ду Венлан. – Пекин : Бизнес издательство, 2008. – 987 с.)

220. 郭少宇. 谚语研究. 北京. 1921年. 192 页. (Го, Шаоюй. Исследоваие пословицы / Го Шаоюй. – Пекин, 1921. 192 с.

221. 黄俊峰，黄芳. 汉英成语中动物形象的文化对. 长春：吉林出版社. 2001年. 54页. (Хуан, Цзюньфэн, Хуан, Фан. Культурное сравнение образов животных во фразеологии китайского и английского языков / Хуан Цзюньфэн, Хуан Фан. – Чанчунь : Цзилинь, 2001. – 54 с.)

222. 孔子. 四书五经：礼记北京出版社. 2008 年. 1603 页. (Конфуций. Ли-Цзи (Трактат «четыре книги и пять канонов») / Конфуций. – Пекин, 2008. – 1603 с.)

223. 老子. 道德经. 北京出版社. 2007 年. 1123 页. (Лао-цзы. Дао дэ цзин (основополагающий трактат даосского учения) / Лао-цзы. – Пекин, 2007. – 1123 с.)

224. 刘大杰. 中国文学发展史. 上海：复旦大学出版社. 2007年. 898页. (Лю, Дацзе. История развития китайской литературы / Лю Дацзе. – Шанхай : Фуданский университет, 2007. – 898 с.)

225. 吕叔湘. «中国俗语大辞典»序. 语文研究. 1987年. 第3期. 第1-2页. (Люй, Шусян. Предисловие «Большому словарю китайских поговорок» / Люй Шусян // Исследование филологической науки. – 1987. – № 3. – С. 1–2.)

226. 马国凡, 马淑骏. 俗语. 呼和浩特：内蒙古人民出版社. 1998年. 608页. (Мо, Гофань, Мо, Шуцзюнь. Поговорка / Мо Гофань, Мо Шуцзюнь. – Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1998. – 608 с.)

227. 孟子. 孟子. 北京出版社. 2005 年. 887 页. (Мэн-цзы. Мэн-цзы / Мэн-цзы. – Пекин, 2005. – 887 с.)

228. 武占坤，马国凡. 谚语. 呼和浩特 ：内蒙古人民出版社. 1980年. 198页. (У, Чжанькунь, Мо, Гофань. Пословица / У Чжанькунь, Мо Гофань. – Хух-Хото : Народное издательство Внутренней Монголии, 1980. – 198 с.)

229. 武占坤. 中华谚谣研究. 保定 ：河北大学出版社. 2000年. 122页. (У, Чжанькунь. Исследование китайских пословиц и народных песен / У Чжанькунь. – Баодин : Хэбэйский ун-т, 2000. – 122 с.)

230. 朱介凡. 中国谚语论. 台北 ：台北新书局. 1964年. 166页. (Чжу, Цзефань. Китайское пословичное учение / Чжу Цзефань. – Тайбэй : Новое книгоиздательство, 1964. – 166 с.)

231. 朱熹. 诗经. 上海. 2013年. 471页. (Чжу, Си. Ши цзин / Чжу Си. – Шанхай, 2013. – 471 с.)

232. 庄子. 南华真经. 北京出版社. 2011 年. 887 页. (Чжуан-Цзы. Истинные классические трактаты из Южного Китая / Чжуан-Цзы. – Пекин, 2011. – 998 с.)

# СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ


1. Аверинцев, С.С. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, Т.А. Николаева. – Москва : Сов. энциклопедия, 1987. – 751 с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 806 с.
3. Большая Медицинская Энциклопедия / ред. А.Н. Бакулев. – Москва : Госмедиздат. – 2-е изд., 2001. – 797 с.
4. Большой академический словарь. Большой академический словарь русского языка. Словарь современного русского литературного языка. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – Т. 1-19.
5. Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина / под общ. ред. В.М. Мокиенко. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.
6. Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
7. Большой Энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – Москва : Советская энциклопедия, 1993. – 1632 с.
8. Даль, В.И. Пословицы русского народа / сост. В.И. Даль. – Москва : Художественная литература, 1984. – 612 с.
9. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 7602 с.
10. Демьянков, В.З. Стереотип / В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / под общей ред. Е.С. Кубряковой. – Москва :

Филол. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 177–179.

11. Евгеньева, А.П. Словарь русского языка в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд. стер. – Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 800 с.
12. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и дополн. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 485 с.
13. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 13-е изд., стер. – Москва : Дрофа, Рус. яз., 2007. – 649 с.
14. Жюльен, Н. Словарь символов : иллюстрированный справочник : пер. с фр. / Н. Жюльен. – Челябинск : Урал LTD, 1999. – 512 с.
15. Квеселевич, Д.И. Русско-английский фразеологический словарь = Russian-english phraseological dictionary : Около 7000 фразеол. единиц / Д.И. Квеселевич. – 3. изд., стер. – Москва : Рус. яз., 2001. – 704 с.
16. Кузнецов, С.А. Современный толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – 960 с.
17. Малый академический словарь: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Русский язык, 1981–1984.
18. Мартынова, А.Н., Митрофанова, В.В. Пословицы. Поговорки. Загадки / А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. – Москва : Современник, 1986. – 510 с.
19. Мокиенко, В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : Норинт, 2003. – 608 с.
20. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Народная мудрость – русские пословицы / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 416 с.
21. Новейший психологический словарь / под ред. А.А. Грицанова. – 3-е изд., испр. – Москва :Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

22. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – Москва : АТЕМП, 2006. – 938 с.
23. Рогалевич, Н.Н. Словарь символов и знаков / Н.Н. Рогалевич. – Минск : Харвест, 2004. – 512 с.
24. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 2. – 697 с.
25. Так говорят китайцы. Словарь готовых китайских выражений. – Мосвка : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
26. Толково-энциклопедический словарь : около 147 тыс. толкуемых единиц / идея проекта И.С. Храбрый; авт. науч. концепции и рук. работ С.М. Снарская; отв. ред. Е.В. Варавина и др. – Санкт-Петербурн : Норинт, 2006. – 2144 с.
27. Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. IV. – Москва : Астрель», АСТ, 2000. – 752 с.
28. Топорков, А.Л. Дом / А.Л. Топорков // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – Москва : Эллис Лак, 1995. – С. 168.
29. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – Москва : Республика, 2001. – 719 с.
30. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – Москва : Рус. яз., 1987. – 543 с.
31. Шапошников, А.К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / А.К. Шапошников. – Москва : Флинта, Наука, 2010. – 583 с.
32. Щукин, А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь : более 2000 единиц / А.Н. Щукин. – Москва : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 746 с.
33. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева.

– Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.

34. 汉语词典 (11 版) / 中国社会科学院语言研究所. 北京：商务印书馆. 1998 年. 700 页. (Толковый словарь китайского языка / Институт лингвистики Китайской Академии Общественных Наук. Вер. 11. – Пекин : Бизнес, 1998. – 711 с.)
35. 居阅时，高福进. 中国象征文化图志. 山东：齐鲁出版社. 2010 年. 255 页. (Цзюй, Юеши, Гао, Фуцзинь. Энциклопедия китайских культурных символов / Цзюй Юеши, Гао Фуцзинь. – Шаньдун : Цилу, 2010. – 255 с.)
36. 温端政. 中国谚语大辞典. 上海：上海辞书出版社. 2001 年. 1130 页. (Уэнь, Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц / Уэнь Дуаньчжэн. – Шанхай : Словарь, 2011. – 1130 с.)
37. 温端政， 王树山， 沈慧芸. 谚海. 北京:北京语文出版社. 1999 年. 989 页. (Уэнь, Дуаньчжэн; Ван, Шушань; Шэнь, Хуэйюнь. Пословицы / Уэнь Дуаньчжэн, Ван Шушань, Шэнь Хуэйюнь. – Пекин : Литература по филологии, 1999. – 989 с.)
38. 郑宏峰， 姜瑞良. 中华谚语. 西安:西安线装书. 2008 年. 779 页. (Чжэнь, Хунфэн; Цзян, Жуйлян. Пословицы китайского языка / Чжэнь Хунфэн, Цзян Жуйлян. – Пекин : Сяньчжуань, 2008. – 779 с.)
39. 中国社会科学院语言研究所. 新华字典. 北京：人民教育出版社. 2015 年. 711 页. (Китайский словарь иероглифов Синьхуа. – Пекин : народное образование, 2015. – 711 с.)
40. 周静琪. 汉语谚语词典. 北京:商务印书馆国际有限公司, 2006 年. – 1699 页. (Чжоу, Цзинциаи. Словарь китайских пословиц / Чжоу Цзинциаи. – Пекин : Литература по филологии, 2006. – 1699 с.)

## ИНТЕРНЕТ- ИСТОЧНИКИ


1. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bse.sci-lib.com/article091835.html (дата обращения : 18.02.2018).
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bse.sci–lib.com/article090171.html (дата обращения : 18.05.2018).
3. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://wiki-org.ru/wiki/%D0%A8%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0 (дата обращения : 07.11.2018).
4. Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wiktionary.org (дата обращения : 07.12.2017).
5. Журавль в японской и китайской мифологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.liveinternet.ru/users/3469412/post196817523/ (дата обращения : 26.04.2018).
6. Китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://baike.baidu.com/item/%E4%B9%8C%E9%B8%A6/430?fr=aladdin (дата обращения : 26.04.2018).
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.litprichal.ru/slovari/michelson/ (дата обращения : 07.12.2018).
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://search1.ruscorpora.ru (дата обращения : 7.10.2017).
9. Почему Петр I велел рубить бороды боярам? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ya-uznayu.ru/istoriya/pochemu-petr-velel-rubit-borody-boyaram.html (дата обращения : 17.12.2017).

10. Самый нелепый и абсурдный налог при Петре I [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://moiarussia.ru/petr–pervii–i–borodi (дата обращения : 15.09.2017).
11. Словари и энциклопедии на Академики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1095/%D0%A1%D0%98%D0%9C%D0%92%D0%9E%D0%9B (Дата обращения : 20.08.2017).
12. Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1095/%D0%A1%D0%98%D0%9C%D0%92%D0%9E%D0%9B (Дата обращения : 23.08.2018).
13. Яндекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://yandex.ru (Дата обращения : 23.04.2019)

# СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. БАС – Большой академический словарь.
2. БМЭ – Большая Медицинская Энциклопедия
3. БСКП – Большой словарь китайских пословиц
4. БСРП – Большой словарь русских пословиц
5. БСЭ – Большая советская энциклопедия
6. БЭС – Большой Энциклопедический словарь
7. КСИ – Китайский словарь иероглифов Синьхуа
8. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь
9. МАС – Малый академический словарь
10. НКРЯ – Национального корпуса китайского языка
11. НКРЯ – Национального корпуса русского языка
12. ПЕ – Паремиологическая единица
13. ПКМ – Паремиологическая картина мира
14. ПП – Паремиопространство
15. СД – Славянские древности
16. СРЯ – Словарь русского языка
17. ТСКЯ – Толковый словарь китайского языка
18. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка
19. ТЭС – Толково-энциклопедический словарь
20. УС – Устойчивые сравнения
21. ФС – Философский словарь
22. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка
23. ЯКМ – Языковая картина мира

## ПРИЛОЖЕНИЕ I. Привлеченные к анализу русские пословицы

1. Без бороды и в рай не пустят
2. Без бороды и в рай не ходи
3. Без осанки конь – корова
4. Бела, румяна – ровно кровь с молоком
5. Береги платье снову, а здоровье смолоду
6. Бог шельму метит
7. Бойся рыжего да убогого
8. Болезнь человека не красит
9. Большой нос не укора: упадешь, так подпора
10. Борода – образ и подобие Божие
11. Борода – то Минина, а совесть – то глиняна
12. Борода – трава: скосить можно
13. Борода апостольская, а усок дьявольский
14. Борода в чести, а усы и у кошки есть
15. Борода выросла, да ума не вынесла
16. Борода глазам не замена
17. Борода делу не помеха
18. Борода длинна, да не к уму она
19. Борода дороже головы
20. Борода клином, а брюхо овином
21. Борода козлу не замена
22. Борода лишняя тягота
23. Борода не в честь, она и у козла есть
24. Борода росла, а ума (разума) не принесла
25. Борода с ворота (большая), а ума с прикалиток (мало)
26. Борода с колесо, а брюхо голо
27. Борода с лопату (большая), а ума – кот наплакал (мало)

28. Борода сивая, да душа красивая
29. Борода уму не замена
30. Борода что ворота, а ума с прикалиток
31. Бородачи все бывают богачи
32. Бородка Минина, а совесть глиняна
33. Бородой в люди не выйдешь
34. Бородуля не мужик
35. Бороды, усов лишиться – что души решиться
36. Брадою честен стар, а разумом хвалён млад
37. Брить бороду – портить образ Христов
38. Будто черти на нём горох молотили
39. Будь красив, да не будь спесив
40. Будь не красен, да здоров
41. Был бы ум, а рожу не лизать стать
42. В брюхе солома, а шапка с заломом
43. В доме некрасивой жены нет грязной одежды
44. В здоровом теле – здоровый дух
45. В нем ни кожи, ни рожи, ни виденья
46. В праздник – белоличка, в будни – чумичка
47. В слепом царстве, кривой – король
48. В уборе и пень хорош
49. Велик лоб, да в голове-то мох
50. Велика фигура, да дура
51. Взор орлиный и взлёт соколиный
52. Виден сыч по полёту, сова по погляду
53. Видит и кривой, на ком кафтан плохой (или: с дырой)
54. Видно сокола по полету, а добра молодца по походке
55. Видно, она с серебра умывается
56. Видом орёл, а умом тетерев
57. Видом орёл, а умом филин

58. Видом сокол, а голосом ворона
59. Видом хорош, да на дело не гож
60. Вишенкой цветёт дочка у родной матушки, в три погибели гнётся у свекровушки
61. Ворона в павлиньих перьях
62. Ворона и за море летала, да вороной и вернулась
63. Вороне соколом не быть
64. Всё-то красные девицы изошьют, а добрые молодцы износят
65. Всегда ус молодит, борода старит
66. Всего-то красы: борода да усы
67. Вспомнила баба свой девичник
68. Вырядился как шут гороховый (как пугало огородное)
69. Где здоровье, там и красота
70. Глаз черный, взгляд бойкий, обычай волчий
71. Глаза – бирюза, а душа – сажа
72. Глаза с поволокой, роток с позевотой
73. Глазами и кос, да душою прям
74. Гнуться в три погибели
75. Голова, что чан, а ума ни на капустный кочан
76. Голос соловьиный, да рыло свиное
77. Горе старит, а радость молодит
78. Господи, какие люди толстые, а я, бедна сирота, не пролезу в ворота
79. Груди да коса – девичья краса
80. Грудь лебедина, походка павлина
81. Давно, когда еще баба девкой была
82. Дал бы Бог дородство, а красоту сама добуду
83. Девице красы до косы, а у молодца – и до конца
84. Девичья коса на всё село краса
85. Девичья коса на всю Москву краса
86. Девичья краса до возрасту, молодичья до веку

87. Девичья красота до замужества
88. Девка красива, да прясть ленива
89. Девка не мак: в один день не облетит
90. Девка хороша, да слава нехороша
91. Девушки хороши, красные пригожи, откуда же берутся злые жены?
92. Деньги – медь, одежда – тлен, а здоровье – всего милее
93. До лысины (до старости) дожил, а ума не нажил
94. Женщине красота – домостройство
95. За эту бородку давали две новгородки, да третью ладожанку
96. Зеркало не виновато, коли рожа кривовата
97. И в лице – душа, и душа хороша
98. И косое око видит далеко
99. И красава, да гулява
100. И красивые цветики ядовиты бывают
101. И красно, и цветно, да линюче
102. И крив (кривоног), да спляшет, и прям, да не ступит
103. И личиком бела, и с очей весела
104. И не красива, да счастлива
105. И один глаз, да зорок, не надобно сорок
106. И по бороде знать, что лопатой звать
107. И ряб, да Божий раб
108. И ряб, да люб, и кос, да на меня похож
109. И сам тому не рад, что родился горбат
110. И толста и пестра, а рыло свиное
111. И тонок, да жилист
112. Идёт, словно павушка плывёт
113. Из милости башмачком до травки-муравки дотрагивается
114. Из милости ступает, травы не мнет, ненароком взглянет, что рублем подарит
115. Каждому своя милая – самая красивая

116. Как ни вертись ворона, а спереди карга и сзади карга
117. Какова ни будь краса девка, а придёт пора – выцветет
118. Коли хоть немного казистее черта – красавец!
119. Копна копной так и переваливается (толстый)
120. Коса – девичья краса
121. Коса до пояса, язык до колен
122. Косой не кривой
123. Косой не слепой
124. Кости да кожа, одни рёбра
125. Кости, что крючья, хоть хомуты вешай
126. Костлява девка – тарань-рыба
127. Костлява как тарань
128. Кость да жила, а всё сила
129. Краса приглядится, а ум вперёд пригодится
130. Красавица без ума – что кошелёк без денег
131. Красен человек статью
132. Красен, как маков цвет, а ума нет
133. Красива не красавица, красива любимая
134. Красивая жена любит наряжаться, а некрасивая – любит убирать в доме
135. Красивой не была, а молодой была
136. Красивый на грех, а дурной на смех
137. Красна (красива) птица пением, а человек умением
138. Красна девка косами, а изба – пирогами
139. Красна птица пением, а человек умением
140. Красна, что райская птица
141. Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде
142. Красная краса – русая коса
143. Красота – в глазах влюбленного
144. Красота – до венца, а ум – до конца
145. Красота – до вечера, а доброта – навек

146. Красота – прах, а воровство – ремесло
147. Красота без разума пуста
148. Красота завянет, а ум не обманет
149. Красота и глупость часто бывают купно
150. Красота и здоровье – родные сестры
151. Красота как цвет: скоро увядает
152. Красота лица не много прочнее яйца
153. Красота лучше, а правда – нужнее
154. Красота обманет, а счастье – нет
155. Красота приглядится, а ум вперёд пригодится
156. Красота приглядится, а щи не прихлебаются
157. Красота разума не придаст (не прибавит)
158. Красота с чистотою редко вместе находятся
159. Красота скоро пропадает
160. Красотой сыт не будешь
161. Красотою не насытиться
162. Красоту не лизать, лишь бы жилось хорошо
163. Краше цвету алого, белее снегу белого
164. Кривой видит и одним глазом
165. Кривой не слепой
166. Кругла, бела, как мытая репка
167. Кругла, пухла, бела, румяна кровь с молоком
168. Кто гладёнек, тот и милёнек
169. Кто мил, тот и красив
170. Кудри завивай, а про дело не забывай
171. Кучерявый, без волос, тоненький, как бочка
172. Ладанка на вороту, а черт на шее
173. Ласковый взгляд, да на сердце яд
174. Лицо – зеркало души
175. Лицо – зеркало человека

176. Лицом детина, да разумом скотина
177. Лицом красавица, а нравом только чёрту нравится
178. Лицом не красив, да сердцем не спесив
179. Лицом хорош, да душою непригож
180. Личико беленько, да разума маленько
181. Личиком бел, да душою черн
182. Личиком белёнек, да умом простёнек
183. Личиком гладок, да делами гадок
184. Личиком и туда, и сюда, а делами не годится никуда
185. Личиком скрасила, а нравом подгадила
186. Лучше красоты ищи достоинства
187. Лыс конь – не увечье, плешив молодец – не бесчестье
188. Мал золотник, да дорог
189. Меж слепых и кривой в чести
190. Между слепыми и кривой красавец
191. Мила не бела, да я и сам не красен
192. Мило не мыло, а беленькое личико
193. Много красы: одни скулы да усы
194. Молодец красив, да на душу крив
195. Молодой человек приятной наружности – семь вёрст в окружности
196. Мужик чуть краше черта – уже красавец
197. Мужичок неказист, да в плечах харчист
198. На алый цветок летит мотылек
199. На взгляд что орёл, а по уму как филин
200. На красавице всякая тряпица – щёлк
201. На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко
202. На красивую глядеть хорошо, а с умной жить лучше
203. На красивый цветок летит и мотылёк
204. На красненький цветочек и пчёлка летит
205. На красоте не блины печь

206. На красоте не онучи (портянки) сушить
207. На красоту нечего уповать
208. На лице (красоте) не блины печь
209. На лицо – как яйцо, а в голове – болтень
210. На лицо красива, а на язычок – крапива
211. На хороший цветок и пчелка летит
212. Над горбом не смейся, сам сгорбишься
213. Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить
214. Наружный вид обманчив
215. Наряд соколий, а походка воронья
216. Не будь красен, да здоров
217. Не бывать плешивому кудрявым
218. Не всяк голова, у кого борода
219. Не гляди в лицо, а заглядывай в сердце
220. Не гляди на красоту, а спрашивай доброту
221. Не гляди на лицо, а гляди на обычай
222. Не гляди на рожу, гляди на душу
223. Не гляди на чуб, гляди на душу
224. Не говори с косым о кривом
225. Не гонись за красотой – тянись за разумом
226. Не за бороду – за ум (разум) жалуют
227. Не зри на лица, зри на сердца
228. Не ищи красоты, а ищи доброты
229. Не ищи красоты, а ищи досужества (ловкость, способность к делу)
230. Не к лицу румяна
231. Не краса красит человека, а ум
232. Не красавица славится, а кому кто нравится
233. Не красавицей дом держится, а умницей
234. Не красивая красива, а любимая
235. Не по виду суди, а по делам гляди

236. Не пригож лицом, да хорош умом
237. Не родись красен, да родись счастен
238. Не родись красив, не родись пригож, родись счастлив
239. Не родись красива, а родись счастлива
240. Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив
241. Не с лица нам воду пить, можно и с рябой весь век прожить
242. Не смейся слепому и хромому, чтоб не быть самому такому
243. Не смотрят на платье, смотрят на разум
244. Не сняв коры, дерева не узнаешь
245. Не спрашивай здоровья, а глянь в лицо
246. Не срубишь дуба, не отдув губы
247. Не суди по красоте, суди по сердцу
248. Не твоим носом клевать просо
249. Не тот пригож, кто лицом хорош, а тот, кто для дела гож
250. Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто для дела гож
251. Не урод – так и красавец!
252. Не учи хромого ковылять, не учи безногого хромать
253. Не шепчи глухому, не мигай слепому
254. Некрасив лицом, да хорош умом
255. Некрасива коровка, да молочко даёт
256. Некрасива, да счастлива
257. Некрасивая жена обшивает основательно
258. Некрасивая женщина боится умереть, красивая – постареть
259. Неладно скроен, да крепко сшит
260. Нельзя судить о дереве по его коре
261. Неча на зеркало пенять, коли рожа крива
262. Ни Богу свечка, ни черту кочерга
263. Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан
264. Ни кожи, ни рожи а хвостом вертит
265. Ни рожи, ни кожи, ни виденья

266. Ни росту, ни дородства, ни виденья
267. Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса
268. Ни то ни сё
269. Ногами хром, а душою крив
270. Нос крив, и нрав не прав
271. Нос крючком, борода клочком
272. Нос с локоть, а ума с ноготь
273. Один глаз на Кавказ (на вас), а другой на Арзамас
274. Один глаз на мельницу, другой на кузницу
275. Одна кудря стоит рубля, а все и за тысячу не купишь
276. Одно око, да видит далеко
277. Около неё обойдёшь – калач съешь
278. Он убог, не работник
279. Осина и без ветра шумит
280. От ворон отстала, а павам не пристала
281. От красоты сытым не будешь
282. Отщеголяла ворона в павлиньих перьях, ощипали её
283. Очи орлиные, а крылья комариные
284. Очи сокольи, брови собольи
285. Плоха рожа, да душа гожа
286. По бороде – Авраам (Абрам), а по делам – Хам (хам, дьявол)
287. По бороде апостол, а по зубам собака
288. По бороде знать, что лопатой звать
289. По бороде не батькой звать
290. По бороде Никола, а по зубам – собака
291. По бороде хоть в рай, а по делам – ай, ай
292. По наружности о человеке не суди
293. Поет, что соловушка, да пуста головушка
294. Позавидовал хромой безногому, лысый плешивому, сутулый горбатому!

295. Поперёк себя толще
296. При старости две радости: и с горбом и с бельмом (или: гроб и кила)
297. Принёс свою бороду на посмешище городу
298. Пристало, как седло к корове
299. Промеж глаз калена стрела ляжет
300. Промеж слепых и кривой в чести
301. Расти, коса, до пола, расти, коса, до пят – женихи торопят
302. Расцветает, что маков цвет
303. Рожа – хоть репу сей, хоть морковь сажай
304. Рожа кривая, да совесть прямая
305. Рожей – сокол, а умом – тетеря
306. Ростом с тебя, а умом с теля
307. Рубашка беленька, да душа черненька
308. Руки золотые, да рыло поганое
309. Руса коса до шелкова пояса
310. Рыжего, косого, да третьего кривого берегись
311. Рыжему в святых не бывать
312. Рыжи да плешивы – все люди фальшивы
313. Рыжий да красный, человек опасный
314. Рыжий да рябой – самый дорогой!
315. Рыжих и во святых нет
316. Рябая, да дорогая: что ни рябинка, то полтинка
317. Рябой оспы не боится
318. С виду-то апостол, а по делам он кобель пестрый
319. С косым не толкуй о кривом
320. С красотой не жить, а разума не купить
321. С красотой не жить, жить с умом
322. С красоты не воду пить, и с расплюсым можно жить
323. С кривым о косой не беседуй
324. С лица воду не пить – умела бы пироги печь

325. С лица воду не пить – умела бы щи варить
326. С лица воду не пить, а разума не купить
327. С лица не воду пить – умела бы в семье жить
328. С лица не воду пить, а с человеком жить
329. С лица не пряники печатать
330. С лица не удался, да счастливо счастье
331. С личика бела и с очей весела
332. С личика яичко, а внутри – болтун
333. С рыжим дружбы не води, с черным в лес не ходи
334. С такой рожей сидел бы под рогожей
335. С черным в лес не ходи, с рыжим баню не топи
336. Сама собой миленька, личиком беленька
337. Своя жена – ворона, а чужая – соколёна
338. Своя милая и не умыта красивая
339. Седая бородушка, златая головушка
340. Седина в бороду – ум в голову
341. Сердце веселится – и лицом цветёт
342. Сердце соколье, а смелость воронья
343. Сколько цвету ни цвесть, а быть она опадать
344. Снаружи мил, а внутри гнил
345. Собой красава, да душа трухлява
346. Собой красава, да не по красаве слава
347. Сова не родит сокола, а такого же черта, как сама
348. Сорок лет – бабий век, сорок пять – баба ягодка опять
349. Состаришься, так и подурнеешь лицом
350. Справна баба и хозяйством, и лицом
351. Стар дуб, да корень свеж
352. Старость не радость, и горб не корысть
353. Старый дуб не скоро сломится

354. Такая красава, что в окно глянет – конь прянет; на двор выйдет – три дня собаки лают
355. Твоё хоть краснее, а своё мне милее
356. Толста, толста, проста, проста
357. У бабы (женщины, жены) волос долог, да ум короток
358. У бабы волос длинный, а язык еще длинней
359. У богатого и по бороде масло течет
360. У кого лицо бело, тот и бает смело
361. У кривого один глаз, а видит больше нас
362. У него на лице черти горох молотили
363. У преданного сердца прекрасные глаза
364. У тебя борода, да и я не робя (не ребёнок)
365. Убери пень, и он будет красив
366. Убог ногами, не ходит, или едва ходит, скудается
367. Увечье чести не отнимает
368. Хоть богата не была, не красой – умом взяла
369. Хоть костлива, да счастлива
370. Хоть на голове-то густо, да в голове пусто
371. Хоть рожа и худа, да душа хороша
372. Хоть ряба, да Божья раба
373. Хоть с бородой да с усами, да не Сусанин
374. Хоть с корявой рожей, да по мне он гожий (красивый, хороший)
375. Худая жена – кара господня
376. Худой роже доброе сердце красу придаёт
377. Худую взять – стыдно в люди показать.
378. Что краснее, то милее, что моложе, то дороже
379. Шерсть мышья, да слава рысья
380. Щеголь, да ноги коровьи

## ПРИЛОЖЕНИЕ II. Привлеченные к анализу китайские пословицы

1. 矮人肚里疙瘩多 У карлика в животе больше мыслей
2. 矮子饶舌，破车饶楔 Низкий человек любит болтать лишнее, как сломанный извозчик чаще использует клинья
3. 艾发衰容惜寸辉 Когда у человека волосы с проседью и дряхлый вид, он понимает суть улетающего времени
4. 黯然神伤 Погрузиться в печаль - ‘человек с печальным видом’
5. 黯然失色 Терять яркость - ‘в знач. бледное лицо’
6. 八十八，莫笑人瘸脚眼瞎；九十九，莫笑人架棍子拄手 Человек в 88 лет не должен смеяться над человеком, у которого хромая нога и слепые глаза; Человек в 99 лет не должен смеяться над человеком, который опирается на костыль
7. 白发故人稀 Когда волосы становятся седые, старых друзей мало
8. 白头花鈿满面，不若徐妃半妆 Хотя старая женщина украшает себя головными уборами, но она не такая красивая как Суюфэй (жена императора, символ красивой и молодой девушки), которая красит половину лица
9. 半老徐娘 Сюй Нян в средних лет - ‘красивая женщина в средних лет’
10. 臂长衬衫短 Рука длинная, но рукав короткий
11. 彪形大汉 Здоровенный детина – мелкий тигр - ‘рослый и крепкий мужчина’
12. 表壮不如里壮 По телу сильный, но лучше по внешности крепкий
13. 鬓乱钗横 Локоны запутаны и шпильки легли поперёк - ‘о женщине, имеющей заспанный и нечёсаный вид’
14. 冰肌玉骨 Кожа льда и кости нефрита - ‘о красивом человеке’

15. 跛者不忘履，盲者不忘视 Хромой человек не забывает надеть туфли, слепой человек не забывает смотреть
16. 跛子走路，一脚高一脚低 Хромой человек ходит, то выше то ниже
17. 不秃不毒，不毒不秃；转毒转秃，转秃转毒 Человек, который не плешивый, не коварный; Человек, который не коварный, не плешивый
18. 步步生莲 Каждый шаг рождает цветок лотоса
19. 步子迈得正，不怕影子斜 Прямая походка не боится кривой тени
20. 才貌双全 Талантлив и красив
21. 财尽不交，色尽不妻 Когда у человека нет денег, больше не дружат с ним; Когда женщина теряет красоту с годами, её бросают
22. 财神爷着烂衫 – 人不可貌相 Божество Богатства (Цайшэнь) носит лохмотья – не суди человека по одежке
23. 苍髯如戟 Голубые борода как алебарда - ‘о мужчине, имеющеммощную, величественную внешность’
24. 沉鱼落雁，闭月羞花 Даже рыбу заставит погрузиться вглубь, а летящего гуся опуститься на землю; она затмит луну и посрамит цветы
25. 齿若编贝 Зубы красивой девушки как раковины
26. 赤身裸体 Абсолютно голый - ‘без всякой одежды’
27. 丑丑做夫人 Хотя женщина уродливая, стоит того, чтобы стать женой
28. 丑女来效颦，还家惊四邻 Безобразная женщина хмурит брови в подражание красавице Си-ши, когда она вернулась домой, она испугала соседей
29. 丑女一回头，千尺瀑布倒着流 Некрасивая женщина повернёт голову назад, водопад длиной в сотни метров двигается в обратном направлении
30. 丑妻持家缝衣牢 Некрасивая жена обшивает основательно
31. 丑人多作怪，秃子要带花 Уродливый человек стремится к непривычным наряду, плешивый человек любит носить цветы на голове
32. 丑媳妇家里无脏衣 В доме некрасивой жены нет грязной одежды

33. 出 水 芙 蓉 Только что поднявшиеся из воды молодые цветы лотоса - ‘красивая девушка’
34. 初发芙蓉 Только что распустившийся лотос
35. 楚王好细腰，宫中多饿死 Правителю царства Чу нравится тонкая талия, поэтому в дворце много людей, которые умирают от голода
36. 唇红齿白 Губы красны, зубы белы - ‘красивое лицо человека’
37. 唇如花瓣 Губы как лепестки
38. 粗柳簸箕细柳斗，世上谁见男儿丑 Совок делают грубыми прутами, ковш делают тонкими прутами, но всё равно из прутов, поэтому в мире нет уродливых мужчин
39. 打肿脸充胖子 Бить себя по лицу, чтобы оно распухло для придания значительного вида
40. 带素珠的老虎 – 假念弥陀 Тигр с буддийскими чётками читает притворно молитву
41. 单衫杏子红，双鬓鸦雏色 Платье красное как абрикос, волос на висках черные как у ворона . О девушке, имеющей красивую внешность
42. 当着矮子，别说矮话 С человеком маленького роста нельзя говорить слово о “маленький”
43. 刀子脸豆腐心 Лицом – нож, душа – доуфу
44. 道貌岸然 Со строго торжественным видом - ‘о человеке, имеющем притворно серьёзный вид, т.е. человек выглядит благообразным, но на самом деле он ханжа’
45. 短小却精悍 Ростом невысок, да отважен
46. 蛾眉皓齿，伐性之斧 Крутые (красивые) брови, белые (белоснежные) зубы, все это топоры, которые могут отрубить человечность в мужчине
47. 耳门广阔,聪明豁达 Человек с большими и толстыми ушами умный и великодушный
48. 耳如鼠耳,贫贱早死 Человек с маленьким ушами, как уши крысы, бедный

и рано умрет

49. 乏味的外表下，藏着一颗菩萨般般的心 Под скучным лицом скрываются душа Бодхисаттвы
50. 返 老 还 童 Превратить старость во вторую юность - ‘старике, пребывающем в полном здоровье’
51. 肥胖肥胖，身体不壮 Толстое тело, но слабое здоровье
52. 肥头大耳，满脑肥肠 Жирная морда, большие уши и толстое брюхо
53. 分花约柳 Смахнуть цветы и ветви ивы - ‘красивая подходка женщины’
54. 风度翩翩 Грациозные и изящные манеры - ‘о мужчине, имеющем изящные манеры’
55. 风 鬟 雨 鬓 Ветром – шиньон, дождём – волосы на висках - ‘о разбросанной причёске женщины’
56. 风韵犹存 Ещё сохранить изящный и грациозный вид - ‘женщина средних лет ещё сохраняет прекрасный облик и вид’
57. 凤表龙姿 Жест феникса, манера дракона, в знач. о человеке, имеющем выдающийся внешний вид
58. 凤凰靠羽毛，姑娘靠衣裳 Оперение красит птицу феникс, одежда красит девушку
59. 佛是金妆人是衣妆 Будда красив обряженный в золото, одежда красит человека
60. 芙蓉白面，尽是带玉的骷髅；美艳红妆，亦系杀人的利刃 Лотос (здесь красивую девушку сравнивают с лотосом) с белым лицом; скелет, который сделан из жада; красивые женские наряды – острый нож, которым убивают людей
61. 福在丑人边 У уродливого человека больше счастья
62. 富 贵 随 口 定 ， 美 丑 趁 心 生 Быть богатым или нет, это зависит от собственного рта; Быть красивым или уродливым, это зависит от души
63. 槁项黄馘 Высохшая шея и жёлтое лицо - ‘о нездоровом человеке’

64. 割须弃袍 Брить бороду, потерять военный кафтан - ‘о унылом виде мужчины, когда военный проиграл бой’
65. 拱肩缩背 Втягивать голову в плечи - ‘нездоровом человеке’
66. 狗行狼心 Поступок собаки, душа волка
67. 姑娘十八一朵花 Восемнацатилетняя девушка как красивый цветок
68. 骨瘦如柴 Худой как спичка - ‘о худом человеке’
69. 鼓睛暴眼 Выступающие глаза - ‘пучеглазый человек’
70. 怪模怪样 Чудаческий облик, страшный вид - ‘о человеке, имеющем некрасивый и страшный вид’
71. 光可鉴人 Блеск может в качестве зеркала - ‘красивые чёрные волосы’
72. 光头圆脑不一定是和尚 Тот , кто имеет лысую и круглую голову, не обязательно монах
73. 国色天香 Необыкновенная красота и небесный аромат - ‘о красавице’
74. 好马不在叫，人美不在貌 Хорошей лошади не нужен крик, красивому человеку не нужно красивое лицо
75. 鹤发鸡皮 Журавливые волосы и куриная кожа - ‘о старом человеке’
76. 鹤发松姿 Волосы журавля, вид сосны - ‘о здоровом старике’
77. 鹤发童颜 Волосы журавля и лицо отрока - ‘седовласый старик с моложавым лицом, здоровый старик’
78. 鹤骨霜髯 Гость журавля, борода инея - ‘о здоровом старике’
79. 黑发不知勤学早，白首方悔读书迟 Когда волосы были чёрными, не уделял время учёбе, когда волосы стали белыми, сожалеть уже поздно, что не учился
80. 黑发如瀑，鬓若堆鸦 Чёрные волосы как водопад, цвет висков как окрас перьев у вороны
81. 黑老鸹洗不成白鹅 Чёрная ворона не отмоется до белого гуся
82. 红脸如开莲，素肤若凝脂 Смущённое лицо как расцветающий лотос,

белая кожа как застывший жир

83. 红杏出墙 Цветы красного абрикоса проросли через стену
84. 红颜白发 Красное лицо и белые волосы - ‘о здоровом старике’
85. 红颜自古多薄命 С давних времен красивые женщины страдают от несчастной судьбы
86. 猴头狗脸，野兽心肝 Голова обезьяны и лицо собаки – совесть дикого зверя
87. 虎背熊腰 Спина тигра, поясница медведя - ‘о рослом и крепком человеке’
88. 瓠犀发皓齿，双蛾颦翠眉 Зубы у красавицы так красивы, как семечки тыквы-горлянки, хмурящиеся брови у неё так красивы, как пара мотыльков
89. 花容月貌 Лицо – цветок, лицо – луна - ‘о красивой женщине’
90. 花无百日红 Цветок не цветет сто дней
91. 花枝招展 Цветущие ветки во всей красе - ‘о нарядной женщине’
92. 华而不实 Цвести, но не давать плодов
93. 画龙画虎难画骨，知人知面不知心 Легко писать внешние очертания дракона,тигра, но сложно писать их кость – знать человека в лицо, но не знать его душу
94. 环肥燕瘦 Хуань (杨玉环) была полной, а Янь (赵飞燕) – худощавой - ‘у каждой женщины свои достоинства, каждая женщина привлекательна по-своему (Ян Гуйфэй (Ян Юйхуань, танская наложница; одна из четырех красавиц Китая)：Чжао Фэйянь (ханьская императрица, известная своей красотой) ’
95. 黄发垂髫 Белые волосы, свисающие волосы - ‘старики и дети’
96. 黄口小儿 Желторотый юнец - ‘о неопытном молодом человеке’
97. 回眸一笑 Оглянувшись назад, улыбнуться - ‘кокетливая улыбка и привлекательная мимика лица женщины’

98. 肌肤若冰雪，淖约若处子 Плоть (тело) и кожа как лёд и снег, грациозная манера как у девы
99. 佳人不同体，美人不同面 У красивых девушек разное телосложение и разная внешность
100. 佳人出在年少，貌美不可年 Красавица обычно молодая, а невозможно, чтобы красавица была старая
101. 佳人有意村夫俏，红粉无心浪子村 Если девушка любит кого-то, даже простого крестьянина, то думает, что он красив ; А если не любит, то думает, что он груб, даже если он богатый повеса
102. 尖嘴猴腮 Острый рот, щёки обезьяны - ‘о человеке, имеющем безобразный вид’
103. 见着秃子不讲疮，见着瞎子不讲光 Когда видишь лысого, не говори о нарывах; когда видишь слепого, не говори о свете
104. 剑眉星目 Брови – меч, глаза – звезды - ‘о красивом человеке’
105. 健步如飞 Упругая походка, как будто летит - ‘быстрая и упругая походка’
106. 娇小玲珑 Обаятельная, маленькая, прозрачная и хрупкая - ‘маленькое и ловкое телосложение женщины’
107. 胶布缠不小，官不缠不大 Если ноги не бинтовать, они не станут маленькими; если на работе не раболепствовать, не сможешь получить повышение
108. 脚大脸丑家中宝，丈夫不嫌就是好 Если муж не уйдет от жены с большими ногами и уродливой рожей , то она станет, сокровищем в доме
109. 脚大站的稳，嘴大吃饭准 Человек с большими ногами стоит твёрдо ; человек с большим ртом не пропустит еду
110. 脚长手短，面善心凶 Человек с длинными ногами и короткими руками – добрый с виду, но злой внутри
111. 金絮其外，败絮其中 Как золото и яшма снаружи, как гнилая вата

внутри

112. 荆钗布裙 Терновые шпильки и холщовая юбка - ‘о скромной одежде женщины’

113. 精神矍铄 Бодрый и энергичный вид - ‘о здоровом и энергичном старике’

114. 鸠形鹄面 Тело горлицы, лицо лебедя - ‘о худом и изможднном человеке’

115. 臼头深目 Углублённая макушка головы и впалые глаза - ‘о уродливом человеке’

116. 开口不笑白头翁，花好能有几时红 Не надо насмехаться над человеком с седыми волосами – красивый цветок тоже не может цвести всегда

117. 快刀不磨生锈，胸膛不挺背驼 Если острый нож долго не точат, он легко ржавеет; если стройный человек не выпрямляет спину, он становится горбатым

118. 魁梧奇伟 Крепко сложенный - ‘о рослом и крепком мужчине’

119. 狼顾鹰视 Повернуть голову назад как волк с ястребиный взгляд - ‘человек злой и хитрый’

120. 狼眼鼠眉 Волчьи глаза и крысьи брови - ‘свирепый, злонамеренный вид человека’

121. 老态龙钟 Старческая дряхлость и медленное движение - ‘о человеке в глубокой старости’

122. 梨花带雨 Дождём осыпаются цветы груши - ‘даже когда женщина в слезах, она тоже красивая’

123. 立如芝兰玉树,笑如朗月入怀 Мужчина стоит как гриб долголетия, улыбается как лунный свет льётся на руки

124. 脸若银盘,眼似水杏,唇不点而红,眉不画而翠 Лицо как серебряный диск луны, глаза как абрикос, не нужно красить губы, а губы сами красные, не нужно красить брови, а брови чёрные

125. 脸若银腮凝新荔,鼻膩鹅脂,温柔沉默,观之可亲 Смущённое лицо как свежие какличжи, нос как масло гуся, нежная и молчаливая, всем нравится

126. 脸色蜡黄 Жёлтое лицо – волк - ‘жёлтое лицо’

127. 脸上无肉，必定歹毒 Худое лицо – злая душа

128. 两耳垂肩，贵不可言 Человек с длинными мочками очень богатый и знатный

129. 两耳兜风，卖田的祖宗 Человек с торчащими ушами промотает имущество родителей

130. 两耳如纸, 贫穷无倚 Человек с тонкими ушами, как бумага, бедный и не на кого опереться

131. 两弯似蹙非蹙笼烟眉，一双似喜非喜含情目 У красивой девушки брови как туман и дым, кажется, хмурит брови и кажется не хмурит; у неё влюбленные глаза, кажется радуется или не радуется

132. 柳腰莲脸 Ивовая талия, лотосовое лицо

133. 柳叶弯眉，樱桃小口 Крутые и изогнутые брови как ивовые листья, маленькие губы как вишня

134. 龙眉豹颈 Брови дракона, шея леопарда - ‘о человеке, имеющем необычный облик’

135. 龙眉凤目，蜂腰削背 Брови дракона, глаза феникса, талия и спина медоносной пчелы

136. 落发除烦恼，留髭表丈夫 Постричься в монахи и стать монахом можно снести огорчение, отпустить бороду – символ мужчины

137. 麻面姑娘爱擦粉，癞痢姑娘好带花 Девушка с рябым лицом любит пудриться, паршивая девушка любит носить цветы на голове

138. 麻人老的快，阴天黑的早 Человек с рябинами выглядит старше, чем обыкновенный человек, день с пасмурной погодой выглядит раньше сумеречным, чем нормальная погода

139. 马瘦毛长，人穷面黄 Худая лошадь – длинная шерсть, бедный человек – желтое лицо

140. 貌不出众 Посредственный облик - ‘обычный облик’

141. 貌美如花 Красивое лицо как цветок - ‘о красавице’

142. 美丽的面孔不算美，美丽的心灵才是美 Красивая душа важнее красивой внешности: Красивое лицо не означает красоту, красивая душа – это красота

143. 美貌而无美德，犹如不香的花 Красивое лицо без прекрасных качеств, как цветы без запаха

144. 美女累其夫 Красивая женщина вовлекает мужа в беду

145. 美女入室，恶女之仇 Красивая девушка пришла, уродливая рассматривает её в качестве врага

146. 美人当以玉为骨，雪为肤，芙蓉为面，杨柳为姿，更重要的是以诗词为心 У красавицы кость как яшма, кожа как снег, лицо как лотос, манера как тополь и ива, и самое важное, стихи в душе

147. 美如冠玉 Прекрасен, как нефрит на головном уборе - ‘о красивом мужчине’

148. 美色不同面,皆佳于目 Хотя красавицы имеют разные лица, благодаря им радуются сердце и глаз

149. 靡颜腻理 Прелестное лицо и нежная кожа - ‘о женщине, имеющей красивый облик’

150. 面红耳赤 Лицо покраснеет и уши покраснеют - ‘красное лицо’

151. 面黄肌瘦 Жёлтое лицо, худое телосложение - ‘жёлтое и нездоровое лицо’

152. 面目可憎 Отталкивающая физиономия - ‘отвратительная внешность человека’

153. 面目狰狞 Свирепый облик - ‘о человеке, имеющем страшный, злой облик’

154. 面如白纸 Бледный как бумага - ‘бледное лицо’

155. 面如满月 Лицо как полная луна - ‘белокожее, чистое и красивое лицо’

156. 面如桃花， 心若毒蝎 Лицо словно цветок персика, душа – ядовитый скорпион

157. 面如土色，色如死灰 Лицо стало серым, как земля, цвет, как мертвая зола

158. 面若桃花虞美人 Когда красивая девушка смущается, её лицо, как цветок персика, как мак-самосейка

159. 面无血色 Ни кровинки в лице - ‘бледное лицо’

160. 面有菜色 В лице цвет овощей - ‘не здоровый, голодный вид’

161. 明眸皓齿 Светлые глаза и блестящие зубы - ‘красивое лицо женщины’

162. 嫫母有所美，西施有所丑 Мому (одна из жён мифического императора Хуан-ди: обр. в знач.: некрасивая, уродливая женщина) имеет кое – что красивое, красавица (по имени Си Ши, красавицы из княжества Юэ, эпоха Чуньцю) имеет кое – что некрасивое

163. 莫图颜色好，丑妇家中宝；休闲官不要，夫妻直到老 Выбирать жену каждый должен не по внешности, уродливая жена – это сокровище в доме, она может жить с мужем вместе до старости

164. 眸子不能掩其恶 Зрачком нельзя замазать зло

165. 目光如炬 Взгляд как огонь - ‘гневный взгляд’

166. 男大十，不算大，女大十，像他妈 Муж старше жены на лет 10 - это ничего страшного, а если жена старше мужа на 10 лет, она выглядит как его мама

167. 男儿不展风云志,空负天生八尺躯 Если мужчина не может осуществлять свое призвание, то зачем ему нужен рост 8 чи

168. 男人三十一枝花，女人三十豆腐渣 Тридцатилений мужчина как цветок, тридцатиленяя женщина как бобовая гуща

169. 男人要身价，女人要身段 Люди ценят не по социальному статусу

мужчины, а ценят по фигуре женщины

170. 男要俏，一身皂；女要俏，一身孝 Если мужчина хочет быть красивым, ему надо надеть чёрную одежду; Если женщина хочет стать красивой, ей надо надеть белую одежду

171. 年老色衰 Состарившись, потерял красоту и блеск - ‘в старости человек становится некрасивым ( о женщине )’

172. 袅袅婷婷 Изящество и прелесть - ‘красивая подходка женщины’

173. 牛高马大 Высокий бык, большая лошадь - ‘о рослом и крепком человеке’

174. 牛鬼蛇神 - Бычий демон и змеиный дух

175. 牛怕阴阳角，人怕吊斜眼 Бык с разными размерами рогов – драчливый, человек с косоглазием – злой.

176. 牛头马面 Бычья голова и лошадиная морда

177. 女大三， 抱金砖 Если жена страше мужа на 3 года, жизнь будет богатой, как будто она держит слиток золота

178. 女貌郎才，一双两好 Женщина красива, мужчина талантлив – идеальная пара

179. 女人额头高，杀夫不用刀 Жена с большим лбом может убить мужа без ножа - ‘излишний ум жены – несчастье для мужа ’

180. 女人一枝花，全靠衣当家 Женщина как цветок, одежда делает её

181. 女为悦己者容，士为知己者死 Мужчина отдаст жизнь за того, кто его ценит, женщина украшает себя для того, кому нравится

182. 膀大腰圆 Широкие плечи и полная талия - ‘о крепком и рослом человеке’

183. 胖子不是一口吃成的 Толстяком становятся не сразу

184. 蓬头垢面 Растрёпанные волосы и грязное лицо - ‘грязный и неряшливый вид человека’

185. 蓬头历齿 Торчащие волосы, редкие зубы - ‘о старом облике человека’

186. 披头散发仪不整 Человек с распущенными и всклокоченными волосами не красивый

187. 翩若惊鸿，婉若游龙 Порхать и ходить как встревоженный гусь и летящий дракон

188. 平头正脸 Обычная голова, нормальное лицо - ‘обычные черты лица’

189. 菩萨面，蝎子心 Лик Бодхисаттвы – душа скорпиона

190. 妻大两，黄金日日长，妻大三，黄金积如山 Если жена старше мужа на 2 года, дома золото увеличивает каждый день; Если жена старше мужа на 3 года, золото лежит горами в доме

191. 其貌不扬 Невзрачная внешность - ‘о некрасивом человеке’

192. 荞麦开花, 秃子当家 Гречиха посевная расцветит, плешивый человек управляет хозяйством (невозможная вещь)

193. 俏媳妇打扮自己, 丑媳妇打扫屋子 Красивая жена любит наряжаться, некрасивая жена любит убирать в доме

194. 螓首蛾眉 Широкий лоб, изогнутые брови - ‘красивое лицо женщины’

195. 倾国倾城 Быть способной покорять города и погубить государство - ‘о бесподобной, несравненной красавице’

196. 情人眼里出西施 В глазах каждого любящего его возлюбленная кажется такой же красивой, как Си Ши

197. 秋娘虽老，风韵犹存 Хотя престарелая (увядшая) женщина не молода, но она сохраняет элегантность и очарование молодости

198. 囚首垢面 Голова арестанта, грязное лицо - ‘немытый и грязный человек ’

199. 曲眉丰颊 Изогнутые брови и полные щечки - ‘о человеке, имеющем красивый и полный облик’

200. 娶妻娶德不娶色 Выбирать жену по доброте, а не по красоте

201. 瘸子爬不上高山 Хромой человек не может подниматься на высокую гору

202. 人不可貌相，海水不可斗量 О человеке нельзя судить по лицу, равно как нельзя черпаком измерить море

203. 人不能看脸，恶貌不一定阴险 Не гляди на лицо, человек с уродливым лицом не обязательно коварный

204. 人高马大 Высокий человек, рослая лошадь - ‘высокий, рослый человек’

205. 人贵德不贵衣 Не по одежде суди, а по добродетели

206. 人老珠黄,春残花谢 Старый человек как пожелтевшая жемчужина; Весна заканчивается, цветок облетает

207. 人脸上没有肉，可也有四两豆腐 Хотя у человека не полное лицо, как минимум у него четыре лян тофу (лян – единица измерения массы)

208. 人面相似，人心不同 У людей могут быть похожие лица, но разные души

209. 人瘸心不瘸 Хромая нога – Прямая душа

210. 人要脸树要皮 Человеку нужно лицо, как дереву нужна кора

211. 日角珠庭 Широкий висок и налитой лоб - ‘о человеке, имеющем красивый и необыкновенный облик’

212. 如花似玉 Как цветок и нефрит - ‘о изумительной красавице’

213. 如今世上人眼浅，只重衣衫不重人 Сегодня многие с подобострастием смотрят в глаза сильным мира сего, они только обращают основное внимание на одежду, а не на душу

214. 乳臭未干 Молоко на губах не обсохло - ‘о неопытном молодом человеке’

215. 若要俏，添重孝 Если девушка хочет быть красивой, ей нужно носить в белую одежду

216. 弱不禁风 Такой слабый, что от ветерка с ног валится - ‘о слабом и нездоровом человеке’

217. 色若死灰 Цвет как мёртвая зола - ‘бледное лицо’

218. 山眉水眼 Брови – горы и глаза – вода - ‘прелестные, чистые и яркие глаза женщины’

219. 身高八尺，犹如柏松 У мужчины рост 8 чи, как у сосны

220. 身轻如燕 Двигаться очень легко и проворно, как ласточка

221. 身体发肤，授之父母 Родители дали детям кожу, волосяной покров, тело – это часть родителей, поэтому нельзя этого лишиться

222. 身长六尺，天下难藏 Человек с ростом 6 чи нигде не может скрыться

223. 身正不怕影子斜 Прямое тело не боится кривой тени

224. 神龙马壮 Бодрый дракон, крепкая лошадь - ‘о рослом и крепком человеке’

225. 生龙活虎 Живой дракон и живой тигр - ‘о здоровом и бодром человеке’

226. 十八，廿三，低过牡丹 Восеминацатилетняя, двадцатитрехлетняя девушка красивее, чем пион

227. 十胖九虚 Можно найти девять слабых из десяти толстых людей

228. 十七十八无丑女 Семнадцатилетняя, восемьнадцатилетняя девушка не уродлива

229. 手如柔荑，肤如凝脂，领如蝤蛴，齿如瓠犀，螓首蛾眉，巧笑倩兮，美目盼兮 У красавицы руки - молодой побег, кожа как застывший жир, шея как личинка, зубы как семечки тыквы-горлянки, лоб как у цикады, брови дугой как усики шелкопряда, О, как чудесна улыбка лукавая, о, как сверкают прекрасные очи!

230. 双瞳剪水 Ясные очи подёрнулись влагой - ‘яркие и красивые глаза’

231. 耸膊成山 Когда человек пожимает плечами, его плечи похожи на форму иероглифа“山” - ‘о худом человеке’

232. 桃腮杏眼 Щёки как персики, глаза как абрикос - ‘красивое лицо, прелестная наружность’

233. 天桃秾李 Нежный персик и пышное сливовое дерево - ‘о красивых невесте и женихе’

234. 铜筋铁骨 Медные мышцы, железные кости - ‘кто-то имеет здоровый и сильный вид’

235. 头发长见识短 Волосы то длинные, да узок кругозор

236. 秃头爱戴帽 Плешивый человек любит носить шапку

237. 秃子不要笑和尚，脱了帽子一个样 Плешивый человек не дожен смеяться над монахом, они выглядит так же, когда снимает шапку

238. 秃子省不下梳子钱，瞎子省不下点灯钱 Плешивый человек не может экономить деньги на расчёски, слепой человек не может экономить деньги за свет

239. 徒有其表 Внешне красивый, но на практике неприменимый

240. 腿长不怕路远 Человек с длинными ногами не боится дальнего похода

241. 歪瓜裂枣 Кривые арбузы и треснутые финики - ‘о непривлекательных людях’

242. 歪嘴的和尚念不出好经来 Монах, у него который кривой рот, не может читать хорошую молитву

243. 歪嘴讲直话，歪竹出直笋 Человек с кривым ртом говорит без утайки; Кривой бамбук даёт прямой побег

244. 宛转蛾眉 Чудесные и тонкие брови, поднятые слегка вверх - ‘красивое лицо женщины’

245. 无需虚胖，但求实肚 Толстая фигура – это лишнее, крепкий живот – это необходимо

246. 五大三粗 Пять частей тела большие, а три части толстые (пять частей тела – голова, руки, ноги; три части – шея, талия, щиколотка) - ‘о крепком и рослом человеке’

247. 五短身材 Пять частей тела (конечности и торс) очень маленькие - ‘маленький рост человека’

248. 雾鬓风鬟 Волосы на висок – туманом, ветром – шиньон - ‘о красивой прическе женщины или о растрёпанной причёске женщины’
249. 犀颅玉颊 Висок носорога, щёки – нефрит - ‘о мужчине, имеющем необычный, красивый облик’
250. 瞎子不谢赠镜人 Слепой человек не благодарит человека, который подарил зеркало
251. 瞎子的耳朵聋子的眼 Уши слепого и глаза глухого отличаются от обыкновенных людей
252. 瞎子善听，聋子善观 Слепой человек искусен в слухе, глухой человек искусен в зрении
253. 瞎子只说灯不明，瘸子只说路不平 Слепой человек просто сказал свет не ясный, хромой человек просто сказал дорога не ровная
254. 仙姿玉貌 Облик феи, лицо – нефрит - ‘красивое лицо женщины’
255. 纤纤玉指 Тонкие пальцы нефрита - ‘о женщине – у которой красивые и тонкие пальцы’
256. 闲官清，丑妇贞，穷吃素，老看经 У человека неважная должность - он неподкупный, у уродливой женщины несгибаемый характер, бедный питается вегетарианской пищей, пожилой человек читает канон
257. 香消玉殒 Нефрит разбит, цветы увяли.
258. 小脚一双，眼泪一筐 Слёзы женщины с маленькими ногами заполняют целую корзину
259. 斜眼撂眼角,不是正经货 Человек с косыми глазами, который опускает (т.е. вниз смотреть) уголки глаз, нехороший
260. 心宽体胖 Когда душа спокойна, человек полнеет - ‘о человеке, имеющем здоровый раздобревший вид от привольного житья’
261. 熊罴眼直，恶人横目 Злой человек как медведь, у обоих ястребиные глаза
262. 秀外慧中 Прекрасен внешне и мудр внутренне - ‘красивая и умная

женщина’

263. 绣花有色不问香 У цветка есть красивый цвет, но нет аромата (сохранять лишь видимость).

264. 绣花枕头一肚草包 Человек как вышитая подушка снаружи, как соломенный мешок нутри

265. 须发皆白 Волосы и борода белые - ‘о старом человеке’

266. 徐娘半老，风韵犹存 Женщина в зрелом возрасте, сохранит элегантность и очарование молодости

267. 削肩细腰,长挑身材,鸭蛋脸面,俊眼修眉,顾盼神飞,文彩精华,见之忘俗 У красавицы узкие плечи и тонкая талия, длиная фигура, лицо как утиное яйцо, выразительные глаза и крутые брови, она часто в приподнятом настроении, она начитанная, и увидев её сразу можно забыть о мещанстве

268. 削嘴薄唇，说到四邻 Тонкий рот, тонкие губы – символ болтливого человека

269. 雪鬓霜鬟 Волосы на висках – снег, шиньон – иней, - ‘о старом человеке’

270. 雪肤花貌 Кожа – снег, лицо – цветок - ‘о красавице’

271. 牙齿老缺，胡子老白 Когда стареешь, зубы становятся редкими, борода становится белой

272. 妍皮不裹痴骨 Красивой кожей нельзя забинтовать уродливые кости

273. 颜丹鬓绿 Красное лицо и чёрные волосы - ‘о молодом человеке’

274. 眼睛虽小，可以看得更远 Глаз мал, да далеко видит

275. 眼若饥鹰 Глаза голодного ястреба

276. 眼邪心不正，鼻歪意不端 Кривые глаза – кривая душа; кривой нос – злой замысел

277. 艳如桃李 Цвет лица у девушки как персики и сливы

278. 燕颔虎颈 Зоб ласточки, шея тигра - ‘о мужчине, имеющем замечательную внешность’

279. 杨柳细腰 Тонкая талия – лозина - ‘тонкая талия женщины’
280. 窈窕身姿似水蛇，黑发盘花挽奇香 Грациозная осанка, как у водяной змеи, волосы с цветами источают замечательный аромат
281. 药店飞龙 Фэйлун (летающий дракон) в аптеке - ‘о очень худом человеке’
282. 一白遮百丑 Одним белым закрывается сотня несовершенств (о белой коже)
283. 一代娶矮妻，三代没高人 Если жениться на невысокой, сын и внук будут невысокого роста
284. 一富遮三丑 Одним богатым закрывается три уродства
285. 衣不曳地 Одежда так коротка, чтобы не до земли - ‘быть скромно одетый’
286. 衣冠不整 Быть неряшливо одетым
287. 衣冠楚楚 И платье, и головной убор в полном порядке - ‘человек в парадной, нарядной одежде, которая не соответствует внутреннему состоянию человека’
288. 衣冠禽兽 Зверь в человеческом облике
289. 衣衫褴褛 В лохмотьях - ‘быть жалко одетым’
290. 衣是人之威，钱是人之胆 Одежда – это величие человека, деньги – это смелость человека
291. 以色事他人，能得几时好 Женщина нравится человеку красотой, неужели у неё настолько счастливые дни?
292. 英雄难过美人关 Герой трудно преодолеет барьер красавицы
293. 鹰头雀脑 Голова орла и голова воробья - ‘о человеке, имеющем уродливый облик и хитрый вид’
294. 有一分之貌必有一分之才 Одна красота соответствует одному уму
295. 与其选择漂亮的脸，不如选择善良的心 Цени добрую душу, а не красивое лицо

296. 玉软花柔 Хрупкий как нефрит и нежный как цветок

297. 玉树临风 Дерево нефрита по ветру - ‘о красивом и талантливом молодом человеке’

298. 云鬓浸漆，青丝如瀑落玉簪 Высоко взбитые локоны на висках как масляная краска, чёрный шёлк (о шелковистых волосах женщины) как водопад и госта подорожниковая

299. 贼眉鼠眼 Брови вора и глаза крысы - ‘о человеке, имеющем некрасивый и плутоватый вид’

300. 站如松，坐如钟，行如风，卧如弓 Стоять как сосна, сидеть как колокол, ходить как ветер, лежать как самострел

301. 獐头鼠目厌妄庸 Голова водяного оленя, глаза крысы – хитрый и пошлый

302. 长发如雾又如云，好似结绳绾君心 Волосы красивой девушки как туча и туман, ими как верёвками привязывает сердца мужа

303. 脂粉虽多，丑面不加；膏泽虽光，不可润草 Хотя красит многими румяной и пудрой, нельзя закрыть безобразное лицо; хотя жир очень блестящий, нельзя оросить траву

304. 自古红颜多薄命,聪明子弟少容颜 Издавна красавицы имеют несчастную судьбу, умный мужчина имеет уродливое лицо

305. 嘴上没毛，办事不牢 Желторотый, молодой, нельзя верить его способностям к работе